An illustration of two young girls walking in a snowy city street. The girl on the left has long dark hair, wears a yellow beanie, a yellow scarf, and a striped coat. The girl on the right has braided hair, wears a hooded brown coat, and is holding a small object. The background shows a building with many windows. The bottom half of the image has a yellow banner with text.

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Юлия Кузнецова

Фонарик Лилька

Annotation

Повесть рассказывает о дружбе двух девочек – 19-летней Гали и 11-летней Лильки.

Галя недавно закончила школу и после курсов бариста приехала «покорять Москву». Однажды на ее голову «сваливается» неугомонная Лилька. У девочки благополучная семья, заботливые родители, но, стараясь оградить дочь от потенциальных опасностей, они во всем ее контролируют. Это вызывает у Лильки желание убежать из дома, соврать, чтобы ее оставили в покое.

Начав общаться, девочки становятся необходимы друг другу. Благодаря Гале Лильке удастся преодолеть свои страхи. Она ищет контакта с родителями, становится увереннее в себе, даже находит силы спасти подругу в, казалось бы, безвыходной ситуации. А Галя пересматривает свое отношение к окружающим, становится внимательнее к другим, мудрее.

Для среднего школьного возраста.

- [Юлия Кузнецова](#)
  -
  - [О конкурсе](#)
  - [Фонарик Лилька](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)

- [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Об авторе этой книги](#)
  - [О художнике этой книги](#)
-

Юлия Кузнецова

Фонарик Лилька

- © Кузнецова Ю., 2014
- © Рыбаков А., оформление серии, 2011
- © Пещанская М. А., иллюстрации, 2014
- © Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА
МОСКВЫ

*Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации и рекламы города
Москвы*

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей, присланных из России, ближнего и дальнего зарубежья.

Четвертый конкурс был объявлен в 2013 году, в год 100-летия классика отечественной литературы. Было прислано более 300 рукописей. Профессиональное жюри, возглавляемое известным публицистом, журналистом, писателем Генрихом Боровиком, отметило возросший качественный уровень работ и расширившуюся географию участников. Из тринадцати произведений, вошедших в шорт-лист Конкурса, лучшими были признаны повести «Степной ветер» Ирины Дегтяревой, «Херсонеситы» Татьяны Корниенко и «Ключ от города Антоновска» Михаила Карчика.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из двенадцати подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов.

Для иллюстрирования книг привлечены молодые талантливые художники, потому читатель имеет возможность познакомиться не только с новыми авторами, но и с современными иллюстраторами.

Фонарик Лилька
Повесть

Глава первая

Настоящий медведь

Я не так собиралась встретить этот день – не прислонившись к ледяной стене, обхватив себя руками. Закрыв глаза, я то проваливалась в сон, то просыпалась, чтобы проверить время на мобильном, – пора?

– А ты чем по жизни занимаешься? – лениво спросила одна из розововолосых, которые часа три назад «зажигали» на танцполе, а теперь мерзли вместе со мной в томительном ожидании, держась за стенку и медленно моргая слипшимися ресницами.

Отвечать не хотелось. Но я ответила. Наверное, потому, что моя профессия – мой понт. А поднять самооценку после всего, что произошло, мне было полезно. Вроде лекарства от всех болезней. Точнее, от одной.

– О-о-о! – простонала девочка-фламинго. – Как это круто! Я тоже хотела! Давно хотела! А что ты заканчивала?

На этот раз я не ответила. Мобильный показывал, что пора, и я ему поверила. Сбежала по ступенькам, перепачканным мартовской снежной кашей, в подземный переход, спугнула парочку голубей, что-то выклевывавших из грязной лужи. Всполошенные, они разлетелись в разные стороны. Так и надо всем парочкам на свете!

– Не уходи! Пожалуйста! Не уходи! – кричала мне вслед девочка-фламинго.

Я обернулась.

Она ползла за мной, держась за стенку обеими руками и даже прижимаясь щекой, будто танцуя с ней танго. Слишком много коктейлей, слишком.

Я покачала головой. Эти слова должен был пять часов назад произнести совсем другой человек.

В метро я заснула. Когда открыла глаза, двери вагона были распахнуты. Я узнала стены – черно-коричневые, ребристые, словно собранные в мелкую гармошку, – и вскочила, но двери захлопнулись, словно только и ждали, когда я проснусь. Поезд тронулся дальше, а я ухватилась за поручень и опустила глаза.

Все, кто не спал, смотрели на меня, а дядька с чемоданом, сидевший ближе других к выходу, зачем-то оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы. Люди любят смотреть на неудачников. Им хотелось изучить меня: что с ней не так? Почему она проспала свою станцию?

Когда в конце концов я выбралась на улицу, было почти светло и ни капельки не тепло. Я шмыгнула носом, вынула шапку из кармана куртки, натянула. Решила сократить путь, пройдя через сквер.

Подумала о времени, но не подумала о том, что скользко. Лед в сквере никто счищать не собирался: всех все устраивало, и, вместо того чтобы идти и дремать на ходу, мне пришлось двигаться черепашьям шагом, напряженно пробуя ногой каждый кусочек дороги. Пару раз поскользнулась, пару раз выругалась. А ведь могла быть совсем в другом месте!

Оглядев сквер в поисках тропинки, непохожей на каток, я заметила на скамейке парочку; на ней было зеленое пальто.

«Липатова», – узнала я.

Правда, совершенно непонятно, что Лариска могла делать в шесть утра в заледеневшем сквере. Ее электричка только в семь приходит на Ярославский вокзал. Но раз уж она все равно тусуется с каким-то мужиком, я могу ее отозвать в сторону всего на пару минут и излить душу. Мне нужно с кем-то разделить мою беду. Иначе я сойду с ума.

Приблизившись не без труда к скамейке, я обнаружила, что в зеленом пальто никакая не Липатова, а девчонка лет десяти – двенадцати. Она сидела и смотрела перед собой. Рядом с ней сидел дядька и смотрел на нее.

«Папа и дочка», – решила я и уже собиралась ползти по скверу дальше, как вдруг остановилась и снова посмотрела на эту странную парочку.

Ноги девочки были похожи на разогнутые скрепки, и ботинки настолько огромны, что в них поместились бы не только ноги девочки, но и

немного кирпичной крошки, которую следовало бы подсыпать, чтобы хозяйку ботинок не сдуло ветром. Смешная шапка как мордочка медвежонка. Глазки, ушки. Сидит, смотрит на дорогу. И глаза медведя тоже смотрят на дорогу.

А вот дядька... Дядька был в коричневой куртке, в коричневых штанах и валенках. Я зацепилась взглядом за валенки. У нас, в Пушкине, можно было встретить в магазине какого-нибудь старикана в валенках, но в Москве, в нашем кафе... Я не видела.

Валенки не вязались с шапкой-медвежонком. И тем, как дядька смотрел на нее. Его взгляд мне напомнил экспонат в «Экспериментаниуме», куда меня как-то водил Серёня. Поток воздуха держит шарик. Шарик кувырывается, но на пол не падает. Взгляд дядьки держал девочку, как шарик, хотя она даже на него не смотрела.

Я взглянула на ледяную дорогу. Потом снова – на них. Девочка комкала в руках какой-то пакет. Пакет шуршал, и этот звук не давал пройти мимо.

Мне не понравилась эта парочка. Настолько не понравилась, что я решила вмешаться.

Пошарила в кармане, нашла бумажку. Осторожно шагнула к ним. Когда я подошла, девочка по-воробьиному вздернула голову и испуганно посмотрела на меня.

– Добрый день, – хрипло сказала я и протянула им бумажку, – в нашем кафе сегодня акция. Купите один кофе – второй получите бесплатно. Вот флаер.

Я протянула флаер им обоим. Никто даже не сделал попытки взять. Дядька медленно отвел глаза от девочки. А она дернулась и задышала часто-часто.

Дядька теперь уставился на меня. У него были толстые губы, толстые щеки, и веки тоже были какими-то толстыми, а глаза странные, бутылочного цвета, как будто ничего не выражающие. Но у меня внутри застучало-заколотилось. Казалось, что смотрит, смотрит, а потом – как укусит за куртку! А девочка все дышала-дышала-дышала и даже головой дергала в такт дыханию. Я набрала воздуха, как перед прыжком в воду, и затараторила, обращаясь к девочке:

– Слушай! Ты такая красивая! А тебе никто не предлагал в рекламе сняться? Я работаю в одном агентстве. Нам как раз нужны девочки, чтобы зубную пасту рекламировать.

Я несла эту чушь, а про себя молила: «Ну скажи, мужик, скажи: «Отвалите, барышня, от моей дочери со своими идиотскими предложениями!» А лучше пусть она спросит: «Пап! Можно?» Она спросит, а я признаюсь с облегчением, что наврала, и пойду домой. Медленно, но спокойно.

Девочка молчала. И он тоже. Только смотрел на меня своими странными глазами.

– Давай? Пойдем со мной? – весело сказала я девочке. – Заодно к твоим родителям зайдем, спросим разрешения.

Дядька вдруг оглянулся. Так, как воры в фильмах оглядываются, прежде чем в квартиру войти.

«Нож достанет!» – психанула я.

Сделала один ватный шаг, схватила девочку за плечо и подняла ее.

Девочка застыла и зажмурилась. И я испугалась, что она сейчас грохнетя в обморок, потом опустила глаза и увидела, что этот боров держит ее за руку. За запястье. У нее часы были на запястье. Красный резиновый ремешок виднелся под его толстыми пальцами. А другая рука борова была в кармане.

Кричать в пустом ледяном сквере было жутко да и бесполезно, но я решила:

– Полиция! – И погромче: – Помогите!

Ухмылка. По мне пронеслась волна мурашек: у него не было двух передних зубов, и улыбался он, по-звериному растягивая толстые губы. Он вытащил вторую руку, пустую, и потянулся ко мне. Но тут мы оба повернули головы к метро: оттуда вышла тетка, за ней – двое парней в синих спортивных куртках.

Он разжал пальцы, а я дернула девочку за плечо, увлекая за собой к магазину, к аптеке, к людям. Она топала по ледяной дороге, и ноги у нее разъезжались, как у только что родившегося Бэмби.

Глава вторая

Лиля

Так мы и ползли по скользкой дороге, как мухи по стеклу. Я впереди – она за мной. Я не оборачивалась, да и девчонка сосредоточилась только на своих ногах. Навстречу нам шли люди, и образ получеловека-полумедведя переставал пугать, растворялся в первых солнечных лучах. Я даже зевнула и на секунду забыла о своей спутнице, но потом снова вспомнила и спросила, когда мы добрались до светофора:

– Ну и чего?

Она вскинула на меня глаза. Серьезные, светло-голубые, а ресницы темные, как покрашенные.

– Что – чего? – тихо спросила она.

И я увидела у нее на верхних зубах пластинку. Из-за нее она слегка шепелявила.

– Чего ты со мной идешь? – спросила я. – Ты правда думаешь, что мы идем рекламировать зубную пасту?

Она покачала головой.

– Нет... Я поняла, что вы... так сказали... чтобы он там остался...

– Хорошо, что поняла, – подбодрила я ее. – Значит, крыша у тебя на месте.

Я думала ее рассмешить, но она неожиданно нахмурилась и отвернулась. Из-под шапки торчала светлая коса.

– А кто это был? – любопытствовала я.

– Не знаю... Он просто сказал: «Сядь сюда». Ну я испугалась и села с ним.

– Чего испугалась? – не поняла я.

– Ну, что он рассердится, если не сяду.

– И что?

– Ну, кричать на меня начнет. Ругать, – добавила она шепотом, по-прежнему глядя в сторону.

– Ругать?.. – повторила я. – Все-таки с крышей у тебя нелады. Протекает. Ладно. Все хорошо, что хорошо кончается. Иди домой. Тебя, наверное, мама ждет.

Тут она посмотрела на меня и помотала головой.

– Почему? – нахмурилась я, глянув на светофор.

До зеленого оставалось двадцать секунд. Потом мне останется перейти дорогу и войти в подъезд моего дома.

– Я не могу туда.

– Почему?! А-а! Ты из дома сбежала?

Она кивнула.

– Ну ты даешь! – восхищенно сказала я. – У меня никогда не получалось дальше подъезда уйти. Только скажу: «Всё, из дома ухожу!» – мать сразу за мной бежит и извиняется.

Ее лицо скривилось, будто ей сказали какую-то гадость. Странная девочка, что и говорить.

– Короче, иди домой спокойно, – серьезно сказала я. – Они там наверняка уже с ума посходили и вполне готовы простить тебе все. Ты из-за чего сбежала? Из-за двойки? Или тебя бьют дома?

– Как – бьют? – испугалась она.

– О, крыша не только протекает, из нее еще и песок сыплется! – усмехнулась я.

– Нет, я знаю, как бить можно, – торопливо прибавила она. – Но кто? Кто меня бить может? У меня только мама с папой. Никаких злых теток, никого...

– А почему ты сбежала из дома?

Она молчала. Загорелся зеленый.

– Ну пока, что ли...

– Подождите!

Она вдруг вцепилась в мой рукав.

– Зеленый! – сердито сказала я.

– Не могу, не могу домой! Дома на меня стены наезжают.

– Чего? – опешила я. И подумала: «Она, может, с приветом?»

– Вы только не думайте, что я сумасшедшая, пожалуйста, – торопливо прибавила она, шепелявя еще сильнее. – У меня нормальная крыша.

- Да? Только стены ходят?
– Вы издеваетесь!

– А что мне еще делать? Тебя спасли от какого-то уroda, а ты, вместо того чтобы поблагодарить и бежать к мамуле, держишь меня возле светофора, как собаку на привязи, и несешь пургу про ходячие стены?!
Загорелся красный, машины тронулись.

– Ну спасибо, – пробормотала я, провожая глазами какой-то грохочущий драндулет. – Надеюсь, тебе тоже на работу через несколько часов и ты тоже не выспишься.

Она не отвечала. Я повернулась: она размазывала слезы по щекам.

– Ну елки! – вырвалось у меня. – Ну почему просто нельзя сделать доброе дело и пойти домой? Сделал добро – и тебе сразу на хвост связку консервных банок привязывают. Беги, мол, греди на здоровье!

– На какой хвост? – фыркнула она, шмыгнув носом.
– На собачий. Не реви на холоде: щеки обморозишь.
– Мама так же говорит...
– «Мама»... А где она, кстати?
– Дома... Спит.
– Это ты думаешь, что спит. На самом деле – волнуется. Давай-ка вот что... Как тебя зовут?

– Лиля. А вас?

– Не важно.

– Вы не скажете? – удивилась Лиля.

– Я не люблю свое имя.

– Почему?

– Если твое имя по-латински означало бы «курица», ты бы его тоже не любила. Короче, давай я тебя до дома провожу, а ты про свои «стены» уже маме расскажешь. Это как бы ее проблемы, понимаешь? У меня своих вагон... Я тебе верю, верю, – добавила я, увидев, что Лиля снова «набухает». – Просто эти задачки должны твои родители решать. Понимаешь? Где ты живешь?

Она показала на дом через дорогу. На мой дом.

– А-а, так мы соседи! – сказала я, довольная, что не нужно идти провожать далеко.

Это было ошибкой.

– Пожалуйста, можно сейчас к вам? – затараторила она. – Очень вас прошу! Не могу пока домой. Мне очень нужно куда-нибудь еще, пожалуйста, очень, очень прошу! Мне ненадолго, просто очень нужно, пока... ну...

– Ты ненормальная! Ну ты соображаешь вообще? Ты даже имени моего не знаешь! Может, тебя просто хитро домой заманивают. Может, зайдешь ко мне, я на тебя наброшусь, и... не знаю! Съем твое сердце!

– Вы не заманиваете! Сама прошусь! – горячо сказала Лиля, подышала на ладони и потеряла их, согревая.

– Какой-то конец света! – закатила я глаза. – Дружок, мне хочется есть и спать, а лучше просто спать. Мне на работу через шесть часов, на очень непростую работу – до вечера на ногах. А домой тебя не приглашу. Потому что твои родители не знают, где ты. Возможно, ищут тебя. Возможно, уже в «Фейсбуке» разместили твое фото в красной рамке: «Разыскивается девочка...» А ты хочешь пойти ко мне домой. Чтобы меня в похищении обвинили?

– Давайте позвоню маме и спрошу разрешения? – с готовностью

спросила Лиля.

– Давай. – Я ухватилась за эту мысль, уверенная, что ни одна мать в мире не разрешит ребенку, который в шесть утра вышел из дома, «зайти к незнакомой тетеньке на пару минут».

Надо будет обязательно уточнить, что предложение «зайти на пару минут» не принадлежит «тетеньке», то есть мне.

– Только у меня мобильного нет... Я не взяла. Специально. Чтобы не определили, где я.

Оказалось, что у меня мобильного тоже нет. Да, есть красивый, новый, подарок Серёни на Новый год (странно, что сегодня ночью я не разбила его в гневе о кафельную стену клубного туалета, когда заперлась в кабинке и рыдала, освещаемая неоновым светом). Только он разрядился.

– Нет, дружище, – решительно сказала я. – Мы ко мне не пойдём. Мне хватает неприятностей. Сейчас провожу тебя до подъезда, и ты пойдёшь к себе домой.

– А в подъезд тоже проводите? – спросила Лиля.

– Да.

– Хорошо. А то не люблю одна в подъезд заходить.

– Я тоже.

– Что?

– Ничего! Пошли – зелёный!

Я ступила на белую полосу перехода, а за мной волочился «хвост из консервных банок» и спрашивал:

– А вы мне так никогда и не скажете, как вас зовут? Или все-таки скажете? А когда?

Глава третья

Моя «берлога»

В подъезде, который оказался у нас один на двоих, меня ждал сюрприз: желудок не свернулся в трубочку, в ушах не застучало, как бывало всегда, когда тяжелая железная дверь бабахала за моей спиной и я замирала, прислушиваясь, – есть ли кто возле лифта, есть ли кто в лифте? Если есть, то пойду по лестнице, но вдруг кто-то есть на лестнице?

Я не врала Лиле: я и правда не люблю подъезды. Так что сейчас испытала даже что-то вроде благодарности. Лилька, конечно, была худенькая, как из веревочек, и ждать от нее, что она выхватит из-за пояса фракийский кривой меч и зарубит воображаемого врага, не приходилось. Но все равно: ничего не свернулось и нигде не застучало.

«Однако это не повод позволять ей садиться мне на шею», – напомнила я себе.

Шагнув в лифт, она быстро стащила варежку и протянула руку к кнопке лифта, наверное стараясь опередить меня.

– У меня – последний, – зевнув, произнесла я.

– У меня тоже последний, – сказала она и все-таки опередила меня, нажав.

Я пожалала плечами: к себе я возвращалась только поспать и поесть, поэтому соседей не разглядывала. Тем более детей.

Лиля тем временем гладила тонкими покрасневшими пальцами кнопки лифта. Нам недавно поменяли, поставили на место старых – с точечками,

шрифтом Брайля.

Мы вышли из лифта, я нащупала в кармане ключ. Лиля двинулась наверх.

– Эй, – сказала я, – ты далеко собралась? Там чердак, по-моему.

– Ага, – откликнулась она, не оборачиваясь.

– И дверь.

– Я знаю, спасибо, – мягко сказала она, добравшись до зеленой решетки, покрытой пылью и обрывками каких-то бумажек. – Просто если вот тут нажать, она открывается...

– А там что?

– Там небольшая комната. Ну такая, как кладовка.

– Грязная?

– Грязная, – согласилась она. – Там еще мусор всякий валяется.

– Зачем тебе туда?

– Там можно отсидеться... – вздохнула она. – Мне надо недолго, всего полчаса.

– Ффу ты, – в сердцах сказала я, – ладно! Всё! Спускайся.

Она развернулась и сбежала ко мне. Все лицо, даже ямочки на щеках, сияли.

– Правда? Правда? Я ненадолго. Я только позвоню маме, чтобы не волновалась, и немножко посижу. Спасибо вам большое!

Я молча отперла дверь.

У меня уже склеивались глаза, и мучительная мысль, что все теперь кончилось и надо привыкать к тому, что Серёня не поедет со мной к маме в Пушкино в субботу, не давала мне покоя, поэтому Лиля вызывала раздражение.

– Давай только быстрее, – предупредила я, распахивая дверь квартиры, которую никогда не называю своей. – И потише в коридоре: баба Клава спит.

Квартирную хозяйку звали как-то по-другому, но в глаза я ее называла просто «вы», а за глаза – «бабой Клавой», потому что это имя подходило к ее цветастому халату, перевязанному тонким поясом, и черным войлочным ботинкам-прощайкам, в которых она ходила за молоком в «Пятерочку».

Молока покупала много – делала из него домашний творог и продавала у входа в ту же «Пятерочку». Подвирала, конечно, что «молоко от коровушки». Но я ее не осуждала, находя ситуацию смешной: люди выходят из «Пятерки» и покупают творог, по сути, тоже из «Пятерки», а ни от какой ни от «коровушки», только на улице.

«Ну и дураки, – думала я, – ведутся на вранье».

Сама я прибежала ко вранью только в самых крайних случаях, таких, как сегодняшний. Предпочитаю правду. Хотя сегодня ночью мне следовало промолчать.

«Лучше бы ничего и не спрашивала у Серёни», – мрачно подумала я, разматывая на шее шарф и укладывая его на тумбочку в прихожей, а сверху – ключи. На мягкое – чтобы не звенели. Не хватало еще разбудить бабу Клаву.

– Правая дверь! – еле успела сказать я Лиле, которая чуть не познакомилась с храпящей хозяйкой.

– Вау!

– Да потише ты!

– Вау! – прибавила она шепотом. – Какая комната красивая!

Я пихнула ее в спину, чтобы не стояла на проходе, и прикрыла дверь. Лиля потянула носом.

«Чувствует запах кофе», – поняла я.

Но она ничего не стала спрашивать, а я не стала объяснять. На кой мне ее новый восторг? Я и так-то не знаю, как от нее избавиться.

– Как у вас красиво, просто невероятно! – повторила Лиля, вертя головой во все стороны.

– Угу, Версаль, – буркнула я, швыряя сумку на кровать.

Глянула на комп – проверить бы сейчас, не ли сообщений от Серёни, но не при ней же.

– Ты давай не льсти мне тут. Сейчас мобильный заряджу, и ты позвонишь маме. Скажешь, что пробудешь у меня минут пятнадцать. Мне спать надо.

– Я не льщу, честно-честно! – воскликнула она, снимая шапку-медвежонка.

Я уселась на стул и бросила взгляд на кровать, заляпанное окно и покрывало бабы Клавы, в котором ее кот продрал дыру.

– Что именно красивого?

– Вот это! – Лилия показала на стены. Заметила, значит. Ну, она не единственная. Правда, «красиво!» я еще ни разу не слышала. «Прикольно», «ржачно», «зачётно», «круть» – так говорят про мои стены, залепленные мемами из «ВКонтакте» и с других сайтов. Некоторые распечатывала, некоторые перерисовывала. Все приклеивала скотчем.

Тут были мемы на любой вкус. Больше всего я любила сморщенную от радости или горя рожицу и смешную подпись. Что-то вроде: «Как ни крути, но лучший шкаф для одежды – это стул». Или: «До уборки все валялось на своих местах, а после уборки все стало аккуратно лежать непонятно где». Была у меня и девица, заламывающая руки под надписью: «Люди, ну сколько можно повторять: мне еще рано замуж!» Был и хмурый котик с синяками под глазами и табличкой в лапках: «Недоброе утро». Была просто фотография наушников с подписью: «Петь в наушниках восхитительно: не слышишь своего голоса и думаешь, что у тебя есть талант».

– А вот тут ошибка! – сказала она вдруг, указывая на одну из картинок, мою любимую. – Запятой не хватает! Видите? Перед «так»?

На картинке был изображен кот с огромными глазами, и подписано: «Ты спросишь, что я люблю больше – тебя или борщ? Я отвечу, что борщ. И ты уйдешь так и не узнав... что со сметанкой!»

Я рывком поднялась с кровати. Протянула руку и сдернула картинку. Смяла, швырнула в сетчатую урну под столом.

– Почему выкинули? – расстроилась Лилия. – Жалко...

– Дело не в тебе, – сказала я, снова присаживаясь.

Я оглядела свою «берлогу». Еще вчера я смеялась над этими мемами. Над «борщом» вообще хохотала, перепостила его, разослала эсэмэской всем, кому могла. Еще вчера мне казалось, что я отлично придумала: заклеить сиротские обои смешными картинками, показать, что мне плевать на обстановку, что мне смешно живется, что у меня есть всё: классная работа, классный парень.

Но сегодня я смотрела на свою стену и думала: «Ну и лажа!..» Мемы казались мне жалкой попыткой прикрыть действительность. И теперь действительность прорывала яркие картинки, щелкала меня по носу скомканными листками и показывала: если кто и смешной, то это ты – дурацкая девочка с дурацким именем.

Я закрыла лицо руками.

– Ну что вы! – воскликнула Лиля. – Так нельзя! Обижаться! Я, например, никогда не обижаюсь на маму, даже если... В общем, это же пустяк. Тут просто надо было подрисовать запятую. Маркером. У вас есть маркер?

Я отняла руки от лица, подперла кулаками подбородок. Она тем временем присела на корточки, нагнулась и, поправив съехавшую косу, вытащила из урны мой листок. Потом распрямилась, осмотрела стол и тут же воскликнула:

– Ой! Как круто! Это вы сами придумали? Правда? Ой, ну какая замечательная идея!

Не успела я сказать, что так и есть, я придумала сама купить в спортивном два десятка пластиковых теннисных шариков и на каждом нарисовать рожицу: с веселой улыбкой, с грустными глазками, с раскрытым от хохота ртом, с красными от смущения щеками, как она снова воскликнула:

– А миска какая красивая! А ластики! Вы сами таких животных вырезали? Ножиком? Ой, а бабочку вы тоже сами придумали? Это квиллинг называется? Я один раз попробовала, но у меня ничего не вышло. А блокнотики какие миленькие!

Она так искренне восхищалась, что я на секунду увидела мой письменный стол ее глазами. Бывает же так: ты привык к своему жилищу и тебя уже ничего в нем не восхищает, а кто-то придет, похвалит какую-нибудь ерунду, вроде веточек ивы в стаканчике из-под йогурта на подоконнике, и ты думаешь: а и правда, здорово я придумал. Так и я – увидела на своем столе миллион прикольных штук, и на секунду они снова подняли мне настроение, как в те времена, когда они только появились в моей квартире.

А Лиля неутомимо расхваливала каждый предмет, пока не дошла до зарядного устройства, которое я разрисовала замаской, и не ойкнула. Я сначала не поняла, почему она ойкает, а потом до меня дошло, и я засмеялась первый раз за день и сказала:

– Ну все, попалась. Звони давай. Скоро семь. Не спит твоя мама.

Лиля покорно взяла протянутый мобильный, который успел зарядиться.

– Алло, мамуля! Нет, я не дома. Я на секундочку забежала во второй подъезд к Наташке перед уроками. Понимаешь, у нас сегодня презентация одного проекта. Мы вчера решили все сделать в стиле оригами, а пару

бабочек не успели сложить. Да, прости, мне просто очень жалко было тебя будить. Я знаю, да, прости. Ну мне немножко осталось, вот еще одну бабочку и цикаду, я быстро, ладно? Я к девяти приду. Да, мне ко второму сегодня. Вот как раз проект надо подготовить. Да, прости, в следующий раз предупрежу заранее.

Когда она закончила разговор, я присвистнула.

– «Ну ты горазд пули лить!» – процитировала я Кроша из «Смешариков», а она закусил губу и отвернулась. – Я прям не ожидала, что ты так виртуозно врешь! Думала, что ты начнешь сейчас бекать-мекать, а мама твоя будет тебя пытаться и догадываться. А ты прямо как по писаному. Оригами еще приплела. Класс!

– Оригами – это правда! – вспыхнула она. – Я хорошо оригами складываю!

Она потянула носом.

– Не шмыгай, – мрачно велела я. – Салфетки на подоконнике. Не для оригами, для носа!

– Вы прямо как моя мама!

Меня это сравнение слегка разозлило. Прячется в моей «берлоге» от мамы и меня же с ней сравнивает! Но сил ее поучать у меня уже не было, поэтому я просто сунула ей коробку салфеток («Ой, какая приколенькая! С Angry Birds! Где вы такую купили?»), повалилась на кровать и, нащупав подушку, подсунула ее под голову.

Я плохо помню, как мы провели следующий час. Кажется, она собирала фигурки из бумаги, пытаясь доказать, что она «не все наврала». Как будто бумажная ящерица отменяла ее уверенный тон и фразы без пауз. «Алло, мамуля! Я на секундочку забежала к Наташке!»

Еще она снова восторгалась моими штуками, особенно коллекцией мягких игрушек. Серёня дружил с художницей, которая делала мягких зайцев с большими серьезными глазами и нестрашных зеленых и фиолетовых монстриков, и на каждый праздник я получала нового «друга». Я иногда проваливалась в дрему, а иногда выплывала и что-то отвечала ей. Кажется, диктовала какие-то цифры. То ли дату рождения, то ли номер телефона своего. Что-то ей там нужно было от меня, и я сдалась, лишь бы отвязалась. Помню точно, что не имя свое.

В девять утра слова у меня кончились, мысли тоже, веки были как намагниченные, так что я просто молча встала и вышла в прихожую. Там посмотрела на себя в зеркало. «Зеленая, как щавель», – сказала бы про меня мама. А Лиля застряла в комнате. Я вставила в дверь ключ и провернула намеренно резко, с грохотом, чтобы девочка поняла намек. Лили по-

прежнему не было, зато засветилась щель между баби-Клавиной дверью и полом.

– Ну, ты скоро? – раздраженно спросила я. – Ошибки, что ли, в мемах ищешь?

– Простите...

Она появилась в прихожей, шмыгнула носом, сделала бровки домиком.

– Эти штучки оставь для мамы, – предупредила я. – Мне на работу к двенадцати.

Лиля кивнула, вышла из квартиры, обернулась и помахала рукой, но я вышла за ней.

– Иди.

– Да я дойду, тут всего два этажа.

Я прикрыла глаза, склонила голову набок и скрестила руки на груди. Когда послышались ее легкие шаги, я открыла глаза, а когда услышала: «Ну наконец-то! Лиль, ну ты соображаешь, в школу пора», то, не дослушав, вернулась и хлопнула дверью.

У себя в комнате, растянувшись на кровати, я увидела, что сделала Лилька, – прицепила всех зверей, которых подарил мне Серёня, к бортику моей кровати: кого-то – за передние лапы, кого-то за шею. Но теперь они все тарасились на меня, словно видели в первый раз. Я фыркнула, и мне вдруг стало уютно, как дома у мамы. Я натянула одеяло до самого носа и отрубилась.

Меня разбудил грохот кастрюль. Судя по запаху, баба Клава уже занялась своим мелким бизнесом. Я представила, как вхожу в кухню, а она следит за мной водянистыми, цвета сыворотки, глазами, а в кислом воздухе висит вопрос: «Возьми творожку-то хоть грамм сто, помоги старухе, а?»

Я открыла глаза и на секунду увидела квартиру Серёни, которую он снимал в центре, залитую светом, с книжным шкафом, где однажды я нашла «Карлсона...», сдула пыль и читала, читала, читала всю ночь. Смеялась. Вспомнила его квартирную хозяйку, в платке с надписью «Венеция» и в пальто какого-то скромного цвета. Она всегда приходила по звонку и очень долго извинялась за что-то, прежде чем взять у Серёни деньги. Потом вспомнила Серёнины руки и его мокрую от моих слёз куртку и заплакала.

Звери глазели на меня, но от душевной боли по телику рекламируют успокоительное, а не вытарасченные глаза и мягкие лапы зайцев и монстриков.

Глава четвертая

Ревизор

В нашем районе много разных мест, где можно потусоваться: есть и боулинг, есть и рестораны на любой вкус – и с японской кухней, и с итальянской. Есть и кафешки: попроще – на фуд-корте торгового центра, покрасивее – рядом с тем же центром. Но я считаю, что самый лучший кофе в нашем районе варят за скромной стеклянной дверью заведения, расположенного между аптекой и сберкассой. Наверное, я так думаю потому, что пять дней в неделю этот кофе варю там я.

Я – бариста, кофейных дел мастер. Я разбираюсь в кофе, знаю все о зернах, о помоле, об ароматах и, конечно, умею варить его. А также правильно подавать и, что восхищает моих друзей больше всего, рисовать на поверхности напитка разные узоры: сердечки, листики, следы лапок и даже мордочки животных. Сами кофе-мейкеры относятся к латте-арту спокойно, то есть когда мы пьем кофе дома, то ничего себе на поверхности кофе не рисуем. Для нас важнее другое – сложный аромат кофе, вкус и послевкусие. Но на посетителей эти штучки действуют. Каждый раз, когда я рисую на капучино цветок или рожицу, слышу восторженное «ах!», и это приятно.

Вообще умение добавить правильное количество молочной пены в макиато и отличить на вкус марагоджип из Бразилии от такиры из

Венесуэлы – это далеко не все, что должен уметь бариста. Контакт с людьми – вот на что я посоветовала бы сделать упор тем, кто гуглит «как стать баристой» и копит деньги на питерский Институт кофе и чая. Человек приходит за настроением, и ты обязан сделать все, чтобы оно стало отличным. Бариста должен улыбаться, даже если ему в сотый раз за день приходится объяснять, чем отличается капучино от американо и какое молоко добавляется в топлёный кортадо («Топлёное! Тадам!»).

Мне вообще кажется, что наша профессия закаляет характер. Ты должен всегда быть на высоте и в хорошем настроении, что бы ни происходило в твоей личной жизни.

Так что сегодня я шла на работу с надеждой, что черед дел поможет мне выбраться из болота, в которое я попала благодаря своему несдержанному языку.

Еще хотелось поговорить с Липатовой. Вряд ли я услышала бы от нее какой-то дельный совет: все свои проблемы, как и проблемы других, я привыкла решать сама, но мне нужно было с кем-то проговорить вчерашний день.

Я подошла к кофейне, взялась за ручку двери и вздрогнула: соединив ладони домиком надо лбом, у двери стояла Зарина и кого-то выглядывала.

– Мать, ты чего?! – возмутилась я, открывая дверь. – Зачем людей пугаешь? А стулья почему на столах? Зарин, что с тобой?

Заринка работала в кофейне месяц. До этого трудилась в «Сбарро» на фуд-корте, грела пиццу в огромной железной печке. У нас она моет посуду, протирает пол и пыль, забирает со столиков грязные чашки, а в свободное время восторгается, как у нас в кафе круто. Потому что на фуд-корте она стояла за стойкой одна-одинешенька, а нас тут много, и, самое главное, мы все – одна команда, и у нас нет такого: раз ты уборщица, так и убирай грязные тарелки. У нас даже администратор может и посуду со стола забрать, и заказ на кофе принять. И мы, бариста, тоже, конечно, и посуду моем, и пол протираем, если кто-то что-то разлил, а Зарина не заметила. В общем, у нас демократия, и Зарина чаще всего улыбалась во весь рот, сверкая золотыми зубами (это, конечно, в ней поражает: молодая, чуть старше меня, а верхняя челюсть – вся из золота), а сегодня встретила меня не улыбкой, а испуганной гримаской.

Ладно – Зарина, но и Лёвка-бариста, который сегодня открывал кофейню, тоже выглядел растерянным, что уж совсем, как говорится, выходило за рамки.

– У вас обоих такой вид, будто у нас все молоко прокисло, – заметила я, развязывая на ходу шарф. – Или у нас в подсобке грабитель? Решил

спереть то пальто, которое висит уже с сентября?

Лёвка слабо улыбнулся и, оглядываясь на папу с дочкой, которые завтракали за столиком в углу, пояснил шепотом, что приходил «какой-то дядька, представительный, явно из какой-то официальной организации» и, строго глядя на Лёвку, требовал менеджера.

– Она не на тебя, она на меня смотрел, – шепотом повторила Зарина, опираясь на швабру, – она на меня точно смотрел.

Ее карие глаза заблестели. До меня дошло: Лёвка бежит от военкомата, а у Зарины что-то с регистрацией. Вот почему они так разволновались.

– Вон она, на улице гуляет туда-сюда, – указала Зарина.

– Не, ребят, так нельзя, – покачала я головой, – держите себя в руках, что ли.

Я нырнула в подсобку, скинула куртку, натянула футболку с надписью: «Какой кофе желаете? Только скажите!», завязала фартук, вымыла руки и вернулась в зал. Улыбаясь, подошла к папе с дочкой и сняла с соседнего стола перевернутый стул. Глянула за окно, на дядьку, который прогуливался перед витриной. Подумала и вышла на улицу.

– Добрый день! – радостно сказала я ему. – Мы можем вас угостить?

Он удивленно поднял брови, а потом пожал плечами и все-таки зашел.

Я усадила его в кресло так, чтобы ему было видно телевизор, сделала Лёвке знак: показала два пальца, повернутые вбок, – это был сигнал: «один капучино».

– Сейчас я найду пульт, – улыбнулась я дядьке и вернулась к Лёвке за стойку.

– Ты с ума сошла! – прошипел он.

Пачка молока в его руках так и прыгала.

– Дай пульт, – спокойно сказала я. – Вон справа, за микроволновкой.

Зарины в зале не было: наверное, уже умчалась в подсобку. Я забрала у Лёвки капучино, на миг прикоснувшись к его ледяным пальцам, и, хотя у нас было самообслуживание, отнесла кофе дядьке. Включила телевизор и пожелала приятного отдыха. Обернулась и увидела, что Лёвку тоже сдуло ветром в подсобку. Я разозлилась: так и будем бояться всего на свете? А работать кто будет? Поразмыслила и направилась к дядьке.

Через пару минут я ввалилась в подсобку, еле дыша от смеха. Заринка взвизгнула и спряталась под тем самым черным пальто, что висело у нас с осени, а Лёвка мрачно поглядел на меня.

– Дураки! – смеялась я. – Донкихоты! Боретесь с ветряными мельницами! Это салфетки!

– Какие салфетки? – не понял Лёвка.

– Дядька ваш! Салфетки принес! Полотенца бумажные! И туалетную бумагу! А вы – прямо зайчики-побегайки!

Лёвкино лицо расплылось в улыбке, а Заринка выглянула из-под пальто, и правда похожая на зайца в кустах. И мы засмеялись уже все вместе.

– Военкомат, регистрация!.. – веселилась я. – Слушайте, так нельзя – жить в вечном страхе! Расслабьтесь! Прекратите носиться со своими тараканами!

– Посмотрел бы я на тебя, если бы за тобой гонялся такой таракан! – обиженно сказал Лёвка, поднимаясь и приглаживая волнистые волосы. – А выражение про «ветряные мельницы» не употребляется в таком контексте.

– Ой, ой, ой, какие мы ученые! – усмехнулась я. – Ну простите, мы умных книжек не читаем, в литературный институт, как некоторые, не метим. Нам бы кофеёк хороший сварить – вот и все запросы.

– А зря не метишь, – сказал Лёвка и распахнул дверь.

Послышался громкий хохот дядьки, которому я включила «Тома и Джерри».

Глава пятая

Бег с препятствиями

Дверь за Лёвкой захлопнулась, а я призадумалась. Его слова кольнули больное место. Я действительно не собиралась никуда поступать, по крайней мере пока. Меня вполне устраивала профессия бариста, которую я получила после школы на курсах и в которой я уже два года. И маму мою устраивала. Она меня никогда не пилила за то, что я не пошла вышку получать. Ну а что? Книжки я читаю. Вот Эриха Фромма, например, вчера купила. Правда, он какую-то муть пишет, но я в целом понимаю. Так что я умный человек, зачем мне высшее образование?

Снова послышался хохот дядьки – это выскользнула Зарина. Воцарилась тишина, а я все размышляла.

Почему меня всегда спрашивают: вот ты работаешь бариста, но при этом учишься же где-то? Причем с такой уверенностью спрашивают, аж тошнит. Я сразу отвечаю резко, что буду кофе до старости варить, но все равно обижаюсь слегка. Чем не профессия, я не пойму? Не каждый сможет, между прочим. Что же меня задевает в таких вопросах?..

Додумать важную мысль я не успела: явилась Лариса Липатова собственной персоной.

– Только не говори про то, что опоздала на электричку.

– Я опоздала на электричку.

Мы произнесли с ней свои фразы одновременно, а потом я засмеялась, а она – нет.

Обычно Лариска бодро завязывает узлом свои фиолетовые дреды и

травит какие-то байки про утреннюю поездку в электричке. Сегодня мы открылись позже. Накануне у нас до ночи праздновался день рождения, так что Ларискин приезд на электричке не был подвигом, но обычно то, что она припирается к восьми утра и шутит, меня восхищает. Еще я люблю Лариску за внимание к людям. Она помнит подробности из жизни клиентов и всегда готова сказать что-то милое, вроде: «Как вы загорели! Хорошо отдохнули в Испании?» Мы с Лариской из одного города. Учились тоже в одной школе, только она меня младше на год. Лариска живет с родителями, не хочет тратить деньги на съем квартиры в Москве. На учебу копит.

Сегодня у Лариски было несчастное выражение лица.

«Что за день?!» – удивилась я и спросила:

– Отчего, мой друг, невесел, отчего ты нос повесил?

Вместо ответа Лариска повернулась спиной. Я ойкнула: на спине виднелись две ровные зеленые полосы.

– Скамейка?!

– Угу. На станции. Я бежала, но все равно не успела. Присела вот отдохнуть... Кто просил?! – в отчаянии выпалила Лариска.

– М-да-а... – протянула я. – Давай погуглю, может, есть какой-то способ.

Я достала телефон, но Лариска горестно покачала головой.

– Я уже смотрела. Там пятновыводитель нужен, а где я его возьму?.. Или жидкость для снятия лака без ацетона.

– Можно у Заринки спросить...

– Нет, я боюсь. Даже если в ней нет ацетона, все равно. Не хочу в куртке дырку протереть.

– Я все равно посмотрю. – Я провела пальцем по экрану, снимая блокировку.

Вздрыгнула: на экране – конвертик. Сообщение от Серёни. Я сжала зубы, но все-таки открыла.

«Прости».

– Супер! – выдавила я.

– Нашла? – обрадовалась Лариска.

Я покачала головой.

– Самое обидное, что только одна скамейка была покрашена, – вздохнула Лариска. – Прикинь? Самая крайняя! И чего меня к ней понесло? А?

– Слушай, – сказала я, – тут один способ описан. Маслом подсолнечным. Я вспомнила: у меня так мама делала. Я в детстве на качелях весной качалась, перепачкала краской комбез. Она оттерла. Маслом

подсолнечным.

– А жирное пятно не останется? – с сомнением спросила Лариска.

– Не знаю... – призналась я. – Ну что, попробуем? Мне кажется, у нас осталось несколько упаковок подсолнечного масла с тех времен, когда в меню были салаты. Только потом надо сразу застирать будет. Тут написано на каком-то форуме.

Дверь распахнулась, заглянул Лёвка.

– Галь, там спрашивают кофе в зернах!

– Ну так отвесь.

– Они просят помолоть, – виновато сказал Лёвка, – под гейзерную, но какую-то особую.

– Сейчас приду, – кивнула я.

– А дело вообще не в этом, – вдруг сказала Лариска, – а в том, что я не знаю, что мне с Вовчиком делать.

– А что с ним?

– Он меня достал, если честно. Прикинь, он анекдоты рассказывает.

Про пирсинг.

– Например?

– «Знаешь, дорогая, зря мы запрещали нашей дочери вставлять кольцо в нос. Теперь поднимать ее в школу стало гораздо проще». Прикинь? И ржет. – Лариска потрогала кольцо в носу и шмыгнула.

Я вспомнила Лильку.

«Интересно, – подумала я, – до нее дошло, какая опасная история могла с ней приключиться, если бы я оставила ее в сквере? Или все проехало мимо нее, вообще никаким боком не затронув? Есть такие – живут слегка параллельно, и ничего, спасает их жизнь. Я в ее годы была умнее».

– «...А то сядет криво», – в возмущении процитировала Лариска. – И опять ржет. Нормально это?!

– Что? – очнулась я. – А-а, нет, конечно. Слушай, ну скажи ему, что достал.

– Я не могу, – потупилась она.

Теперь мои мысли переключились на Лариску. Вот человек! Волосы выкрасил фиолетовым. В одном ухе три сережки, в другом – девять! В носу колечко, на руках татушки. Все, кто с ней незнаком, думают: «Ну, brutальная деваха!» А она нежнее пиона. Как-то рассказывала мне, что ехала из нашего Пушкина в электричке и какой-то дядька у нее на ноге стоял всю дорогу. А она даже не сказала ему об этом! Весь день хромала потом.

– Знаешь, – вдруг сообразила я, – а ты ему скажи, что ты к нему испытываешь чувства только как к брату. Он и не обидится. Это же правда. Ты же не виновата в этом. И звучит нормально.

– О-о, – расширила глаза Лариска, – а ты права! А я не догадалась! Ой, Галёк! Спасибо!

Дверь открылась, Лёвка просунул голову.

– Ну Га-аль, что лучше выставить – семерку или тройку?

– Да иду, иду! – проворчала я. – Что бы вы все без меня делали?

– Не знаю, – честно ответил Лёвка, что вообще-то было приятно.

Я вышла из подсобки, улыбнулась клиентке, невысокой стриженной блондинке в трикотажном платье со смешными совами, и занялась зернами кофе. Минут десять спустя к нам присоединилась сияющая Лариска.

– Получилось! – прошептала она. – Маслом оттереть пятна! Я сразу застирала, как ты и сказала.

Я засыпала кофе в «молотилку», нажала на кнопку.

– Галь, ты все-таки крутая! – с восторгом добавила Лариска, перекивая грохот аппарата. – У тебя все проблемы на раз-два решаются.

– Все, кроме своих, – пробормотала я, выключив аппарат.

– Что? – переспросила Лариска.

Но я сначала пересыпала помолотый кофе в бумажный мешочек, написала название, не забыв в конце поставить «смайлик», завернула пакетик так, чтобы аромат не просочился наружу, закрепила его золотой проволокой. Вручив кофе клиентке, я взяла у нее деньги, пожелала хорошего дня и только потом развернулась к Лариске, которая в это время ставила в микроволновку тарелку с вишневым штруделем.

– Он отказался, – сообщила я.

– От чего? – не поняла Лариска и тут же в ужасе прикрыла рот рукой. – Погоди... ты же вчера собиралась... Да ты что?! Быть не может!

– Может. В общем, урок тебе, Липатова, на будущее. Не стоит в этих делах ориентироваться на историю о Магомете и горе.

– Ну погоди! – умоляюще сказала Лариска. – Расскажи, как это вышло. Вы пришли в клуб?..

– Да, мы пришли, – начала я, но тут из моего кармана запел Пенни Кравиц: «I want to get away! I want to fly away!..»

Я даже не сразу услышала – специально ставила на звонок песню, чтобы, если во время работы зазвонит, не слишком привлекал внимание гостей, сливаясь с музыкой, которая звучит у нас в кафе фоном. А когда услышала – психанула. А если Серёня?

Номер был незнакомый.

– Алло? – с опаской произнесла я.

– Галя... – Голос тоже был незнакомый. – Извините меня... У меня, наверное, странный вопрос... Я прошу прощения... У вас есть лишний... э-э-э... бюст... бюстгальтер?

– Что?! – опешила я. – Кто это?!

В трубке шмыгнули.

– Лиля?! Ты откуда мой номер взяла?

– Вы же сами дали...

– А имя?

– Вы же сами...

– Что – сама?!

– Сами сказали, что ваше имя по-латински означает «курица»... Ну... я и посмотрела в гугл-словаре...

– Ширли Холмс, – мрачно сказала я, – да, ты меня вычислила. Всё, отбой. Хорош баловаться, я на работе.

Я сунула телефон в карман.
– Кто это? – спросила Лариска, распахивая микроволновку и доставая оттуда штрудель.

У меня забурчало в животе от запаха вишни и ванильного сиропа, которым Лариска щедро полила штрудель.

– Девчонка одна, – отмахнулась я, сглатывая слюну. – Короче, мы пришли в клуб. Я волновалась, конечно. Он вроде нет. Хотя помнил, что у нас юбилей с ним. Подарил кольцо. Такое модное, типа из серебра. Очень простое. Ну я и решила, что это знак. Точно, знак. И говорю ему...

«I want to get away! I want to fly away!..»

Я нажала на кнопку «отбой».

– Я говорю ему: «Серёнь... давай, может...» А потом спохватилась, что будет как в программе «Давай поженимся!». Стала по-другому фразу строить. Начала подводить: мы, типа, встречаемся сто лет. И в Москве уже не первый год. Давай, может..

«I want to get away!..»

– Да что это! – прорычала я. – Не разговор, а бег с препятствиями!

– Ответь, – предложила Лариска, – а я пока молочный улун заварю молодому человеку.

Парень, напоминавший Фродо из «Властилина колец», покосился на меня с опаской.

– Ну чего тебе? – процедила я в трубку.

– Галя, – громко прошептала Лилька, – вы только не бросайте трубку! Я не шучу. Мне правда очень-очень нужен лифчик. У вас... просто... нету запасного?

– Зачем тебе? – обалдело спросила я. – Почему ты мне звонишь, а не маме?

– Я не могу... – всхлипнула Лилька. – Она... она на работе занята. А мне надо как-то из школы выйти.

– А что, без лифчика не выпускают? – фыркнула я, и «Фродо» еще больше на меня вытаращился.

Я отвернулась к огромным стеклянным банкам, стоявшим на витрине, в которых хранились кофейные зерна.

– Нет, – сказала Лилька отчетливо, – они сказали: если я не покажу, что он у меня есть, то они меня не выпустят из школы.

– Кто – они? – спросила я, чувствуя, что у меня начинает сосать под ложечкой от неприятного ощущения под названием «придется идти и разбираться».

– Ну, девочки.

– Ну покажи им!

– Я не могу! У меня его нет!

– У-у! – взвыла я. – Ладно. Слышишь? Я сейчас приду.

– Принесете лифчик? – обрадовалась Лиля.

– Нет. Просто скажу этим твоим дурам...

– Тогда не надо, – перебила меня Лилька. – Извините, что побеспокоила. Простите. Правда, не надо. Честно.

И повесила трубку. Вот ведь, а!

«Ну и прекрасно!» – сказала я «Молочному этюду», чьи зерна хитро поблескивали при свете лампы дневного света.

– И что? – спросила Лариска за моей спиной.

– Ты про что? А, ну да... И я ему говорю: «Давай мы будем жить вместе?» Он как-то неуверенно кивнул. Надо было мне остановиться. Но меня ж несло! Как тебя – на твою крашеную скамейку. Я добавила: «Только ты ж моего папу знаешь. Он мне в жизни не разрешит, если мы не оформим... ну...»

– Ой, мамочки!..

Этот бабий вздох совсем не вязался с Ларискиными фиолетовыми волосами, но в этом была она вся. Сочувствовала умеючи.

– Ну, в общем, он тут отвернулся и сказал, что не готов. Что хочется профессию освоить, разобраться с жильем... Дальше не помню. А-а, Настьку еще приплел!

– Племянницу?

– Ну да. Говорит, жениться надо, когда детей хочешь завести. А он еще не готов, мол. Мол, Настька ему весь мозг выедает, когда сестра ему ее подкидывает.

– А ты готова, что ли, к детям?

– Я – да, – уверенно сказала я, – конечно! Ну а что толку теперь?.. Я разревелась, как идиотка. Мы на улицу вышли, а я все плакала. Всю куртку ему слезами залила. А он все как дурак: «прости» да «прости». Я разозлилась в конце концов. Пихнула его в грудь и сказала: «Ну и вали!» Он говорит: «А ты?» Я говорю: «А я пойду танцевать. Может, себе мужа натанцую».

– И правда пошла?

– Ага. А он правда свалил. Я в клубе до утра протусила. Потом домой поехала.

Я вспомнила про «медведя», но не стала рассказывать о нем Лариске.

– Бедная ты, бедная!.. – вздохнула Лариска и погладила меня по руке. – Вы со скольких лет вместе?

– С тринадцати, – буркнула я. – Можешь себе представить? В одном классе, в одном доме. Родители дружат. В Москву вместе поехали. Он, кстати, хотел со мной вместе квартиру снять. Да все папа. Мол, пока не

поженитесь, не смейте! Он и так все время выговаривал мне, что мы не должны друг у друга ночевать оставаться. И что вот теперь?

– Ну а что бы это изменило? – грустно сказала Лариска и принялась говорить те банальности, которые подруги всегда говорят друг другу в качестве поддержки.

Обычно такие слова очень скучно читать в книгах или слышать в кино, но когда их произносят вживую в нужный момент, они попадают прямо в сердце, и ты начинаешь задумываться, что «жизнь на этом не кончается» и «все у тебя впереди».

Правда, у меня сейчас не выстрелило. Почему-то мои мысли крутились не вокруг разрыва с Серёней, а вокруг Лильки, которая там сидит, наверное, скрючившись у батареи, и боится выйти на улицу. Видимо, это потому, что с Серёней дело было решено, а с Лилькой – открыто. А может, я просто слегка в шоке от Серёниного «сюрприза» и до меня по-настоящему не дошло, что меня бросили, предали, подвели и обломали. Не знаю. Как бы то ни было, я все думала, что эта балдища так до ночи и проторчит в школе. Голодная небось. Как я.

– Ларис, – сказала я неуверенно, – я отбегу на полчаса, ладно? Продержитесь тут без меня?

Глава шестая

Школа

На выходе я столкнулась со своей клиенткой. У каждого из нас есть такие. Трудно сказать, почему между бариста и клиентом возникает симпатия. Лёвка вот нравится людям своей застенчивостью и повышенной лохматостью. Его обожает одна студентка-ботанша, которая всегда занимает столик напротив стойки, раскладывает перед собой учебники, но тарасится не на них, а на Лёвку. Он в принципе мог бы впарить ей что угодно: хоть термокружку за триста рублей, хоть полкило дорогоущего молотого кофе. Она все возьмет не глядя да еще и сдачу забудет. Но он не может – застенчивый же.

У Лариски свои отношения с мамашками, особенно с одной, многодетной. Обычно у нее один в коляске, другой под мышкой, третий тычет ручкой во все сразу пирожные на витрине. Как правило, эта мамашка покупает себе мегакапучино или мегараф в бумажном стакане и, извиняюще улыбаясь, толкает коляску к выходу. Мы все смотрим ей вслед, и у нас теплеет внутри, словно мы отхлебнули от ее мегарафа, потому что знаем, что как бы глупо ни выглядел в наших широтах теплый стаканчик, ароматно пахнущий кофе и ванилью, он вполне скрашивает прогулку под морозящим дождем.

Но когда эта мамашка решает вдруг не прогуливать свою милую компанию под дождем, а остаться с нами в тепле и компания разбредается по всему кафе, на искреннее сочувствие и терпение способна только Лариска.

Она следит, чтобы дети не мешали другим клиентам, подает мелки, вытирает сопли, если кто-то чихнул, и спокойно выслушивает рассказы про то, какие «новые драки папа загрузит завтра на айпад, если я себя буду хорошо в садике вести» и с какой «огромной Хеллоу Китти я играю у бабушки, когда приезжаю к ней погостить». Так что обычно мы ожидаем эту мамашку в Лариски ну смену.

Моя клиентка не из таких. Она писательница.

Вообще у нас две писательницы. Как я узнала об этом? Да очень просто. Однажды в кафе вырубили Wi-Fi, и все выключили свои ноуты и планшеты и, допив кофе, ушли. Остались только эти две. Ну и пару раз до меня долетали разговоры обеих по телефону: «У меня вышла книжка! Видела?»

Первая меня особенно не интересуется. Она все время одинаково одета – в джинсы и синюю толстовку, одинаково причесана и занимает одно и то же место – практически у туалета. Думаю, любит одиночество и все время витает в облаках. Мне кажется, она сочиняет любовные романы, – у нее все время затуманен взгляд. Когда она подходит к стойке и разглядывает стену за моей спиной, на которой написано мелом наше меню, то явно при этом думает о той истории, от которой оторвалась ради кофе, а выбор ее напитка определенно зависит от того, как он называется. Я вижу по ее лицу, что она тащится просто от сочетания звуков, когда произносит: «Карамельный глясе со взбитыми сливками, пожалуйста».

«Моя» писательница другая. Во-первых, она модно одевается, каждый раз продумывает «луки». Меняет прическу, ногти у нее всегда покрашены, не то что у первой. В самом деле, приятно же смотреть на ухоженного человека. Вот, казалось бы, мелочь – в слякотную погоду ее джинсы всегда заправлены в сапоги, в отличие от джинсов первой писательницы, которые, как и кроссовки, всю зиму гордо носили следы соли.

Но главное, у «моей» был вид человека, который точно знает, что хочет. Никаких туманных взглядов, никакой растерянности. Она всегда заказывала одно и то же: тост с тунцом, конфету из цедры в горьком шоколаде и раф. А самое интересное: она просекла, что я делаю в нашем кафе лучший раф.

Для меня лично это не новость. Во-первых, я дольше всех тут работаю. Во-вторых, я ни на что не отвлекаюсь – ни на учебу в институте, ни на подготовку к ней. Просто работаю бариста. Делаю кофе. Но я совершенно этим не кичусь. Ну делаю я его лучше всех, и что? Зато Лариска терпит ораву детей. У всех свои достижения.

Однажды Лёвка принимал у «моей» писательницы заказ.

– Только, если можно, пусть Галина сделает раф, – попросила она, прочитав мое имя на бейджике.

– Ой... – Лёвка от смущения сразу пятнистым сделался, как леопард. – Простите, я вам в прошлый раз забыл ванильный сахар добавить...

Возникла дурацкая пауза, которую я сняла улыбкой и какой-то шуткой и занялась кофе. Сама же думала о том, что ребята и правда иногда то забывают какой-то ингредиент, то не подогреют молоко, и кофе получается не обжигающе-горячим, а я все тонкости помню, и то, что мою работу оценили, было приятно.

В следующий раз Лариска с Лёвкой ткнули меня в бока:

– Иди... «Твоя» пришла.

Так и повелось.

Сейчас я столкнулась с ней в дверях, и она, снимая с шеи голубой шарф, огорченно спросила:

– Вы уже уходите?

– Я ненадолго, – улыбнулась я в ответ, – но вы проходите, там ребята...

– Я подожду вас, – решительно сказала она, осматривая зал в поисках места.

Ее последние слова грели меня, пока я шагала по улице, засыпанной то ли снегом, то ли градом, – под ногами что-то хрупало, а ледяной ветер норовил растрепать мою челку.

Я достала телефон и позвонила Лильке.

– Сидишь?

– Сижу...

– Вас понял. Давай номер своей школы.

Потом я сунула телефон в карман и стала думать: что мне на самом деле нужно сделать в школе? Вообще я бы просто шуганула любителей чужих лифчиков. Но у Лильки прямо голос изменился, когда я ей это предложила. Ладно, сперва стоит поговорить с ней.

Вдруг я остановилась, чуть не влетев в сугроб. Почему? Почему я думаю о Лильке, о ее одноклассницах, вместо того чтобы страдать по Серёне? Наверное, все дело в том, что сейчас день. Наступит вечер, и боль разольется по всему организму, как горячий чай после пробежки на холоде. Вечером всегда все кажется драматичнее. Серёня как зуб мудрости, который мне недавно удалили. Утром челюсть не болела, но стоило наступить вечеру, как она заныла так, что я даже подвывала от тянущей боли, которая отдавала и в ухо, и в висок, и в глаз.

«Так что сегодня на вечер у меня запланированы подвывания», – мрачно решила я. И словно в ответ моим мыслям, со школьного двора

раздалось гудение бензопилы: рабочие срезали лишние и засохшие ветки с тополей вокруг школы.

На крыльце крутились две какие-то девчонки в розовых курточках, с черными сумками наперевес. Я с подозрением глянула на них, но решила все же следовать первоначальному плану. Да и девчонки были крупнее и выше Лильки, так что не факт, что именно они над ней издевались.

На входе я назвала охраннику Лилькину фамилию и класс, и он показал, куда мне следует подняться.

На лестнице мне пришло в голову, что я могу не узнать Лилю. Память на лица у меня хорошая, но утром я была полусонная и особенно не вглядывалась в девочку. Пытаясь сообразить, какая у нее была прическа, я оперлась на перила и тут же отдернула руку, выругавшись:

– Да чтоб тебя!

К кончику среднего пальца левой руки прилепился розовый шматок жвачки. Я с отвращением оторвала его, заглянула под перила и, вынув из кармана салфетку, убрала здоровый розовый нарост, еще не успевший затвердеть.

Огляделась в поисках урны. Да откуда она возьмется тут, на лестничном пролете? Я вздохнула и сунула бумажный комок в карман, решив выкинуть при случае.

Лилька сидела в коридоре, как мы и договорились, но узнала ее я не по лицу и не по прическе, а по тому, какой клубок разных угловатостей она представляла собой, усевшись на рюкзак возле батареи. Я даже удивилась: надо же, вроде в комок сжалась, а все равно торчат острые плечи, колени, нос, локти.

– Не горячо у батареи-то?

Она вздрогнула и подняла голову. Шмыгнула носом. Потом спозла с рюкзака на пол, обхватила колени руками.

– И тебе привет! – усмехнулась я, усаживаясь рядом у стенки. – Держи салфетку. Только имей в виду: она у меня последняя. Ну чего? Пытали тебя каленым железом?

Лиля повернула голову в мою сторону, но глаз не подняла.

– Пошли поговорим с ними? – спросила я. – Кто тебя обидел? Две блеклые козявки на крыльце? Слушай, я их парой слов на место поставлю.

– Не надо! – воскликнула Лиля, схватив меня за запястье, и я поразилась, какими ледяными были ее руки – у батареи же сидит.

– Не надо, – добавила она шепотом, – я не хочу так.

– А как они тебя не выпустят? – поинтересовалась я. – Прямо руками за плечи схватят? Или подножку подставят?

– Они просто встанут близко и посмотрят мне в глаза, – тихо сказала Лиля, отпуская мою руку и отворачиваясь.

– И всё? – поразилась я. – Ну а ты? Не можешь посмотреть им в глаза?

– Нет, вы что... Я даже когда иду в школу, никогда не смотрю людям в лицо... Только на дорогу... Страшно.

– Ну дела! – покачала я головой. – И что, так и будешь сидеть?

– Они же уйдут когда-нибудь.

– Ну хорошо. А завтра они запасутся едой, термосами с какао, палатку разобьют.

Лиля слабо улыбнулась.

– И будут тебя караулить до ночи. Ты что сделаешь?

– А я могу завтра заболеть. – Лилькин голос прозвучал так деловито, что у меня мороз по коже пробежал.

– Так и будешь бегать всю жизнь? – спросила я.

Лилька подумала и ответила:

– Нет. Всю жизнь не смогу. Просто мне нужен лифчик.

– Так купи! – фыркнула я.

Она посмотрела на меня с таким ужасом, будто я предложила ей купить аквариум с барракудами.

– И потом, это все равно не решение, – покачала я головой. – В следующий раз они тебя попросят показать что-нибудь похуже лифчика.

– А что может быть хуже? – испугалась она.

У меня на языке вертелся с десяток язвительных шуточек, которые можно было выпалить в ответ, но я решила оставить их при себе. Лилька вряд ли оценит сейчас мое искрометное чувство юмора.

– Не важно что, – уклончиво ответила я. – Если они поймут, что тебя можно заставить делать все, что угодно, добром не кончится. Будешь бегать за сигаретами до конца школы.

– Они не курят. И мне сигареты никто не продаст.

– Ну за батончиками шоколадными. Не важно, Лиль. Нельзя так. Ты должна подойти к ним и сказать...

Лиля не дала мне договорить. Она вдруг наклонилась к моему плечу и расплакалась.

– Ну-ну...

Я неловко обняла ее. А она все хлюпала и хлюпала, приговаривая, как младенец: «Ы-ы-ы!»

– Успокойся, а...

Тут у меня забурчало в животе, и мы вместе прыснули. Она отстранилась, расправила мою последнюю салфетку и высморкалась. У меня снова забурчало, и она хихикнула. Салфетка вздыбилась над ее носом.

– Ржет она! – делано возмутилась я. – Лишила меня обеденного перерыва!

– Ой, у меня остался бутерброд с колбасой, – сказала Лиля, копаясь в рюкзаке. – Будете?

– А то!

Я взяла бутерброд, разделила на две части, но Лиля покачала головой.

Я поняла: не может есть. Не может, пока *это* не решится. Но и я тут не могла сидеть до вечера и вспоминать, как мы в школе с этим боролись.

Тем более что я обычно была в компании тех, кто крутился на крыльце, поджидая. Сама никого не трогала, но и меня с детства никто не задирает. Мамка догадалась меня в шесть лет на тхеквондо сдать, и хотя мне ни разу в жизни не пришлось применять эти приемы, слухи, что я могу и в глаз дать, почему-то ходили.

Я только сейчас оценила мамкин поступок. Нелегко ей, наверное, было. В нашем Пушкине нравы не такие свободные, как в Москве, и наверняка ее соседки осуждали за то, что девку на такие пацанские занятия водят. Жалко, что я недолго ходила... Может, тогда было бы не так страшно в подъезд заходить.

– Лиль, слушай, – я откусила бутерброд и глянула на часы, – пора мне на работу. Давай... давай потом подумаем, что нам с этим всем делать? А сейчас просто выйдем, и я тебя до дома провожу. Они не посмеют к тебе пристать, пока я рядом.

Она поразмыслила, кусая губы, а потом кивнула, к моему большому облегчению. Я встала, дала ей руку, и она поднялась со старушечьим кряхтением.

Когда мы вышли из школы, девчонки стояли уже у школьных ворот. Они «зеркалили» друг друга – стояли, улыбаясь и отставив ногу в сторону. Увидев нас, зашептались. Ухмылки стали еще шире, но они опустили головы, изображая смущение. Я думаю, они хотели бы, чтобы мы их заметили. Я поглядела на Лильку, чьи руки прыгали, не попадая в карман куртки, и подумала, что пары моих слов хватит, чтобы... Но я обещала.

– Спокойно, – негромко сказала я и взяла Лильку под локоть. Другую руку сунула в карман. И тут же скривилась от отвращения: салфетка в кармане умудрилась развернуться, и я вляпалась в мягкую липкую дрянь, которую сняла с перил.

В этот момент одна из девчонок надула пузырь и лопнула его. Большой. Розовый.

В моей голове что-то замкнуло. Я шагнула к девчонкам.

– Слушайте... Насчет жвачки на перилах... Если это вы...

В эту секунду Лилька вырвала локоть из моей руки и, споткнувшись и неловко перепрыгнув через только что спиленную ветку тополя, бросилась вон со школьного двора.

Девчонки переглянулись с выражением деланого ужаса и, развернувшись, затопали в другом направлении. До меня донесся их сдвленный хохот.

– Лиля! – в отчаянии крикнула я. – Лиля! Подожди! Я же не... Пстой!

Глава седьмая

Мама

Когда я возвращалась, солнце скрылось и поднялся ветер. Я запахла куртку, дернула замочек молнии. Раздраженно ткнула в кнопки мобильного.

– Алло?

– Почему ты не подходишь? – напустилась я на Лильку. – Откуда мне знать, может, тот маньяк тебя караулит у школы, балда!

– Какой маньяк? – прошептала она.

– Какая же ты бестолочь! – вырвалось у меня. – Ты не поняла, что этот урод, который с тобой утром сидел на скамейке, имел на тебя виды?

– Откуда вы знаете? Он же ничего не говорил, – торопливо сказала Лиля.

– Ладно, – устало ответила я, – хочешь бегать – беги. Хоть на все четыре стороны.

– Галя, простите, я потом перезвоню: мне мама звонит, – умоляюще проговорила Лиля.

Она нажала «отбой».

Плевать! Что я, в самом деле, связалась с этой истеричкой! Тоже мне Робин Гуд! Помчалась спасать эту глупышку. А ей не нужно, чтобы ее спасали. Что ей нужно? Да, вот интересный вопрос. Что ей от меня нужно?

«Моя» писательница сидела у окна, говорила по мобильному. Увидела меня, помахала рукой. Столик перед ней был пуст. Значит, и правда ждала меня.

«Вот и отлично! – сердито подумала я, переодеваясь в подсобке. –

Займусь теми людьми, которым действительно нужна я. И у которых понятные запросы».

Я швырнула куртку на лавку, парой рывков причесала волосы, нацепила фартук, вышла к стойке. Писательница уже стояла с противоположной стороны.

– Умираю от голода! – весело сказала она. – Пожалуйста, как обычно.

– Раф, тост с тунцом и... и трюфель? – уточнила я.

– И цедру в горьком шоколаде!

– Простите...

Я улыбнулась, протягивая руку за деньгами и карточкой нашего кафе. Она тоже улыбалась, но я успела поймать выражение недоумения на ее лице. «Подумаешь! – проворчала я мысленно, подходя к кофейному аппарату с чашкой. – Ну выскочило у меня из головы, какие она любит конфеты. Я что, обязана обо всех все помнить?»

Аппарат зашипел, обжег мне пальцы кипятком. Плюется, бывает с ним такое. Но почему именно сейчас?

Я покачала головой, взяла пачку молока. Она выскользнула у меня из рук, и я еле успела поймать ее, прижав бедром к стойке. Несколько капель вылетели, упали мне на джинсы.

– Лёвка! – прошипела я, но он не услышал.

С ним в этот момент кокетничала девушка, указывая на банку кофе с надписью: «Грешное наслаждение». Впрочем, я сама была виновата – знаю же, что Лёвка часто хватает все мокрыми руками. Просто забыла. Хорошо, что пачка молока, а не бутылка с вишневым сиропом. В конце концов я справилась с заказом и крикнула в зал:

– Ваш раф, тост с тунцом и конфета го-то-вы!

Сияющая писательница подошла за заказом. Я улыбнулась, взяла щипцы и принялась аккуратно раскладывать на блюде круассаны, которые кто-то из ребят побросал как попало.

Немного погодя я подняла голову и столкнулась со взглядом писательницы. Она смотрела на меня в упор и не улыбалась. «Сочиняет», – решила я и отвернулась. Но что-то грызло меня. Я выхватила поднос у Заринки, которая как раз собиралась обойти зал, и отправилась сама за посудой. Вот на моем подносе две креманки, ложка, трубочки. Я все ближе и ближе к писательнице. Вот я у ее стола. Раф стоит на самом краешке. Нетронутый!

– У вас что-то забрать? – упавшим голосом спросила я.

– Да, – холодно ответила она. – Кофе.

– Да? С ним что-то не так?

– Холодный. Несладкий.

– Что?! – испугалась я и чуть наклонилась от неожиданности поднос.

Креманки звякнули друг о друга и съехали к краю. Я вовремя выровняла поднос и прошептала:

– Не может быть! Какой ужас! Простите. Я переделаю. Можно?

– Спасибо, не нужно. Я уже уйду, – сказала она, поднимаясь, – времени нет. До свидания.

Она поднялась, накинула пальто и вышла. А я так и стояла посреди зала и смотрела ей вслед. Потом медленно вернулась за стойку. Сгрузила креманки. Снова взяла пачку молока, поднесла к раковине и капнула на запястье. Холодное. Как? Как это может быть, что я не проверила?

Я поставила молоко на место и поняла, что больше не могу

сдерживаться. Лариска и Лёвка болтали, ничего не замечая. Я закрыла лицо руками и выскочила в подсобку. Там бросилась на лавку, укрылась под полами черного пальто и заплакала. Не рыдала, конечно, в голос. Просто всхлипывала и кусала губы, выплакивая и вчерашнюю дискотеку, и валенки «медведя», и жвачку на перилах, и холодное молоко.

А когда выплакивать стало нечего, я утерла щеки рукавом, потому что салфеток больше не осталось, и нащупала в кармане джинсов мобильный.

Сначала я слышала гудки, а потом мама подошла, и я услышала свой голос. В смысле я начала говорить, и это было очень странно, как будто говорит кто-то вместо меня.

– Мам, привет! Слушай, мы тут поговорили с Серёней про свадьбу. И решили пока не жениться. То есть он так решил. Дурак, да? Правда?

Я еле сдержалась, чтобы снова не расплакаться.

– Погоди-погоди... – проговорила мама, и я представила себе, как она в этот момент трясет головой. – Не понимаю: как это? Он сам заговорил про свадьбу и сам же сказал: «Ее не будет»? Что это нашло на Сережу нашего, Галюнь? Заболел, что ли? Может, сглазили?

– Нет, мам, – вздохнула я, – он сам не говорил... Я предложила. Пожениться. Он отказался. Да, я знаю, что сама во всем виновата и никто меня не тянул за язык... В общем... плохо мне, мам. Кофе вот не получился. Первый раз в жизни, наверное.

– Детонька, доченька! – воскликнула мама. – Галюша... Бедная моя... Не расстраивайся, детонька, ну, может, и к лучшему. Может, оно и хорошо, что сама разговор завела. Хоть выяснила. А то так тянулось бы и тянулось бесконечно. И ты б зря надеялась. Ты только там не огорчайся. Может, возьмешь пару дней и приедешь к нам? Хоть покормлю тебя. Борщик как раз сварила. Отоспишься... а?

Я слушала маму в недоумении. Если честно, я была уверена, что мне влетит по первое число за то, что сама предложила парню жениться. Мама у меня, как говорят, старой закалки. Из тех, кто постоянно парится на тему «что же люди подумают».

Мы в седьмом классе написали письмо директору, чтобы он математичку заменил. Чем-то она нам не нравилась, хотя толком уже и не помню чем. Я подписала. Математичку заменять не стали (не зря я, наверное, не помню – видно, пустяковый был повод). А мама все переживала, что «люди увидят», что «люди подумают», и ругала, что я «полезла в активисты».

Вот и сейчас я ждала выговора «за активизм». Вместо этого мама все причитала, что Сереж у меня будет еще сто сотен и что я ее любимая и

дорогая доченька. Я решила, что она только что посмотрела какую-нибудь передачу или кто-то ей историю рассказал душещипательную. Короче, под впечатлением. У нее было так: посмотрит про подростков и потом говорит папе: «Ох, Коль, вот как у них все, у детей-то... А то только и сердимся на нашу-то... А нельзя: понимания не хватает им». И меня, пятнадцатилетнюю, по голове гладит. Папа, который в этот момент обычно приколачивает какую-нибудь полочку, говорит шепеляво, зажав во рту гвозди: «Ремня им всем не хватает, а не понимания!» И мы с мамой смеялись, а мама заключала: «А все-таки вон у них как все-то».

Папа у меня рукастый. Он даже может себе запросто сапоги сшить из кожи, не говоря уже обо всяких полочках и ловких замочках, которые он сам придумывает, хитрых приборчиках и удобных табуретках.

Я тоже рукастая – в него. Люблю что-то насыпать, смешивать, взбалтывать, наливать, украшать. Но папа недоволен тем, что меня «руки кормят». «Голова должна кормить», – слегка окая, выговаривает он мне, когда я приезжаю на мамин борщик. Объяснять ему, что без головы даже американо не сделаешь, не говоря уже об айриш кофе, – бесполезно. Я и не пытаюсь. Все-таки на первых порах они за мою комнату бабе Клаве платили.

– Папе только не говори, – прерываю я мамин поток переживаний и сочувствия, – он ведь твердит без конца, что нам пожениться надо. А если узнает, то приедет и прибьет Серёгу. Подключит к чему-нибудь высоковольтному в кабинете физиотерапии.

Мама невесело смеется, а потом вдруг говорит:

– Галюнь! А может... ну ее, Москву эту? Давай, может, домой? У нас же кафе прямо рядом с домом. Сдалась тебе эта Москва? Пусть Серёга ее один покоряет. Мы с папой тебя ждем. Давай, а? Все равно не поступаешь...

– Мама!

– Да ничего, ничего, – поспешно добавляет она, – это не я, это папа переживает.

«Как же, папа!» – подумала я.

– Ладно, мамуль, спасибо, что выслушала... Пора мне работать.

До самого вечера я очень переживала за испорченный раф. Но приступов слезных больше не было, и на том спасибо.

Вечером, когда я подходила к подъезду, меня охватило привычное напряжение. Прежде всего – осмотреться. Никто не идет сзади. Никого у входа. Лучше, если бы за мной брела какая-нибудь пухлая тетка с громкоголосой псиной, но на нет и суда нет. Обойдемся.

Я набрала несколько цифр кода, дернула на себя тяжелую дверь и замерла: в подъезде, в предбаннике у почтовых ящиков, судя по звукам, кто-то возился. Я не двигалась, прислушиваясь. Гремит ли этот человек ключами, собираясь открыть почтовый ящик? Спускается ли вниз? Или, наоборот, собирается уехать на лифте?

Но таинственный кто-то не планировал ни выходить на улицу, ни уезжать, ни подавать признаки того, что он является жильцом дома и имеет полное право находиться в подъезде. У меня застучало сначала в сердце, потом в ушах, и я не выдержала. Отпустила дверь и отступила.

Достала телефон и в отчаянии устала на экран. В таких ситуациях я всегда звонила Серёне. Как бы он ни был занят, он всегда говорил со мной, пока я входила в подъезд, поднималась к себе, искала ключ в сумке и открывала дверь квартиры. В общем, все то время, когда я боялась.

А сейчас?

Я отступила на пару шагов назад. Огляделась: может, хоть какая-то мамашка ведет детей с прогулки? Никого – ни справа, от автобусной остановки, ни слева – с детской площадки. Я задрала голову, сама не знаю зачем (не Карлсона же с неба я ждала), и вздрогнула: в окне на третьем этаже мелькнуло бледное лицо. Мелькнуло и пропало, но я сказала негромко:

– О! – И нажала на телефоне кнопку повторного вызова. – Ну и в чем дело? – спросила я, когда услышала робкое «алло». – Что за фокусы?

– Извините, – сдавленно проговорила Лиля, – простите. Просто... Не знаю.

Повисла пауза. Я успела подойти к подъезду и нажать на кнопки. Но надо было продолжать разговор: самое страшное-то было у меня впереди.

– Лиль, слушай, честно скажу... Не знаю, как тебе помочь.

– А вы хотите? – спросила она.

– Ну ты и чуело! А кто тебя утром от «медведя» спас?

– От какого?

– От настоящего, балда! – возмутилась я, а у самой сердце ёкнуло: вдруг это он в подъезде возится? Потом выдохнула и продолжила: – Короче. Что ты хочешь?

Я поднялась по ступенькам и глубоко вдохнула, готовясь шагнуть в предбанник перед лифтом.

– Вы сказали, что можно купить лифчик...

Я зажмурилась, прижимая трубку к уху.

– А вы... вы ведь знаете, где они продаются? И, если знаете, вы со мной можете туда сходить?

Я шагнула и открыла глаза. Возле почтовых ящиков стояла уборщица в синем, заляпанном белой краской халате. Собирала бесплатные рекламные листовки в черный шуршащий пакет.

Я выдохнула, в ушах у меня по-прежнему стучало, но сердце больше не бухало.

– Да, Лиль...

– Да? Правда? А где?

– Что – где? – очнулась я.

– Ну, в каком магазине его можно купить?

– Кого?

– Я вам уже сказала! – плачущим голосом проговорила она. – Вы что, меня не слушаете?

– Прости, – пробормотала я, нажимая кнопку лифта, – наверное, связь пропала. Тут бывает в подъезде. Телефон не работает. Так что нужно купить?

– Белье. Мне. Бюст... короче, лифчик.

– Так маму попроси!

– Она не хочет. То есть это папа не хочет. Говорит, мне еще рано. А она его слушает.

– Ну, если твои родители считают, что рано....

– Пожалуйста! Пожалуйста!

Я задумалась, нащупывая в кармане ключ. Вообще соглашаться неправильно. У девочки родители есть. Они все эти штуки должны покупать. И решать, нужны они ей или нет. Я, посторонний человек, тут ни при чем. Но тут я вспомнила, как меня мама сегодня пожалела. Должна была отругать, а пожалела. И я подумала, что иногда очень хочется...

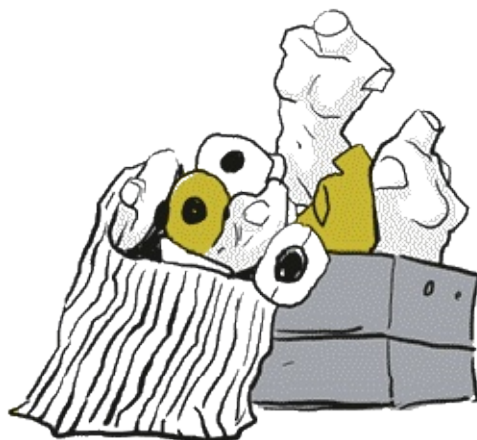
– Ладно, – сказала я, оборвав свои размышления, – давай сходим на рынок. Который у метро, крытый.

– Ура! Галя! Правда? Когда?

Договорившись с Лилей о времени и месте, я убрала телефон, захлопнула дверь квартиры, а потом прислонилась к ней спиной и сползла, закрыв глаза. Не только Лилю сейчас с головой накрыло чувство благодарности. Да, не только ее.

Глава восьмая

Лифчик

Стоило нам войти на рынок, на нас тут же набросились две тетки. Одна в шубе до пят («Купите шубку, девочки, недорого!»), другая – в длинном алом платье («Вам на выпускной наряд нужен? Смотрите, какие у нас красивые платьюшки! Все размерчики есть!»). Я поморщилась, взяла Лильку под локоть. Противные все-таки эти тетки-продавцы. Ну да ладно, доведу ее до нужной витрины, а там пусть сама разбирается с «размерчиками».

Но киоска с бельем все не попадалось. На витринах стояли чайники, кастрюли, емкости, чтобы греть еду в микроволновке, были разложены маникюрные принадлежности, резиночки-заколочки, детские ботинки и панамки.

Замерли мы с Лилькой перед развалом с толстовками. Зеленые, серые, синие – все были украшены смешными надписями. Правда, я быстро разочаровывалась: какую надпись ни возьми, или глупость оказывается, или баян. Лиля, наоборот, шевелила губами, хихикала, дергала меня за рукав, а потом вздыхала.

– Не пыхти, – посоветовала я, – за сто рублей не купишь тут ничего.

– Почему за сто?

– Ты ж сказала, что у тебя шестьсот, а бюстик рублей пятьсот будет стоить, думаю. Вот и останешься с сотней.

– Вот бы где-то выиграть миллион! – мечтательно тянет Лилька. – Я б купила себе все, что хочу.

– А кто тебе сейчас не дает? – спросила я, но тут же прикусила язык.

Ей же родители не дают покупать то, что хочется. И денег карманных она получает немного. Это я зарабатываю и даже, бывает, мамке денег привожу. Она, правда, говорит, что не тратит их, а откладывает, а потом, через несколько лет, вернет мне в целостности и сохранности. Я экономлю, но знаю: если очень захочется, могу себе все, что хочу, купить. Даже юбку от «Дольче энд Габбана», например. Мне жалко три зарплаты на это тратить. А у Лильки выбора нет. Просто не может себе купить, и всё. Мне всего девятнадцать, но как быстро забывается зависимость от родителей...

– А вам родители много денег давали в школе? – спросила Лиля.

– У них самих много денег никогда не водилось, – ворчливо ответила я. – Откуда? Мама – медсестра, папа – врач ЛФК в поликлинике. Ну, по полтиннику в неделю было у меня.

– А вы на что их тратили?

Перед моими глазами вдруг всплыла картина.

Мы от тети Сани возвращались, она в Арсаках живет, это дальше по Ярославской дороге ехать надо, и мама предложила, чтобы они с папой домой пошли, а я – в магазин забежала за хлебом. И дала мне денег еще, просто так. Купи, мол, дочка себе что-то. Может, наклейки с «Барби» или что там у вас в моде.

А я пошла и купила себе мороженого. Пять стаканчиков вафельных. И, сидя на скамейке, съела все пять один за другим.

– И у вас горло не заболело? – с восторгом спросила Лиля, когда я ей рассказала про мороженое.

– Нет, что удивительно, – ответила я. – Понимаешь, я просто дорвалась. Мне в детстве запрещали мороженое. Топили его в кастрюле, чтобы поплыло, и только тогда давали есть. Я ангиной часто болела, и каждый раз приходилось антибиотики пить. Ну, мамка, конечно, волновалась и старалась мое горло беречь; папа ее все пугал рассказами про то, как антибиотики организм разрушают. Врачи, что поделают...

– Как же вы не боялись заболеть, пока столько стаканчиков ели?!

– Боялась, конечно. Говорю ж, дорвалась. Прямо башню снесло, как мороженого хотелось! Так что, может, и хорошо, если мы с тобой купим тебе бюстик. А то будешь на них все деньги переводить, как подрастешь. И ничего себе даже купить другого не сможешь – только весь дом будет лифаками завален.

Мы засмеялись, а потом Лиля сказала:

– А мороженого потом купим?..

– Не говори «гоп»! – сурово оборвала я ее. – Вон справа развал, пошли

туда!

Мы подошли к витрине, на которой горками были разложены самые разные бюстгалтеры: и кружевные и простые, спортивные, и однотонные и разноцветные. Я огляделась и заметила автомат с кофе.

– Что-то в горле пересохло, – небрежно сказала я, – пойду сделаю себе капучино. А ты пока выбирай. Не люблю я эту дрянь химическую, но чего-то захотелось кофейку...

Я не успела сделать и шагу, как Лилька цепко схватила меня за руку ниже локтя.

– Галя! Подождите! Вы... вы куда?!

– Я же сказала тебе – за кофе!

– Нет-нет, не бросайте меня!

Лилька подвлокла меня к прилавку. И они обе, и Лилька, и молодая девчонка, торгующая бельем, черноволосая, с красным ободком, как какая-то Кармен, уставились на меня. Нашли тоже командира!

– Галь, – сквозь зубы проговорила Лиля, – чего говорить-то?

– Ну спроси, есть ли твой размер, – еле слышно ответила я.

– А какой?

– Я откуда знаю?!

- А у вас какой? Можно же просто меньше, чем ваш, попросить...
- Я... Я не...
- Вы не знаете?! – потрясенно спросила Лиля, разворачиваясь ко мне.

– Мне нужно в туалет! – не выдержала я и метнулась в ту сторону, где были нарисованы две фигурки – мужская и женская.

В узкой кабинке, изрисованной маркером, я достала мобильный телефон. Быстро нажала на кнопки. «Абонент недоступен». Это что еще за фокусы? В городе Пушкине нет метро! Где она может быть?!

В дверь постучали.

– Это я, – послышался жалобный голос Лили.

Я промолчала, снова нажимая на кнопки. Ничего, если дозвонюсь, шепотом спрошу. Позора не допущу.

Снова – «недоступен». Снова постучали.

– Да сколько можно?! – проорала я.

Лиля ответила всхлипыванием.

В третий раз не дозвонившись, я распахнула дверь.

– Ну что, что ты ревешь?

– Я боюсь...

– Чего ты боишься? Ну не знаем мы твой размер. Померяешь один, другой, третий. Вот и определимся!

– Вот я и боюсь мерить, – проревела Лиля, – а вдруг мерить надо будет прямо там... за прилавком?

– Да брось, что за чушь? Наверняка у них примерочные есть! – возмутилась я, но сама при этом похолодела: а вдруг и правда там, за прилавком, придется переодеваться?

– Так, пошли, – не выдержала я, схватила Лильку за руку и выволокла из туалета.

– А вы вспомнили свой размер? – плаксиво спросила Лиля.

– Да не могу я его вспомнить! Потому что не знаю!

– Как?!

– А так!

– А как же вы...

– Да никак.

– Вы его не носите?

– Ношу! Слушай, Лиля, – я не смотрела ей в глаза, – давай я тебе объясню, в чем дело, но ты никаких вопросов после объяснения задавать не будешь? Вообще не будет никаких высказываний с твоей стороны! Обещаешь? Ладно. Мне белье поку... то есть дарит мама. По праздникам! Всё!

Это было ужасно. Просто какое-то жуткое унижение – признаваться одиннадцатилетней девчонке, что я, хотя и живу одна, и зарабатываю, и даже решила на замужество (счастье, что она ничего не знает про это!),

ничего не знаю про размеры бюстгалтеров. Но и врать я не могла. У меня с враньем плохо. Мне родители всю жизнь правду говорили и меня приучили. Мне никогда не ввали в поликлинике, что «эта тетя тебе делать ничего не будет». Объясняли честно: «Будет больно, но нужно просто потерпеть». Я, конечно, орала сначала, но потом папа как-то тихо спросил: «Было бы лучше, если б мы тебе соврали?» Я умолкла сразу же.

Лилька молчала, и я искоса глянула на нее. Она жевала кончик косы и о чем-то думала.

– Ну? – не выдержала я. – Чего ты молчишь?

– Вы же сами сказали: никаких высказываний...

– Ладно! Всё! Пошли! Чем быстрее мы закончим, тем лучше!

Я подтащила ее к прилавку и произнесла три слова, которые вызывали у меня страшное смущение, но обойтись без которых было невозможно:

– Нам нужен бюстгалтер!

– Обеим? – деловито отреагировала Кармен.

– Нет! – вздрогнула я. – Только ей. Только мы размера не знаем.

– Ну это мы сейчас выясним, – успокаивающе сказала Кармен. – Подойди сюда, котенок!

Мне не понравился этот «котенок», но перед продавщицей белья я застыла, как перед анакондой. Она была царицей в совершенно незнакомом мне государстве, и, поскольку я не знала правил, мне следовало помолчать.

– Подними лапки, опусти лапки, молодец, – приговаривала Кармен, ловко обхватывая Лильку сантиметровой лентой, потом ослабляя и снова обхватывая. – Ну вот и определились. Вас померить?

– Не надо, – вздрогнула я.

– Ну, может, вы за компанию с подружкой купить хотите...

– Спасибо, не надо! – Я почувствовала, что еще секунда – и я или в обморок упаду, или заору.

Лилька нахмурилась, шагнула ко мне и погладила по руке.

– Не надо ее мерить, – тихо вступилась она за меня, – ей мама белье покупает и знает ее размеры.

– Лиля! – прошипела я.

Но Кармен, удивленно улыбнувшись, кивнула и повернулась к Лильке.

– Ладно, давайте с фасончиком разберемся, девочки. – Она деловито закопалась в стопках лифчиков. – Дать вам с микрофиброй?

Лилька посмотрела с тревогой на меня.

– Может, с пушапом? – продолжила продавщица, – или с микропушапом!

– Выбери! – сердито сказала я Лильке.

– Мне бы серый... или черный, – пробормотала она.

– У-у! – протянула Кармен. – А чего цвета такие скучные? Давай цветастенькое дам? Лето на носу!

Я сглотнула. Мне хотелось прийти на помощь Лильке. Но я почему-то робела перед Кармен. Боялась ее почти так же, как пустых подъездов.

Но Лилька все же как-то справилась с выбором. Кармен довела нас до примерочной, втолкнула обеих в кабинку, задернула занавеску. Я прислушалась к ее удаляющимся шагам и выскочила наружу. Правда, через некоторое время Лилька снова позвала меня – застегнуть лифчик. Я поморщилась, но выбора у меня не было. Она стояла, крепко прижимая свой детский лифчик к груди, испуганно глядя на зеленовато-белое отражение в зеркале.

– Как-то тесно, – прошептала она, когда я щелкнула застежкой и отступила.

– Ой, да не врите! – послышался голос Кармен за спиной.

Она отодвинула меня и подскочила к Лильке.

– Давай я тебе ляпочки распущу! Давай-давай! Придумает тоже – тесно. От горшка два вершка, а умничает. Ну, они все такие. Моя тоже туда же... Я ей говорю: «Ну куда тебе розовые кружева?» – а она: «Все носят, все носят...»

Болтая, она хваталась за лямки и что-то с ними делала, но я смотрела на Лильку. Ее лицо в зеркале позеленело еще больше, рот скривился. Она закусила губу и зажмурилась.

– Перестаньте, пожалуйста! – не выдержала я. – Прекратите! Мы сами справимся!

И, сама себя не узнавая, я почти вытолкнула Кармен из примерочной.

– Спасибо, – прошептала Лилька, так и не открывая глаз, – так... так противно, когда... Это проходит?

– У кого-то проходит, у кого-то – нет, – буркнула я. – Мне, видишь, до сих пор противно. Ну что, берем этот?

Кармен встретила нас с поджатыми губами. Но я твердила про себя, что сейчас мы расплатимся и уйдем и больше никогда не увидим эту противную тетку. И правда, Лилька расплатилась, и мы ушли, почти убежали. Не попрощались, конечно. Кармен, получив деньги, тут же уселась и, раскрыв журнал с sudoku, уткнулась в него.

Ладно.

На улице светило солнышко, и я с облегчением подставила лицо его лучам. Также зажмурилась, только не как Лилька – с ужасом, а с облегчением. Испытание было пройдено.

– Галь, а вы где-то учитесь? – вдруг спросила Лилька.

– Я работаю.

– То есть вы уже закончили учиться?

– Я закончила школу, – сказала я, еле скрывая раздражение, – и потом пошла работать. Сразу после школы. Стой, куда идешь? Дорога!

Я схватила ее за руку и дернула назад. Вовремя я это сделала: пешеходам загорелся красный и машины дернулись с места, как ракеты.

Я уставилась на светофор, бормоча вслух секунды, которые оставались до зеленого.

Послышалось всхлипывание. Я закатила глаза.

– Ну Ли-и-ля! Ну ты чего?! Ну ладно, прости, что заорала. Я испугалась, что ты под машину попадешь.

– Я не из-за этого... – всхлипывала она. – Я... из-за... лифчика... Он мне... мал!

– Мал?! – поразила я. – А зачем ты его купила?!

– Не зна-аю... Я испугалась... этой...

Зажегся зеленый, но не для нас. Мы стояли, как два истукана, и смотрели друг на друга.

– И что теперь делать? – тихо спросила я.

– Не зна-аю... Больше у меня денег нет.

Лиля стояла опустив голову, а медвежонок на ее шапке с укором смотрел на меня.

Я чуть не заплакала. Мне страшно не хотелось идти к Кармен. Хотелось отобрать розовый пакет и треснуть им Лильку по башке за то, что втянула меня в это мероприятие.

– Если хотите, накричите на меня, – не поднимая головы, сказала Лилька.

– Вот еще! – возмутилась я. – Я и не собиралась на тебя кричать! Тебе что, родители не говорили, что каждый имеет право на ошибку? Что не ошибается только тот, кто ничего не делает?

Фраза заезженная, но Лильке понравилось. А я представила, что моя гордость – это бумажный листок, сложила из него мысленно журавлика в стиле оригами и швырнула куда подальше. Взяла эту балдищу за руку и поволокла обратно к рынку. А что еще мне оставалось?

Если кто и получил удовольствие от процесса замены одного лифчика на другой, так это Кармен. Мы с Лилькой стояли с жалобными лицами, как ходоки в некрасовском «Парадном подъезде» (Лилька вдобавок еще и шапку мяла), а Кармен с царственным видом забрала у нас пакет, заменила в нем бюстик и вернула обратно. Мы прошептали какие-то слова

благодарности и поплелись к выходу.

– А мороженого купим? – прошептала Лилька у самого выхода. – Заслужили мы?

– Конечно, заслужили! – восторгалась я.

– Ура! – обрадовалась Лилька. – Я куплю сама! Тебе какое?

Кажется, сама она не заметила, как перешла на «ты». Заметила я. И решила, что она это сделала вовремя. Когда мы покупали бюстгальтер, то вели себя как взрослый и ребенок. Но замена нас уравнила. Стеснялись мы абсолютно одинаково. Это было странное ощущение – быть с Лилькой на равных. Она ведь все время смотрела на меня снизу вверх.

«Странное, но любопытное», – решила я и подкрепила свой вывод порцией шоколадного пломбира в вафельном стаканчике.

Глава девятая

Лилькины вопросы

Странная была эта Лилька. То молчит, молчит, улыбается вежливо, а потом ба-бах! Как задаст какой-нибудь вопрос.

– Представляешь, я надела лифчик на следующий день, а у меня про него никто не спросил.

– Конечно, дело-то не в лифчике.

– А в чем? Чтобы меня мучить? Зачем?

Я хотела буркнуть: «Ну я откуда знаю?»

Да как тут буркнешь. Она же псих настоящий, Лилька. Возьмет и сбежит. Прямо раз – и вперед! Как тогда, на школьном дворе. Не кидаться же за ней сломя голову по всем лужам. А она все улепetyвает. Прямо не догонишь.

То есть догонишь, конечно. По телефону вечером. Но весь день до вечера мне как-то мерзко внутри будет. Похоже на озноб при температуре. Самолюбие, видимо, мое страдает. Не ответила на вопрос – не решила проблему.

– Думаю, что им все равно, кого мучить, – поразмыслив, ответила на вопрос, – просто ты им попала на дороге.

– Откуда ты знаешь? – спросила она, и мне захотелось дать ей подзатыльник.

Нет, чтобы сказать: «Спасибо, поняла». Реверанс там сделать. А она еще и сомнению подвергает!

– Ну у нас так было, – нехотя объяснила я. – Я тусовалась с

девчонками, которые вели себя как твои Наташка с Катькой.

– Так ты была с этими, которые мучают остальных? – с осуждением сказала Лиля и даже отошла на шаг.

– Я ни с кем не была! Просто стояла рядом на крыльце. И они между собой говорили: «Ну чего, кому сегодня загадки загадывать будем?» – «А кто первый выйдет, тому и загадаем!»

– Какие загадки?

– Сложные. Не отгадаешь – щелбан. Сильный, с крыльца свалиться можно.

– И что? – с интересом спросила Лиля. – Никто не мог учительнице пожаловаться?

– А у вас в школе стукачей уважают?

– Не знаю.

– Ну так узнай.

– А они только загадки загадывали? Или еще что-то?

– Ты про лифчик? Нет, до такого не додумывались. Но дразнили, конечно. С первого класса. У нас девчонка одна училась. Мама африканка у нее была: красивая, модная, туфли на платформе, пирсинг в носу. И Камилла тоже всегда модно одевалась. А все равно вслед орал: «Камилка – шоколадка!», и это из всего самое безобидное было.

– А ты? – с волнением спросила Лиля. – Ты заступалась за эту девочку?

– Она не просила.

Лиля замолчала, кусая губы.

– Ну ладно, не бухти, – примиряюще сказала я. – Может, меня поэтому судьба с тобой и свела. Дала мне возможность реабилитироваться. Тебя спасти от твоих вертушек.

Но Лилька по-прежнему молчит, покусывая уже не губы, а кончик косы. Она не может вот так – раз-раз – и простить мне то, что я не вступалась за всех униженных и оскорбленных нашей школы.

Вообще у нее удивительный характер был. Она могла молча три часа просидеть в моей комнате, что-то рисуя или записывая карандашом в блокноте. Я при этом болтала с друзьями в гугл-токе, сидела на форуме бариста, да просто бездельничала, разглядывая ленту «Фейсбука» и ставя лайки от скуки всем подряд (пропуская, правда, новорожденных младенцев и объявления вроде «Мы поженились!»).

Но иногда ее прорывало, как будто разливалась весной речка и поглощала и деревянный мостик, с которого летом все кувыркаются в воду, и берега с жухлой травой, и кусты.

– Смотри, смотри! Что на ней! – шептала она, схватив меня за руку и чуть не расплескав горячий шоколад, который я выносила ей после работы в бумажном стаканчике. – Обернись!

– Да тихо ты: обожжешься! – прикрикивала я на нее, и не думая оборачиваться вслед девочке в колготках, на которых были нарисованы разноцветные пузыри.

Но Лиля обрушивала целый поток возмущений, замечаний, вопросов, и мне все-таки приходилось обернуться и рассмотреть в деталях каждый пузырик-принт.

– Уродство, – убежденно констатировала Лиля, – абсолютное уродство! Как это можно носить? Не понимаю, у нее совсем нет вкуса.

Может, я и согласилась бы с ней, но во фразе «как это можно носить?» звучали чужие, не Лилькины интонации. Она кого-то копировала, какого-то эксперта по моде, а меня прямо тошнит, когда слышу презрительные «экспертные заявления».

– Отстань от нее, – советовала я, – человек одевается как хочет. Одежда – это форма самовыражения.

– Но есть же какие-то правила сочетаемости, – не сдавалась Лиля. – Это же как с твоим кофе. В какой-то можно добавить соль, а в какой-то нет.

– Правила есть, – согласилась я, – но я не собираюсь осуждать человека, который солит капучино. Пусть делает как ему нравится. Если что-то не по правилам – это не значит «уродство».

Мне кажется, после того как мы купили злосчастный лифчик, Лиля изменилась. Стала относиться к своей внешности очень трепетно. Ей теперь казалось, что я должна замечать каждую мелочь, которую она в себе

изменила. Как-то надулась, что я не заметила ее новую заколку. Большие изменения у нее вызывали приливы бешеного волнения. Она приходила в новой футболке с умильной кошачьей мордой и надписью: «Без кота и жизнь не та!» – и спрашивала нервно:

– Посмотри! Нормально? Как? Я читала, что идеальная футболка доходит до косточки на бедре. Мама мне эту заказала по Интернету. Она доходит до косточки, но мне все равно кажется, что я в ней толстая. Это, наверное, из-за белого цвета. Да? Толстая?

– Мегатолстая, – кивала я. – Как же ты в дверь пролезла – боком?

– Правда?!

– Нет, дурища, шучу я!

– А надпись? – не отставала Лиля. – Пошлая?

– Нет.

– А мама говорит – пошлая.

Я отворачивалась и вздыхала. Мне совершенно было неохота спорить с точкой зрения ее матери. Не потому, что я такая хорошая, нет. Просто я хорошо знаю этих девочек, которых мамы дома тиранят. У нас в школе училась парочка таких. Они жалуются, жалуются на маму, а потом попробуй что скажи ей что-то про мать, услышишь: не лезь не в свое дело! Так что я отшутилась:

– Ну и скажи об этом маме, когда она попросит у тебя эту футболку поносить!

– Она не попросит, – серьезно ответила Лиля, – она ей не нравится. Понимаешь, я никак не могу решить. Маме не нравится. А тебе нравится. Кого из вас мне лучше слушать?

– Себя, – мгновенно отреагировала я. – Одежда – это не мамовыражение и не галевыражение, а самовыражение.

– Это что же, у меня такое самовыражение? – испуганно спросила Лиля, тыча пальцем в кошку.

А я схватилась за голову: «Неужели я тоже была такой невыносимой балдой в свои одиннадцать?!»

Один раз она обидела меня. Не специально. Сказала, что думала, а я обиделась. Неожиданно. Это было, когда я призналась, кем работаю. В тот раз я пригласила ее в кафе. Усадила за лучший столик. И говорю:

– Какой тебе сделать кофе? Сливочный, с ванильным сахаром?

Она удивилась:

– А ты...

– Да, я здесь работаю, – небрежно сказала я. – Ну что, раф тебе?

– Так ты варишь кофе, ты-ы... – протянула она.

– Бариста.
– Ба-рис-та, – повторила Лилька по слогам, – красиво звучит. А тут все бариста?
– Ага.
– А где учатся на баристу?
– На бариста.
– Оно не спрягается?
– Не склоняется, Лиль. Это ж не глагол. Учатся на курсах. Потом приходят работать в кафе и варят кофе.
– И так всю жизнь? До пенсии?
– Нет. Кто-то уходит на другую работу. Вон Лёвка, например, готовится к поступлению, а пока тут работает. Поступит, наверное, и перестанет работать.
– А ты?
– Я просто работаю.
Как назло, в этот момент мимо проходил Лёвка. Услышал наш разговор, обернулся и подмигнул. Зараза!
– Ладно, – раздраженно сказала я и двинулась к подсобке, – не хочешь кофе – сделаю тебе молочный коктейль, деточка.
Лиля не обиделась. Она досидела с сосредоточенным видом, кусая соломинку от коктейля, до моего перерыва, а когда я к ней подошла, тут же спросила:
– Так ты всю жизнь собираешься просто варить кофе?
Тут-то я и обиделась.
– А что, – говорю, – плохая работа?
– Нет, просто... Просто ты очень умная. В людях разбираешься. Когда я с тобой познакомилась, то думала, ты студентка...
– Нет, – отрезала я, – я бариста. Специалист по приготовлению кофе. Еще вопросы?
– А ты пробовала куда-то поступать?
– Отвяжись! – вдруг вырвалось у меня. – Всё, мне пора! А ты дуй домой. Мама небось ждет.
– Прости, – пробормотала Лиля растерянно, – я не хотела тебя обидеть.
Я знала, что она не хотела. Но все равно обиделась. Я думала, она скажет что-то вроде: «Ого, какая работа крутая!» А она оказалась занудой, вроде моего папы.
Лилька дождалась конца моей смены. Увидев ее зеленое пальтишко у входа, я немного успокоилась. Решила ее простить. Придет время – поймет.

Работа – это тоже самовыражение. Хочу и выражаюсь через кофе. Лилька и сама наверняка понимает, что сморозила глупость.

Как выяснилось, не понимает. И более того, она уверена, что пройдет время – и я пойму! Я! Та, кто старше ее на семь лет! Но не успела я выступить с пламенной речью в защиту куриц, которых не следует учить яйцам, как она взволнованно спросила, вспомнив старый разговор:

– А ты уверена, что Наташке и Кате все равно, к кому приставать? Ко мне или еще к кому-нибудь?

– Конечно, – убежденно сказала я, довольная тем, что мне вернули роль «курицы». – Человеку всегда кажется, что все вокруг имеет к нему отношение.

– Это как? – не поняла она.

– Ну... Как тесты в Интернете. Проходила когда-нибудь?

– Конечно!

– Ну вот тест «Ваш оттенок черного». Люди отвечают на вопросы, внимательно изучают ответы и узнают, какой они «оттенок черного». На самом же деле там общие слова написаны. А кажется, как будто для тебя лично.

– Я, кстати, знаешь, какой оттенок? – оживилась Лилька. – «Черный, как дыра в космосе. Во мне можно раствориться, и у меня есть скрытые способности». Так было в тесте написано.

– Вот видишь, – улыбнулась я, обходя очередную лужу по краю, чтобы не промочить новые кеды, которые я нацепила, несмотря на грязные снежные сугробы по краям дороги. – То же самое можно и обо мне сказать, и о Лёвке с Лариской, и о твоих Наташке с Катей. К тому же можешь поверить, твои одноклассницы сами много чего боятся. У каждой наверняка просто куча тараканов. В смысле всяких фобий.

– Да, Наташка гусениц боится. Таких, пушистых. У нее кофта есть голубая, с висюльками. Когда весной гусеницы с деревьев падали, то всегда цеплялись за эти висюльки ножками, а я их снимала.

– Ты?! – удивилась я. – А вы раньше дружили, что ли?

Тут Лиля отвернулась и шагнула в сторону. Каким-то шестым чувством я поняла: бежать собирается. Она и правда успела сделать пару шагов прямо в лужу, но я рванула за ней и схватила за локоть.

– Стоять! Что еще за фокусы, а?!

Замерев, мы смотрели друг на друга. Она тяжело дышала, как будто успела запыхаться.

– Я не хочу об этом говорить, – наконец выдавила она.

– Так и говори, что не хочешь, – посоветовала я и, поморщившись,

выскочила из лужи.

Ноги я все-таки промочила.

У Лильки ко мне было много вопросов, а у меня к ней один: почему она убегает? Точнее, так: почему она никогда ничего не хочет объяснять? Почему просто молча убегает? У меня самой никогда не бывает, чтобы я стеснялась о чем-то поговорить. Ну если не считать таких щекотливых тем, как выбор лифчика. Может, я нелегко схожусь с людьми, но уж если начинаю с кем-то отношения, предпочитаю честность. А ей проще убежать. Почему?..

Глава десятая

Снег

Она без конца строчила мне эсэмэски. Утром я нащупывала у кровати телефон, чтобы вырубить будильник, и обнаруживала пару посланий от Лильки. Иногда просто: «Привет!» Иногда какая-то мысль, а иногда мем, который она нашла ночью в Сети мне в подарок.

От начала моего рабочего дня до перерыва могло «нападать» штук восемь, а то и десять сообщений. Она писала обо всем: что ест, что видит в окно, что сказала историчка, как оборвалась вешалка от куртки, как им делали прививки, что «ВКонтакте» написал мальчик, который ей нравится, на стенке девочки, которая не нравится, в общем, – весь ее мир отражался в моем мобильном телефоне.

Сначала меня слегка раздражало то, что я не успеваю ответить на все ее письма: не отставлять же сифон со взбитыми сливками, которыми я собиралась покрыть глясе-карамель, и не бросаться к телефону, который непрерывно гудел и пищал, сообщая об очередном сообщении. В какой-то момент я выключила звук и расслабилась. В обед доставала из сумки бутерброд с колбасой и сок или контейнер с творогом (да-да, когда на моей полке в холодильнике оставался только пустой шуршащий пакет, который я забывала выкинуть, я малодушничала и покупала творожный брикетик у сияющей бабы Клавы), шла в подсобку и читала Лилькину эсэмэску, как книжку. Иногда смеялась, иногда бормотала что-то вроде «ну ты подумай, надо же!». Дожевав бутер, отвечала и бежала к своей стойке. А голос

Лильки, сбивчивый, торопливый, пришепетывающий, звучал у меня внутри, и я продолжала думать о ней и прикидывать: вечером отвечу на такой-то вопрос подробнее, а вот о поступлении не хочу говорить совсем, надо ей прямо сказать, чтобы и не заводила разговор.

Иногда у меня совсем не было настроения отвечать. И я молчала. Наверное, она считала меня садисткой. Но у всех бывает дурное настроение, и я не исключение. Телефон все загорался и загорался. Потом переставал. Перед сном я прочитывала их все. Но все-таки молчала.

А потом она переставала писать. И тогда у меня на душе кто-то скреб. Не знаю уж, кошки или мышки. Но я писала: «Привет. Прости. Вчера была не в настроении». Это было не чувство вины, нет. Скорее, то, что называют привязанностью.

У нее было одно качество, за которое я уважала ее, – она умела восторгаться тем, что есть. У меня немного другой взгляд на жизнь. Я люблю с трудностями бороться. Мне кажется, нет смысла про хорошее вслух говорить: и так понятно, что солнечные лучи на подоконнике, новая книжка, которую только что забрал из пункта самовывоза интернет-магазина, шоколадное мороженое, оставшееся на дне банки, заныканной в морозилке за пельменями, – это здорово! Что тут обсуждать?

Лучше поговорить о том, что на стойке остаются пятна от нового спрея и это выглядит неряшливо или что новый бариста забывает предлагать гостям подогрев печенья с шоколадом и никогда не собирает посуду со столов.

Но Лилька писала мне целые поэмы о том, как приятно с хрупом наступить в лужу, чуть подернутую морозной корочкой, или откусить от горячего батона, купленного при хлебозаводе, или сидеть в жарко натопленной школе весь день, а потом выскочить и выдохнуть: «Хха!..» Кто бы мог подумать, что она станет со мной всем этим делиться.

Как-то в конце марта, после целой недели солнца и теплого ветра, повалил снег. Крупными хлопьями, как в шведской сказке про троллей. Народ замер, а потом принялся забивать френдленту в «Фейсбуке» как пространными размышлениями о природе снега, так и короткими шуточками о том, что пора доставать елочные игрушки. Самым частым словом, которое звучало у нас с прилавка, было: «Ужас!»

- Снег валит как сумасшедший!
- Ужас!
- Снова зима!
- Ужас!
- Будет весна в этом году или нет?!

– Ужас!

Я возмущалась и веселилась вместе со всеми. А потом пришло сообщение от Лильки. «Потрясающе! Я смотрю в окно и плачу. У меня не хватает слов выразить эту красоту». Я опешила. Глянула в окно и на секунду забыла, что на следующей неделе должен начаться апрель. Хлопья снега медленно падали под аккомпанемент регги, который врубил Лёвка.

– Красиво! – вырвалось у меня.

Лёвка услышал, изогнул бровь и со смехом сказал Лариске:

– Галька прикалывается: «красиво», говорит! Точно. Только чего-то не хватает! А, понял!

Он метнулся к проигрывателю и поставил: «Jingle bells».

В зале кто-то засмеялся, а кто-то – зааплодировал.

– Вы все ржете, а между прочим, и правда красиво, – сказала Лариска, бросив взгляд в окно.

Я заворуженно смотрела на них: на Лёвку, продолжающего транслировать «Галину шутку» теперь уже клиентам, на Лариску, снимающую снег на мобильный, и думала: как странно все это. Лилька написала о своем наблюдении. Я озвучила его, изменив свое собственное мнение о снеге. Лёвка решил, что я прикалываюсь. А Лариска вернула Лёвкину шутку к тому значению, которое вкладывала Лилька, только теперь слова о настоящей красоте принадлежали Лариске.

Я на секунду забыла о том, что нахожусь в кафе, задумалась о силе мысли, которую мы высказываем вслух. Кто-то в нескольких километрах от тебя сказал: «Красиво!», а кто-то в полуметре от тебя достал телефон и сфотографировал красоту.

За это я любила Лилькины сообщения. Они толкали меня на разные соображения, в голове появлялись догадки, объяснения тому или иному жизненному событию. Объяснения, на которых я не задерживалась, а шла дальше, к новым открытиям.

Через некоторое время я так привыкла к Лилькиным сообщениям, что уже не могла обойтись без ее утреннего приветствия, а если что-то приходило мне в голову, то писала не пост в «Фейсбуке», а Лильке. И хотя иногда раздражало, что она без конца делает из меня какого-то учителя жизни, считает, что я знаю ответы на все вопросы, не понимает, что иногда я хочу просто помолчать, то есть понимает, но я вижу, что ее задевает это, я чувствовала, что нужна ей не меньше, чем она мне, что между нами есть что-то сильное и очень увлекательное, что хочется назвать научным словом «взаимосвязь».

Иногда мне даже приходило в голову, что неплохо было бы на самом

деле попробовать поступить куда-то, чтобы изучать психологию отношений между людьми (например), но я тут же обрывала себя. Глупость какая, в самом деле! Зачем мне эта профессия? Психологов и без меня хватает. И кто знает, смогу ли я найти работу в этой области. А тут – синица в руках. Держи покрепче и беги по жизни!

Я все это как-то объяснила Лильке в гугл-токе, когда, одолжив у Лёвки ноут, уселась с ним за один из отдаленных столиков. У нас так делали многие сотрудники после работы, особенно те, кого дома никто не ждал.

«А мне кажется, тебе надо попробовать куда-то поступить, – написала она в ответ. – Ты ничего не потеряешь».

«Самооценку потеряю!»

«Тебе лень?»

В Инете она позволяла себе разговаривать со мной так, как никогда бы не осмелилась в жизни. Но я решила не пугать ее, высказывая вслух это соображение, – спрячется в свою раковину с перепугу, а мне нравится ее храбрость.

«Нет».

«А в чем проблема?»

Лилька принялась заполнять пространство чата ссылками на материалы для абитуриентов из разных вузов.

«Хватит! – взмолилась я. – Не буду это смотреть!»

«Лень?»

Я фыркнула, отпила кофе (регуляр, как всегда) и нажала наугад на какую-то ссылку. Статья открылась, и я неожиданно для себя зачиталась. В ней говорилось о поступлении на психфак.

Лилька написала:

«Мне пора: мама вернулась».

А я даже не ответила. Читала. Опомнилась, когда Лёвка тронул меня за плечо. Я вздрогнула и оглядела полупустое кафе.

– Сколько уже?

– Половина одиннадцатого.

– Да ты что?!

– Ну, ребята сказали, они до одиннадцати продержатся, так что сиди, если хочешь; просто мне комп нужен: домой пора.

– Да мне тоже домой пора, – встревоженно сказала я, поднимаясь.

Не люблю возвращаться поздно. Для меня это одна из самых неприятных вещей в жизни. Хуже стоматолога или гастроскопии. Внутри все завязалось узелком от неприятных предчувствий. Но я заставила себя глубоко вдохнуть, накинуть куртку, помахать ребятам на прощание и с

уверенной улыбкой выйти на улицу. Лёвка кивнул мне и потопал к метро. А я направилась к дому.

Дорога была освещена, и мимо проносились машины, но когда меня охватывал страх, то я боялась всего на свете. Меня могли успокоить только люди. Их на тротуаре как раз и не было. То есть был какой-то пухлый дядька, но он шел довольно далеко впереди.

Я вздохнула, набросила капюшон толстовки, сунула руки в карманы, сжала какой-то пакетик и двинулась к своему дому. Обычно в таких случаях я звонила Серёне: «Я иду, прохожу мимо церковного дворика, поворачиваю к себе, вхожу в подъезд...» Да что там, обычно я и не допускала такого позднего возвращения. Всегда старалась вернуться из гостей пораньше. Или уж ждать утра, как это вышло на дискотеке в последний раз. Я шагала и думала: что же со мной такое делает ночь? Ведь я шла по скверу в семь утра в тот день, когда встретила Лильку. По сути ж – то же самое, никого вокруг. Может, дело в том, что я иду мимо шоссе, а не по скверу? Я глянула на темные деревья и кусты, вспомнила, кого я встретила в сквере в последний раз на скамейке рядом с Лилькой, и поняла, что сейчас там не то что идти – думать о нем страшно.

«Позвонить, что ли, Лильке?» – мелькнуло в голове. Но было поздно. Она наверняка уже спит. Да и зачем ей звонить?

На шоссе притормозила машина, и я ускорила шаг. Сердце колотилось, и казалось, что у меня даже уши шевелятся в попытке услышать, хлопнула ли дверь за спиной. Кто-то идет за мной?

Не выдержав, я обернулась. Парочка. Вылезла из машины, смеясь и посекудно целуясь.

У меня перестало жечь в груди и горле. Я еще больше ускорила шаг, мечтая прекратить эту пытку пустой дорогой, темнотой и моим воображением, бесконечно подкидывающим мне множество вариантов преступлений, о которых я когда-либо читала или слышала.

Я почти догнала пухлого дядьку. Оказалось, он брел медленно, как бы раскидывая ноги в стороны. Каблуки его ботинок звонко стучали по асфальту. Я бросила взгляд на его спину, обтянутую кожаной коричневой курткой, и вдруг меня снова обжег страх. А вдруг... Вдруг он – маньяк? Сейчас я обгоню его, он заметит меня и выберет в жертвы!

У меня застучало в висках, мгновенно намокли ладони. Я натянула в кармане между пальцами пакетик, и он лопнул. Замедлила шаг. Спокойно, идем за ним.

Дядька не торопился. Он заглядывал в каждый двор, будь то перегороженный шлагбаумом проход к офисным зданиям или въезд на

автомойку. Меня он не замечал, а я напряженно вглядывалась в его лысоватый затылок. Обернется? Набросится? Что тогда? Куда бежать?

Бежать можно было бы и к охране у шлагбаума, и к автомойке. Но мы прошли их и приближались к моему дому. Впереди еще оставался вход в церковный двор.

Я молилась: пусть он войдет туда! Пусть! Пусть он идет к речке, подышит воздухом. А я обогну по освещенной дороге церковный двор и вбегу в подъезд! Пусть он повернет! Пусть! Ну пожалуйста!

И он свернул. Я ринулась вперед, как спугнутый заяц, выхватив телефон. «Если что – позвоню маме, если что – позвоню Лильке!» Еле попадая пальцами в кнопки домофона, я набрала код и влетела в подъезд. Отдышалась. Поднялась к лифту, который как раз остановился. Двери распахнулись, и меня передернуло: сначала я поняла, что кто-то выходит из лифта, а только потом уже разобрала, что это была очередная парочка, просто менее романтическая, чем та, что вылезла из машины. В руках они сжимали черные пакеты с мусором.

Я заскочила в лифт и нажала на кнопку. Дверцы не двинулись.

«Что такое?» – обмерла я.

Еще раз и еще давила и только через несколько секунд поняла, что жму на первый этаж! Тут двери закрылись, но лифт с места не двинулся.

Я ткнула пальцем в кнопку своего этажа, но лифт почему-то не поехал. Тогда я снова нажала на первый – двери распахнулись, и первое, что предстало моим глазам, были коричневая куртка и отставленная в сторону нога в черном ботинке. Я увидела только половину того, кто стоял у лифта. Он тоже успел углядеть только кусочек моей куртки. Стоило ему пошевелиться, как я вжала кнопку своего этажа с такой силой, что еще чуть-чуть – и я вдавила бы ее в табло.

Никогда в жизни мне не было так жутко! Я вывалилась из лифта, дрожащими руками достала ключ. Меня всю трясло, словно выпила пять чашек эспрессо подряд.

Мне нужно было позвонить кому-то. Кому угодно! В отчаянии я чуть не набрала Серёнин номер. Но побоялась, что он примчится. Я не хотела этого. Он решил не связывать свою жизнь с моей, зачем тогда он нужен мне тут? Зачем эти ложные надежды?

Я набрала Лариску. Она была недоступна. Родители? Нет, им я не стану рассказывать ночные истории про одну девочку, которая решила прогуляться с одним дяденькой.

Я написала Лильке: «Спишь?»

Она позвонила тут же, словно сидела и ждала, глядя на экран.

«А может, так оно и есть», – вдруг подумалось. Я представила себе худенькую Лильку, грызущую свой локон и нервно проверяющую телефон каждые пять минут. Это слегка охладило мой пыл. Я вдруг поняла: ей нельзя вываливать все, что пережила за последние пятнадцать минут. Но поделиться хотелось. Позарез.

И неожиданно для самой себя я принялась рассказывать ей эту историю как смешную. Я напирала на то, как плелась за каким-то хмырем, а он заглядывал в каждую подворотню, а я потом дала стрекача, как псих, и вляпалась в грязь. Лилька фыркнула, услышав про парочку с пакетами мусора, и испуганно ахнула, когда я рассказала о том, что увидела, когда лифт распахнулся во второй раз.

– Да я чуть не прыгнула ему на шею! – сказала я с нервным смехом. – Хотела сказать: «Может, вы мой принц? Где же ваш конь?»

Лилька засмеялась. Я умолкла, прислушиваясь к себе. Кажется, отпустило.

– Галь, – тихо сказала Лилька, – слушай, а тот дядька... от которого ты меня забрала... Он мог быть маньяком?

– Я не знаю, – честно ответила я, – он мне удостоверение маньяка не показывал.

– Но мог быть?

– Ну, наверное... Любой может. Это не написано на лице, Лиль.

– Понимаешь, я думала, он больной какой-то. Он так тихо стонал. Я боялась, что ему плохо. Думаешь, раз он больной, он мог бы...

– Не знаю, – повторила я, – бывают такие больные... ну, сумасшедшие, в смысле, которые выглядят жутко, но вреда не причиняют. У нас дома, где мои родители живут, есть мальчишка умственно отсталый. Он огромный такой и глупый. Кто-то его боится, а кто-то говорит, что он вреда никому не причинил – чего бояться? Всё от людей зависит. Кто как думает.

– Значит, он мог быть нормальным? – напирала Лилька.

Наверное, ей хотелось не чувствовать себя виноватой в том, что она сама сидела с ним и не делала даже попыток убежать.

– Я не знаю! – в третий раз повторила я. – Откуда мне знать? Но ты ребенок, Лилька, а детей защищать надо. Я тебя потому и забрала. Мне показалось, тебя защитить надо.

– У него такие валенки были... – задумчиво сказала Лилька.

Меня вдруг окатил ужас, не тот, что я испытывала только что, а гораздо более тайный, древний, как мумии и саркофаги, что-то из глубины, из самой сердцевины меня. Я где-то видела эти жуткие валенки... И я... Не могу больше думать об этом!

– Слушай, давай о чем-то хорошем! – с трудом проговорила я. – Что там в школе у тебя?

– Нашла хорошее! – хмыкнула Лилька, но про школу рассказала.

А я слушала ее и думала о том, что и у меня есть темы, на которые я не могу говорить откровенно и от которых я бы сбежала, если бы было куда.

Глава одиннадцатая

Разговор «ВКонтакте»

Ночью вдруг полил дождь. На улице – тепло, а в доме – просто оранжерея. Батареи жарят вовсю. Баба Клава счастлива: молоко скисает даже быстрее обычного. Я же валялась на кровати без дела, слушая, как тикают часы на подоконнике, представляя себе убегающие минуты. Потом не выдержала – залезла на сайт «ВКонтакте». Вообще все друзья, с которыми я общаюсь, у меня в «Фейсбуке». Там же и вся информация по работе. Приглашения на семинары бариста, объявления о разных конкурсах и фестах.

«ВКонтакте» – это пережиток прошлых времен, напоминание о бурной школьной жизни, когда день без нового мема, повешенного на стенку, без того, чтобы с пеной у рта отстаивать свою точку зрения в какой-то группе, казался зря прожитым. Но там были все школьные друзья, в том числе и из параллельных классов. Мне очень хотелось с кем-то просто похихикать и пококетничать, чтобы стряхнуть с себя эту мартовскую полусонную хмарь, липкое болото, в котором самым топким и опасным местом была мысль, что Серёня теперь может встречаться с кем-то еще.

Онлайн был Вадик, по прозвищу Каракатица, с которым я просидела до восьмого класса за партой (потом появился Серёня), и Отарик. Вадик работал на автомойке и мечтал завести «свой бизнес». Отарик «поступал на врача» уже второй год. Родительские деньги позволяли ему всё: и без конца поступать, и как-то косить от армии. Мама требовала от Отарика только одного – чтобы готовился к поступлению. Отарик ее убедил, что готовятся все только на компьютерах, информацию там ищут, читают научные статьи,

а уж проверять каждую секунду, сидит ли Отарик «ВКонтакте» или читает статьи, времени у мамы, конечно, не было: сама работала врачом в самой крутой платной клинике нашего города.

Отарик мне сначала нравился, а когда он вдруг подарил мне алую розу на Восьмое марта, разонравился. Дело было не в Серёне, который как раз возник на горизонте (и на то Восьмое марта не то что не подарил ничего, а проржал все уроки с Веркой Сергеевой), а просто не понравилось, что Отарик так быстро «сдался». Но Отарик по-прежнему был в меня влюблен.

«Наконец-то! – написал он вместо приветствия. – Куда пропала?»

«Привет!» – написала я ему, польщенная.

Надо же, никогда не думала, что Отарик онлайн будет вызывать у меня такую радость!

«Привет, Галя!» – написал Вадик, и я присвистнула.

Вот как получается! Я, значит, всем нужна. А сама сижусь-грущу-мучаюсь зачем-то.

«Я давно у тебя хотел спросить одну вещь, но ждал, когда ты выйдешь онлайн, чтобы поговорить с тобой лично, – писал Вадик. – Правда, это общение нельзя назвать личным...» – продолжал он.

Даже если бы его имя не было указано в диалоге, Каракатицу всегда можно было узнать по занудству, с которым он излагал мысли и расставлял знаки препинания. И по фразам, которые часто повторял. За медлительность он и получил свое прозвище.

«...потому что Интернет искажает мысли», – закончила я мысленно.

«...потому что Интернет искажает мысли», – дописал и Вадик.

Я хихикнула, но ответила в том же тоне.

«О чем ты хотел меня спросить, Каракатица?» – написала, а потом стерла последнее слово и выслала.

«Это очень важный для меня вопрос. Я подумаю, как его лучше сформулировать», – ответил он.

Я закатила глаза, прошептала «зануда» и открыла диалог с Отариком. Тот уже успел настучать смешную историю про маму, которая заходит в комнату, чтобы проверить, занимается ли он. Он же сразу пытается открыть какой-нибудь научный сайт, но если забить в поисковик любое название части тела человека, вылезают всякие скабрёзные сайты, и мама пару раз чуть не поймала его.

«Взрослый человек, а занимаешься ерундой!» – написала я ему, еле сдерживая смех.

Вдруг мне пришло в голову: мама Отарика очень умная женщина. Она наверняка знает, что ее сын весь день сидит в соцсетях. Наверняка на

самом деле она даже довольна, что он торчит «ВКонтакте», а не болтается неизвестно с кем по подъездам. Так что проверяет-то она проверяет, но даже если видит сайт со словами «Да-да, детка, да», то уходит довольная. А Отарик – лопух.

«О! Слушай! Мне кажется, я разгадала секрет твоей мамы», – написала я Отарику.

«Привет!» – возникло вдруг в соседнем окне, и я вздрогнула.

Серёня.

Ладони взмокли, сердце затुकало где-то в горле. Я сглотнула. Вытерла ладони о футболку.

«И тебе – привет...»

Мне вдруг захотелось, чтобы он видел: у меня все прекрасно! Я счастлива без него! Ни капли не страдаю! Жизнь у меня бьет ключом!

Я бы наврала, что встречаюсь с кем-то, но вот беда: Серёня всегда мог понять, вру я ему или нет. Ну, может, он и не спросит. Тогда главное – выдержать тон. Убрать эти многоточия, а то с ними я похожа на Каракатицу.

«Как ты?»

«Норма. А ты?»

Я напряженно смотрела на экран. Это были очень простые слова. Но каждое, даже союз «а», было наполнено тайным смыслом.

«Я ок».

Меня всегда раздражало, что он так коротко пишет. Сначала я делала ему замечания. Потом в отместку сама стала писать коротко: «Хор.», «Отл.», «Норма». Но он всегда умудрялся ответить еще короче. Я ему: «Норма», а он мне «Ок».

Возникла пауза. Я подумала, что похоже, будто мы стоим на тонкой ледяной изморози и дрожим, страшись ступить вправо или влево.

«Как ребята?» – спросил он.

Серёня отступил назад, на берег. Что ж, правильно. Так спокойнее.

«Лёвка вроде ок, готовится. Лариска тоже».

«Она вроде в нашу академию поступать будет?»

«Угу», – ответила я, любуясь своим кратким ответом.

«Скажи ей, пусть не идет на международную экономику: я тут зачет завалил на днях. Это реально невозможно никакими мозгами понять».

«Да, в международной экономике я бы тебе ничем не смогла помочь», – написала я.

Он ответил смайликом. Я тоже тепло улыбнулась. Оба вспомнили, как познакомились. Он сел рядом случайно: Верка, его соседка, заболела, а ему

надо было списать алгебру. Я поделилась тетрадкой, а когда заметила, что он даже переписывает с ошибками, предложила:

– Хочешь, объясню?

Верка меня потом долго упрекала, что я отбила Серёню. Но я действительно хотела просто объяснить ему алгебру. Мне он особенно не нравился, казался каким-то суровым и мрачным. Его могла расшевелить только Верка: они дружили с детства, и она как-то умела рассмешить его. Серёня мне потом сказал, что он никогда не был влюблен в нее.

Правда, это все было сильно потом. Мы полгода занимались алгеброй у меня дома. Только алгеброй, а вовсе не тем, что приписывала нам Верка, отсевавшая к Отарику и громко хохочущая, даже если он не шутил.

Я влюбилась в Серёнин затылок. Хорошо это помню. Он наклонился, чтобы завязать шнурки на кроссовках, и я в полутемном коридоре увидела, как смешно, словно у воробья перышки, торчат волосы у него на затылке. Неожиданно я протянула руку, но тут же одернула себя. Он ничего не заметил.

Серёнины волосы не давали мне покоя. Мне хотелось дотронуться до него. Но я видела, что его по-прежнему интересует только алгебра. Я же – словно вылупилась из яйца. Все было теперь по-другому. Везде перед моими глазами стоял Серёня, и к чему бы я ни прикасалась, мне казалось, я прикасаюсь к нему. Я постриглась, проколола несколько дырок в ухе, начала собирать мемы. Мне хотелось стать интереснее, привлекательнее для него. Но вышло странно: как-то на самостоятельной по алгебре я просидела, грызя ручку и разглядывая Серёнины руки, и провалила работу. Он написал. В утешение мне досталось объятие после уроков. А потом и все остальное.

Мы еще долго шутили, что, если бы не я, Серёня бы не поступил в свою академию. Правда, моя мама не выносит этих шуток. Понятное дело: ему, мол, помогла поступить, а сама...

«Слышала? У Тэты с Толиком ребенок будет», – написал тем временем Серёня.

Я раскрыла рот.

«Правда?! Я ее видела в позапрошлые выходные! Она ничего не сказала!»

«Мне Толик сказал».

Я покачала головой. Надо же! Толик был Серёниным другом, на пару лет старше. Татка – моя ровесница! Мы всегда прикалывались, когда приходили к ним в гости, искали у них предметы быта на букву «Т», чтобы все было гармонично – и имена хозяев, и мебель. А теперь они... У них...

«Молодцы, что ж», – медленно набрала я.

«Ну не знаю. Татке придется академ брать. Смысл был на химфак поступать?»

«Возьмет и вернется. Или не вернется. Свет клином не сошелся на вашем высшем образовании. Зато, когда ей будет тридцать, у нее будет взрослый ребенок».

Мы говорили о Татке и Толике, но ясно было – на самом деле мы говорили о себе. Так всегда бывает: обсуждаешь чьи-то отношения, а на самом деле, внутри, думаешь о себе. А я? А у меня будет ребенок?

«Взрослый? – прицепился к словам Серёня. – Ему будет одиннадцать!»

«А ты считаешь, что одиннадцать – это малыш? – усмехнулась я. – Смотри-ка!»

И я выслала ему единственную нашу общую с Лилькой фотографию из примерочной рынка.

«Кто это?»

«Мой ребенок».

«Угу».

«Прости, что только призналась».

«Да хорош. Где ты ее взяла?»

«Удочерила. – И, не сдержавшись, добавила: – Ты ж меня бросил. А мне хотелось семью. Решила начать не с мужа, а с ребенка».

«Тебе никто не даст удочерить ребенка!»

Я фыркнула. Почему он не отшучивается? Повелся, что ли?

«Серёня, ну такова жизнь. Бросил – смирись».

«Я тебя не бросал!»

«А как это называется?»

«Слушай, просто нам еще рано отношения оформлять. И ребенка заводить тоже рано. Поверь мне, я с Настькой насиделся уже. Реально тяжело с детьми».

«Одно дело – с племянницей сидеть, а другое дело – со своим!»

«Да одно и то же! Тяжело. Но я не только поэтому считаю, что рано».

Наверное, он хотел, чтобы я спросила: «А почему?» Но я молчала.

«Сказать почему? – не выдержал Серёня. – Хочешь, скажу, почему я тебя, как ты говоришь, бросил?»

Я затаила дыхание. Неужели правда скажет?

«Галь, ты все время всем недовольна. Тебе все всегда не нравится. Ты все норовишь переделать по-своему. Меня это пугало всегда. И я не уверен, что мы готовы к тому, чтобы жить вместе».

«Ты о чем? – потрясенно спросила я. – Что мне не нравится?»

«Да всё! Квартира, которую я снял! Свитер, который я себе купил! Тебе даже друзья мои не нравятся».

«Почему не нравятся?!»

«Откуда я знаю – почему. Вот смотри: я тебя спросил, как ребята, а ты меня – спросила?»

Я молчала, потрясенная. Отвела взгляд от диалога. Обнаружила, что и Отарик, и Вадик ушли. Оба оставили обиженные сообщения. Вопрос от Вадика был таким: «Как ты думаешь, если я приглашу Ларису Липатову на концерт „Ночных снайперов“, она согласится?» Мне хотелось написать: «Нет!» У меня все плохо, так и Лариска обойдется без счастья. Но я приписала: «Не знаю». Это было честно.

Что ответить Серёне, я не знала. Да, я иногда пыталась ему помочь. Что-то советовала. Но я никогда не думала, что мои советы он воспринимает так болезненно. Словно я им командую.

«Не буду я никем командовать, – пробормотала я, – больно надо. Пусть все без меня справляются. Мне вообще плевать».

«Ладно, прости, я не должен был тебе этого говорить», – написал Серёня.

Ага, «прости», ага, «не должен». Шандарахнуть по башке со всей дури, а потом миленько улыбнуться – «прости».

«Все нормально, – наконец выдавила я. – Прости, мне надо идти».

И вышла из «ВКонтакте». Хорошо, что вернула ему его «прости». Мне оно без надобности.

Я подкатила стул к окну. Уперлась локтями в подоконник, положила голову на сцепленные руки. Долго смотрела, как мелко и мелко сыплет дождь, и думала: почему меня так задели Серёнины слова? Да, я и правда часто вмешиваюсь во что-то, пытаюсь «переделать по-своему», как он сказал, но мне всегда казалось, что люди довольны, что я им помогаю. Он сам был доволен! А если бы я не забрала Лильку с собой, чем бы закончилась ее встреча? Лариска, Лёвка – все ждут, что я решу их проблемы. Но я никогда не думала, что Серёню это раздражает.

Больше всего меня расстраивало то, что он никогда мне об этом не говорил. Молчал и злился про себя. Это было ужасно обидно. Как будто танцуешь с человеком на дискотеке, душевно так танцуешь, выкладываешься, а он тебе пишет потом: «Ты так смешно двигаешься!» Чувствуешь себя идиоткой.

Вот и сейчас. Я ощущала себя последней душой. Хотелось плакать – в такт дождю.

Я зарылась под одеяло, спрятала нос в подушку и зажмурилась.

Скорей бы закончился вечер и начался новый день. Я всегда верила в новый день.

Утром меня разбудила эсмэска. Серёня. «Она не твоя дочка! Ее зовут Лиля, а ее родителей – Евгения и Егор. Нашел у тебя в друзьях в „ВК"».

Я ждала от него совсем других слов... Но я улыбнулась. Дурак! Повелся все-таки! Приятно.

Глава двенадцатая

Стрекоза

Дождь к утру перестал, но за окном все было мутно-зеленым, как сыворотка бабы-Клавиного творога. Весна, называется! Нос не хочется из-под одеяла высовывать, не то что на улицу идти. Но надо, надо вытаскивать себя за волосы из мрачности.

Я отложила телефон и пошла в ванную, а мысли поплыли по коридору за мной. Как там он сказал вчера? «Командуешь...», «Все по-своему хочешь переделать...».

– Да пошли вы все! – буркнула я, сплюнув.

Облачко пены от пасты улетело в водосток. Я завернула ручку крана, посмотрела на себя в зеркало. Да, правильно. Пусть все валят. И Серёня. И Лариска. И Лёвка.

Встану завтра за прилавок. С другой стороны будет наплыв клиентов, как всегда по воскресеньям. У Лариски глясе не получится, у Лёвки – матчу заварить. «Галь!» – позовут. А вот шиш! Без меня, чуваки. Без контроля моего.

Бу-у! – из комнаты.

Потом опять. И еще раз. Лилька. Бомбардирует эсэмэсками в субботу с утра.

«Эта тоже контроля хочет, – подумалось, – докладывает о своих делах, чтобы я была в курсе, чтобы я ей все объясняла. Чтобы я ответственна была за все. А потом подрастет и заявит: «Ты меня контролировала, фу на тебя!»

Вырублю я этот телефон. Пусть пишет себе.

А эсэмэски прямо валом шли. Точно как посетители кафе в день

святого Валентина.

«Пожар, что ли, у нее?» – раздраженно подумала я.

Взяла телефон, открыла последнее письмо.

«Она уже вышла, идет к тебе».

– Кто? – опешила я.

Дили-дон! – это уже из прихожей.

– Я открою! – крикнула я бабе Клаве.

Сама лихорадочно эсэмэски листаю в обратном порядке.

«Прости, я сказала ей, что ты поступаешь, я боялась, что иначе она не согласится».

Следующая эсэмэска зависла.

Я тыкнула, мыкнула, пшикнула. Ладно. Открыла дверь.

Не знаю, как другие, а я, как вижу кого-то, сначала обращаю внимание не на какие-то определенные черты, не на глаза, не на волосы – у меня просто как бы образ сразу в мозг впечатывается. И оттуда, из мозга, сразу возник вопрос: «Чего она приперлась?! Чтоб я ей дома у себя раф сварила?»

А она стояла и смотрела на меня сквозь здоровенные очки от солнца, словно ее мозг не то что вопросов насчет меня, даже просто идей никаких не посылал. Потом очки сняла. И улыбнулась вдруг, как щенок с букетом из мультика. «Это мне? А за что?.. Просто так?!»

– Здравствуйте, – наконец выговорила, – так это вы.

«Моя писательница – Лилина мама?!» – с потрясением подумала я.

– Я очень рада, что это вы, – добавила она. – Жалко, Лиля мне не говорила, что вы работаете в кафе. Да, она сказала: «Галина», но я и подумать не могла, что это именно вы. Я вообще-то шла отказываться... Хотя Лиля очень настаивала. Но теперь я понимаю, что соглашусь. И рада, что вы уже согласились.

– На что?! – опешила я.

Кто ее знает, может, она сумасшедшая? Узнала в кафе мой адрес, притащилась. Но при чем тут Лилька?

– Я мама Лили, – недоуменно сказала «писательница», – меня зовут Евгения. Лиля разве не предупредила, что я зайду?

Я покосилась на телефон.

– Я ей сто раз говорила, что надо не эсэмэски слать, а звонить, – нахмурилась Евгения. – Извините, можно я войду?

Я кивнула, посторонилась. Решила ее пропустить вперед, чтобы проводить в свою комнату, но она тоже сделала шаг, и мы неловко столкнулись. Я снова шагнула, но и она опять двинулась, и мы опять

столкнулись, и она тогда уже засмеялась и отступила. Я улыбнулась, а сама с досадой подумала: «Ну чего она лезет?! Знает, что ли, куда идти?» Я направилась к своей комнате, но успела заметить, что она протянула руку к бабы-Клавиному подзеркальнику и провела по нему пальцем.

– Вот, заходите!

Она вошла, нацепила очки и первым делом на палец посмотрела. Потом перевела взгляд на мемы на стенах. Прочитала парочку, брови приподняла. Оглянулась, вроде как место ищет, чтобы сесть. Стул у окна был, где я его и оставила, когда на дождь вчера смотрела. Но она не задержалась на нем. Может, потому, что на нем мои носки висели. Чистые носки, между прочим. Ну да, с разводами темноватыми, но это потому, что руками стираю. Кто мне тут машинку даст? В ней только творожные тряпки достойны стираться, по твердому бабы-Клавиному убеждению.

Меня начал раздражать ее скользкий изучающий взгляд. На ней была зеленая рубашка и зеленые джинсы, разных оттенков, хорошо сочетающиеся, но в компании с огромными очками они делали ее похожей на стрекозу. И руки на груди сложены, как лапки.

Я пошевелилась, и она наконец посмотрела на меня и снова улыбнулась, на этот раз – заискивающе.

– Извините. Изучаю обстановку, – призналась она. – Лиля просто очень просится на эти выходные к вам. Но мне кажется... – Она посмотрела на мемы на стенах, на носки, на кружку от чая у компа, в которую был вставлен стаканчик от йогурта, пошевелила пальцем, которым пыль протерла на подзеркальнике, и закончила: – Но мне кажется, у вас негде спать. Второму человеку.

– Вы – Лилина мама? – дошло до меня наконец. – Хотите мне свою дочку отдать?

Она фыркнула.

– Да, простите, мне следовало этого ожидать.

– Чего?

– Что Лиля, как всегда, меня обманет. Она сказала мне, что уже договорилась с вами о том, что или вы с ней будете ночевать в нашей квартире, пока мы с мужем будем в отъезде на Майских праздниках, или она будет ночевать у вас. Она сказала, что подружилась с соседкой, которая ее старше и которая готова побыть с ней вместо бабушки три дня, пока мы в командировке. Понимаете, мы с мужем работаем над тем, чтобы Лиля перестала нас обманывать. У нас уже было несколько неприятных случаев, когда мы ловили ее на вранье. И мы стараемся доказать ей, что хотели бы, очень хотели ей доверять. Хотя эта история с соседкой показалась нам

странной, мы сказали, что верим ей. Но я, разумеется, сначала должна была познакомиться с вами. Вот и пришла. А тут – вы.

– А тут – я...

Мне показалось, что я провалилась в какой-то странный арт-хаусный фильм, а может, участвую в театральной постановке, но в любом случае это все какой-то бред.

– А давайте продолжим разговор у нас в квартире? – вдруг предложила стрекоза Евгения.

– Мы можем продолжить, – медленно сказала я, – но...

«Но я не буду ночевать с вашей дочкой», – вот что я хотела ей сказать. Но почему-то не сказала. Может, потому, что у меня не было ни одной достойной причины для отказа. У меня не было «экзаменов на носу», «бойфренда ближе к ночи», «срочной работы». У меня было только нежелание. Я не хотела ночевать с Лилей в квартире этой стрекозы и ее мужа. Я хотела бы, чтобы меня оставили в покое, – вот что мне было нужно. Но как часто люди слышат то, что другие хотят или не хотят? Да вообще не слышат. Все относятся серьезно только к обстоятельствам. А у меня не было ни больной собаки, ни грудного младенца.

Можно было просто сказать «не хочу». Но Евгения – упорная стрекоза. Всегда четко знает, что ей нужно. (А мне в ней это когда-то нравилось. Ужас!) Уговаривает.

– Но вы же меня совсем не знаете, – закончила я с безнадежной интонацией.

– Не знаю, – легко признала она. – Я же и говорю: я шла посмотреть на вас, поддавшись на Лилины уговоры. Но теперь я уверена, что с вами можно оставить моего ребенка. О! А это что?

Она шагнула к подоконнику, потрогала шишечки вербы.

– Как здорово! – восхитилась она.

«Дурака валяет? – заподозрила я. – Пытается меня задобрить?»

– Что тут здоровского? Обычная верба в стакане..

– Нет, но сама идея – как это оригинально! – сказала она со значением.

«Пытается найти во мне хоть какие-то плюсы, – догадалась я. – Ну-ну!»

– Что ж, пойдете к нам.

Она направилась к двери, я за ней, совершенно не понимая, что со мной происходит. Где та прежняя командирша Галя, которая легко ставит на место кого бы то ни было? Которая никогда и никому не позволяет брать себя в оборот?

Мне пришло в голову, что Серёня вчера пробил дырку в моей надутый

самоуверенности и теперь мне приходится плыть по течению за странной зеленой стрекозой. А может, дело в самой стрекозе. Может, она из тех людей, которые командуют командирами? Из тех, кто всегда добивается своего?

«Уж она бы заставила Серёню на себе жениться! – мелькнула у меня горькая мысль. Мне стало обидно. – Нет, это не она, это я хочу и иду, – упрямо подумала я. – Просто любопытно посмотреть, как Лилька живет. Чего у нее там со стенами?»

Дверь нам открыл дядька, черноволосый с проседью, в темных джинсах и тенниске.

– Вот, я привела Лилину подругу, – сказала Евгения.

– Очень рад с вами познакомиться. – Дядька протянул мне руку. – Егор.

Евгения ему еще что-то сказала, он засмеялся, она тоже, оба глянули на дверь, за которой, наверное, Лилька была, потом еще обменялись фразами, и я поняла: обычная, абсолютно обычная семья, с теплыми отношениями, с нормальными родителями, а вовсе не такими тиранами, какими их Лилька выставляет. «Мама – то, папа – это», «стены наезжают»... Врет она все. А, ну да! Евгения же сказала, что она часто обманывает. Значит, меня тоже? М-да, вот так сюрприз!

– Ладно, я побежал: мне надо в сервис, резину на летнюю поменять, – сказал Егор и крикнул: – Лилёк, пока! До вечера!

– Пока! – крикнула она из комнаты, но к нам не вышла.

– Ну, пойдемте в гостиную, – сказала Евгения, перебив мое «знаете, я, пожалуй...».

Квартира у них обычная была, модно обставленная всякими штучками в стиле хай-тек. Металлическая полукруглая люстра и прозрачный, полностью из стекла, шкаф. Я села в кресло, тоже модное, обтянутое черной блестящей материей, но жесткое.

– Лиля! – крикнула Евгения. – Что с эссе? Написала? Сейчас папа из сервиса придет – нам надо ехать!

Дверь открылась, к нам вышла Лилька. Я не узнала ее. То есть узнала, конечно, но выражение лица у нее было совсем другое, необычное. Какое-то замершее. Смотрела в одну точку перед собой. В руках тетрадка. Молча подала ее матери.

– Что надо сказать? – напомнила та, пробегая глазами по строчкам.

– Здравствуй, Галя! – сказала Лилька, по-прежнему глядя в одну точку.

– С какой стати – «здравствуй»? – возмутилась Евгения. – Галя тебя старше.

– Здравствуйте, Галя.

– Хорошо.

Евгения пробежала глазами то, что накорябала в тетрадке Лилька, а потом взяла ручку со стеклянного столика и аккуратно вычеркнула строку за строкой.

«Зачем так делать? – поразила я. – Почему не просто крест-накрест?»

– Не пойдет. Никакой логики, ошибок миллион. Переделай.

«Красиво, ничего не скажешь», – подумала я.

Лилька никак не отреагировала. Просто забрала тетрадку, повернулась и ушла.

– И дверь в свою комнату не закрывай! – сказала мать ей вслед. – Я хочу видеть, что ты работаешь над эссе, а не сидишь «ВКонтакте».

Евгения повернулась ко мне.

– Вы поняли, да, Галя? – спросила она. – Дверь в ее комнату всегда должна быть открыта. Вы всегда должны видеть, чем она занимается. Это важно. Знаете, я уже поняла, что ваш рассказ о себе – чистая формальность, я вас уже знаю много лет. Ну, не много. Сколько я уже занимаюсь переводами и сижу в вашем кафе? Два года. Ну что ж, достаточный срок. Так что потом расскажете, умеете ли вы готовить и знаете ли, чем лечить сопли. Сначала внимательно послушайте про ваши обязанности.

Мне вдруг стало невероятно смешно. Смех стал щекотать мне горло, потом спустился ниже, побежал по спине, и мне захотелось расхохотаться в лицо этой стрекозе. Она что, больная? Я не собираюсь становиться Лилькиной няней даже на три дня!

– Ест она очень мало. Контролируйте, чтобы обязательно в рационе были овощи. Спать она ложится в одиннадцать. Контролируйте! – продолжала тем временем Евгения. – А самое главное..

Она вынула из карманчика рубашки крошечный блокнот, тоже зеленый (ну просто Изумрудный город, елки, а она – не Евгения, а Гудвин, Великий и Ужасный).

– Вот. Это пароли от ее ЖЖ и странички «ВКонтакте». Проверяйте все каждый вечер, особенно «ВКонтакте». Вы должны быть в курсе всей ее переписки, всех разговоров. Если что-то покажется подозрительным, звоните мне. Обязательно читайте ее подзамочные посты в ЖЖ! В двенадцать у нее хорошая фаза сна, крепкая, можно усесться и прочесть. В принципе там ничего такого особенного она не пишет, в основном обычные девчоночьи мысли, но нужно держать под контролем каждый вздох.

– Вы серьезно? – спросила я.

Смеяться мне расхотелось. Я спросила ее: «Вы серьезно?», но на самом деле имела в виду: «Вы с ума сошли?»

Она поняла, что я имела в виду. Поджала губы.

– Знаете, – сказала она, – я не хочу потерять ребенка. Представляете, что она может сделать? Она может уйти из дома. Один раз она уже так поступила. Если бы вы знали, что испытывает мать, когда забивает в гугл: «Поисковый отряд „Лиза Алерт"»...

Она сидела с прямой спиной и смотрела на меня не отрываясь. А я глядела на нее. Если бы в этот момент за окном пролетали инопланетяне, то они, наверное, решили бы, что у нас идет обмен информацией «глаза-в-глаза». Но они бы ошиблись. Она говорила о своем. А я думала о том, что все-таки Лилька не врет. Что ее родители только кажутся нормальными, обычными. Ходят, улыбаются, макают, наверное, печенье «Юбилейное» в чай, а может, маслом его мажут. В гости ходят, поздравляют друг друга с Новым годом, за тройки пилят. Но на самом деле они хотят «контролировать каждый ее вздох». Больные совсем. Окончательно и бесповоротно. Мне вдруг стало понятно, что у Лильки с лицом было такое. Она прямо как маску надела и ходит в ней по дому. Защитную маску. Защиту от «наезжающих стен».

И это называется «мы с мужем работаем над тем, чтобы Лиля перестала нас обманывать»! Да-а...

Я смотрела на Стрекозу, которая со встревоженным лицом рассказывала, как искала Лильку по скверу, и думала: они хоть представляют себе, эти родители в теннисках и зеленых рубашках, что значит, когда ты не можешь сам *ни-че-го* – ни выбрать, что есть на обед, ни решить, на какие отметки ты будешь учиться, ни даже написать спокойно фразу где угодно, хоть «ВКонтакте», хоть в тетрадке, и быть уверенным, что никто не узнает об этом. Как живет бедная Лилька? Что у нее в голове?

Тут до меня дошло. Вот зачем судьба устроила мне этот зигзаг! Я же решила перестать все контролировать. А Лильке явно не повредит отсутствие проверок. Вот и прекрасно.

– Хорошо, я согласна, – перебила я Евгению, и брови у нее поползли вверх, точь-в-точь как в тот раз, когда она меня увидела впервые. Видно, ей этот вопрос уже казался решенным.

– Что касается оплаты...

– Нет, не надо, – твердо сказала я, – я зарабатываю.

– Это понятно. Но мы с мужем хотим оплатить вам эти дни, – сказала она не менее твердо. – Вы должны понимать, что это важно для нас... психологически. Если человек получает деньги, это гарантия того, что он

все сделает правильно.

– Это смешно, – честно сказала я, – это правда смешно и дико.

Повисла пауза. Потом она улыбнулась, сначала неловко, потом – уверенно.

– Я поняла вас. Извините.

Сердце у меня сжалось. В ней на секунду мелькнуло то, что мне в ней всегда нравилось. Прямота, что ли, искренность. Мелькнуло, и снова все закомуфлировалось зелено-стрекозиным.

– Я еще вас хочу предупредить, – сказала она, понизив голос, – храните деньги в таком месте, о котором Лиля не знала бы.

– В смысле?! – поразилась я.

– У меня недавно пропало пятьсот рублей, – поджав губы, сказала Евгения. – В конверте было несколько тысяч; лежал он на столе.

– Лиля взять не могла.

– Я тоже так думала. Я спросила у нее. Она... убежала.

– Ну конечно! Она же обиделась!

Меня будто разрывало изнутри. Неужели она не понимает, что обидела Лильку своим вопросом?! Вот почему она ушла тогда из дома... Теперь мне все окончательно стало ясно.

– Ну ладно, – чуть неловко сказала Евгения, которой явно хотелось перевести тему разговора. – Может, вы расскажете о себе? Что вы умеете готовить кроме кофе?

– Творог! – не сдержалась я. – Домашний! Из молока из «Пятерочки»! Варю! Пахнет! Объедение!

Евгения дернула головой, обернулась. За ее спиной хихикала Лилька, которая неслышно подкралась и стояла, прижав к груди тетрадку, одна половинка которой была аккуратно исчеркана красными линиями.

Глава тринадцатая

Фонарик

Веселились мы, правда, недолго. Потом Евгения сказала:

– Лиля сказала, вы готовитесь к поступлению. Куда?

Тут Лилька снова надела защитную маску, и вовремя: я готова была ее прибить. К счастью, вернулся Лилин папа, они все заволновались, забегали, снова став похожими на вполне нормальную семью, и я откланялась.

Вернулась к себе. В прихожей баба Клава наводила марафет – пшикалась духами с замогильным запахом.

– Добрый дедь! – сказала я, стараясь не дышать.

Вспомнила, что у Лильки в прихожей стоит красивый фиолетовый горшок с сухими веточками лаванды, и подумала, что, может быть, для меня эти выходные станут отдушиной во всех смыслах.

От Лильки, кстати, пока я поднималась к себе, напало такое количество «спасибо», обрамленных сердечками, что телефон жалобно замигал сигналом перегрузки. «Начинаю вычеркивать дни», – пришло мгновенно, стоило мне удалить ее двадцать пять «спасибо».

Она действительно занималась такой дурью – закрашивала дни до моего переезда. Календарь, в котором была замалевана темно-синим цветом целая неделя, был первой достопримечательностью, к которой она меня подвела при осмотре квартиры.

– А вот планшет мне не оставили, – посетовала она, – с собой забрали. А то я бы тебе показала, на каком уровне я в «Свомпи» играю. И в «Sheep and clouds»!

– Да ладно, – сказала я, – можно подумать, нам нечем будет заняться без твоего планшета!

– А чем? – Ее глаза загорелись.

– Да много чем, – пожала я плечами, – только давай договоримся. Если ты чего-то не хочешь делать – просто скажи: «Не хочу». Поняла? Я не собираюсь тебя заставлять.

– Даже есть? – усомнилась она.

– Даже есть.

– Я тогда щавелевый суп не буду, – быстро сказала она, – мама там целую кастрюлю оставила. И шницели. Ты мне рис сварить? Я больше всего рис люблю. В общем, я только щавелевый суп и шницели не хочу, а все остальное – хочу!

Лиля действительно все хотела. И познакомиться с Лариской, которая попросила меня проводить ее на вокзал, помочь дотащить сумки с какими-то саженцами, которые она купила для родителей в садоводческом магазине рядом с кафе, и пойти потом в Сбербанк, и в МТС – поменять тариф в телефоне (я выбрала «пятьдесят бесплатных эсмэсок в день»). По дороге домой мы встретили Лёвку: он шел к метро, возвращаясь со смены в кафе. Лиля показала ему фонарик, который подарила ей Лариска в благодарность за помощь.

– Прикольный, – одобрил Лёвка. – У меня такой же, только красный. Это из «Икеа». Динамо-фонарик, батарейки не нужны. Удобно в экстренной ситуации, если света нет. А что, у Лариски лишний, что ли, был?

– Нет! – усмехнулась я. – Ее впечатлило, как Лилька ее слушается. Она какие-то яблони купила для родителей, и мы ей помогли сумки до вокзала дотащить. А она на нас все вопила: «Только о ноги не стучите, чтобы саженцы не побить!» У Лильки получилось аккуратно нести, у меня нет.

– И я за это получила фонарик! – добавила сияющая Лилька.

– Прикольная у тебя сестра, – сказал Лёвка.

– Не лопни, – посоветовала я Лильке, у которой рот разъехался до ушей.

Вечером я попыталась сварить ей рис, но он у меня пригорел, пока мы разглядывали «игры для девочек» на моем ноутбуке. Вся квартира пропахла гарью, а самое обидное, что гарью пах и сам рис.

– Всё, привет, больше готовить не буду, – буркнула я, пытаюсь отскрести пригоревшую кашу.

Лилька с виноватой улыбкой достала из холодильника кастрюлю с

щавелевым супом.

– Не, друг, – я швырнула мочалку в раковину и, шагнув к Лильке, вцепилась в кастрюлю, – это ты есть не будешь!

– Буду! – возмутилась она, притягивая кастрюлю к себе.

– Нет! Ты сказала: ты его не хочешь!

– Хочу!

– Сказала – не хочешь! А ну отдай! Мое главное правило – никого не заставлять!

– Но ты меня не заставляешь! Я правда хочу!

– Не ври!

– Не вру! – со смехом сказала она. – Да не вру, правда, Галька,пусти! Пустипусти, обольемся!

Я отпустила, и она неожиданно отлетела назад и плюхнулась на тахту, вскрикнув:

– А!

И зажмурилась. И я зажмурилась. Потом открыла глаза. Суп не расплескался. Но Лилька вдруг принялась ржать. Заливисто так. Поставила суп на пол и хохочет. И я упала рядом с ней и смеюсь. Потом встала со словами:

– Но шницели – точно мои!

– Осторожно! – орет она. – На суп не наступи!

И снова хохочет.

Мы много с ней смеялись в тот день. Это оказалось так здорово – ничем и никем не командовать. Не пытаться сделать лучше то, что выглядит несовершенным. Просто болтать с Лилькой, с которой мы снова, как тогда, когда выбирали лифчик, сравнивались возрастами.

После ужина мы вернулись к «играм для девочек», наряжали каких-то безумных кукол, опять хихикали, потом «ухаживали» за кроликом из раздела «Наши любимцы», чуть не «утопили» его в «ванной», а кончилось тем, что мы всласть наиздевались над фотографиями друг друга в Фотошопе.

– Я! Тебя! Научила, как тут работать! И ты! Мне! Неблагодарное чучело! Пририсовала бороду! Фу! Какая неблагодарность!

– Погоди! – сквозь смех говорила Лилька. – Погоди, погоди... Вот тут еще... У тебя дым из ушей валит, ладно? Ну прости, прости, пожалуйста, Галечка... Ой, а вот еще колечко в носу. Только одно! Одно! Но си-и-инее!

Глава четырнадцатая

Ночные разговоры

Ночью мы трепались. Я рассказывала Лиле что-то о своем детстве. Ее, правда, интересовало больше всего, что меня родители заставляли делать, а я не хотела. А я, как назло, никак не могла ничего такого припомнить. Не то чтобы я была ангелочком, нет, конечно. Но то ли мне многое позволяли, то ли я просто уже не помнила ничего.

– А ты обманывала когда-нибудь родителей? – спросила вдруг Лилька после долгой паузы.

Она щелкала фонариком и, когда ей удавалось накрутить нужное количество оборотов, одеяло озарялось изнутри красноватым светом и было похоже на пещеру с сокровищами из диснеевского мультика про Али-Бабу.

– Я уж думала, ты заснула, – проворчала я, переворачиваясь на другой бок и повыше натягивая плед. – Конечно, обманывала. Мама до сих пор припоминает, как ей подарили целую коробку конфет с пралине и она берегла ее для праздника. А я открыла, пока они на работе были, и ела их потихоньку. Их там много было. Я думала сначала, что незаметно выходит. Как в том рассказе Носова про красный леденец в сахарнице. Потом вижу: заметно стало. Ну я их и доела. Доела и испугалась. Думаю, ну всё, мне конец. Решила коробку выкинуть. Скажу, что потерялась. Поднимаю ее. Тяжелая. Вдруг слышу: гремит в ней что-то. Заглядываю внутрь, убираю белый листок, а под ним еще один слой конфет оказался!

– Ух ты! – вырвалось у Лильки. – И ты его не трогала?

– Ну нет, съела еще парочку для солидности, – засмеялась я, – чтобы не показалось странным, что я совсем уж конфет не трогала. Но самое интересное и ужасное оказалось то, что на празднике была тетка, которая подарила маме конфеты эти. И она спросила родителей, сразу они про двойное дно догадались или нет... А они ни сном ни духом.

Лилька хмыкнула.

– Ну это так, – задумчиво сказала она, – это несерьезное.

– Угу-у, – обиженно протянула я. – Неделю без телика сидела. А там мой любимый сериал шел, «Ранетки»!

– Галь, а вот как-нибудь по-серьезному ты их обманывала?

Я помолчала.

– Было дело. За мной парень однажды поздно вечером зашел гулять. Папа ему дверь открыл, и ему этот парень не понравился. «Не пуцу, –

говорит, – с ним». А я сама этого парня плохо знала. Познакомились день назад на пятачке возле леса. Есть у нас такое место, там вся молодежь тусуется. Я как раз с Серёгой своим поругалась и знакомилась со всеми подряд. Ну вот. Но мне свое доказать надо было. Что хочу, типа, то и делаю. Ну и я накрутилась уже, готовая на выход стою в прихожей. И отец мне: «Я тебе тыщу дам, если с ним не пойдешь». Я: «Пойду». Он: «Две тыщи». Я: «Все равно пойду». Он: «Три». И так до пяти. Я все равно пошла, Лильк. Просто руку его отпихнула и пошла. А что он сделает? Мне семнадцать уже было – в комнате не запрешь.

– И что? – тихо спросила Лилька.

– Ну что... Ничего хорошего, Лиль. Парень и правда оказался... В общем... Ничего хорошего не делали мы на том свидании. Не буду я тебе подробности рассказывать: противно. Короче, про обман. Мама спросила потом, почему куртка у меня грязная такая. И я сказала: «Упала». Хотя я не упала, конечно. Он меня сам с ног сбил. Но маме я насочиняла... Вру ей, а у самой перед глазами придурок этот, понимаешь?

– Да...

– Ничего ты не понимаешь, Лилька. Но знаешь, что главное? Я папе-то призналась потом. Не во всем. Но так. В общих чертах.

– Он ругал?

– Нет. Посмотрел так грустно. И говорит: «Ну что мы с вами можем поделаться?..» Он еще окает у меня немножко. «Что, – говорит, – поделаться...» Знаешь, меня так прошибло это. Как-то привыкаешь с детства, что родители сильные, все могут. Могут запретить, могут наказать. Могут делать с тобой что хотят. А тут – «что мы можем поделаться...». Ну, говорю: «Да ладно, пап. Я ж теперь умная». А он опять грустно смотрит, но улыбается. «Надеюсь», – говорит.

– Моя мама все равно сильная и делает что хочет, – сказала Лилька, думая о чем-то своем. – Она никогда мне не скажет: «Что мы с вами можем поделаться». Она всегда знает, что со мной поделаться. Хочешь, я тебе расскажу, почему я из дома ушла тогда, когда ты меня нашла? Хочешь?

«Я знаю, – хотела сказать я, – из-за того, что тебя обвинили, будто ты деньги украла. Я бы тоже ушла». Но вслух сказала осторожно:

– Как хочешь...

– Хочу рассказать. Понимаешь, мы с Наташкой придумали нарисовать комикс. Про принцессу и ее служанку. И мы проговаривали вслух реплики. Я рисовала служанку, которая не так украсила цветами наряд своей госпожи. И Наташка сказала за свою принцессу: «Ах ты, негодная рабыня! Да как ты смеешь портить мой наряд!» Мама это услышала. Решила, что

Наташка так со мной разговаривает. Отругала Наташку, хотя мы пытались оправдаться. Позвонила ее родителям. И сказала, чтобы они тоже ее отругали. И потом... Наташка перестала со мной разговаривать!

– Но ты-то тут при чем?! – возмутилась я.

– Откуда я знаю. Зачем мама вмешалась?!

– Может, защитить тебя хотела...

– Лучше бы она этого не делала! – возразила Лиля.

– Родители не могут не... Погоди, и ты из-за этого ушла?!

– Да... – Лилька кивнула.

– Из-за такой ерунды?!

– Это не ерунда! – обиженно сказала Лиля и отвернулась к стенке.

Я поглядела на ее бок, укрытый одеялом в горошек, и покачала головой.

– Надо же! Я никогда не думала...

– Ну как это – никогда не думала?! – в отчаянии воскликнула Лилька, повернувшись. – Ты что, вообще не была ребенком? Не помнишь, как обидно, когда родители в игру вмешиваются?

– Не помню... Просто, наверное, мои не вмешивались.

– Вот именно.

Лилька снова отвернулась к стене и замолчала. Вскоре она засопела. А я все лежала и думала.

Я еще поняла бы, если бы она сбежала из дома из-за несправедливого обвинения в краже. Но то, что мама отругала подружку и та перестала с Лилькой дружить?! Из-за этого уйти из дома, подвергать себя опасности?

Это было странно. Мне казалась ее проблема мелочью, как говорит мой папа, «плюнь да разотри», а для Лильки – это проблема из проблем.

«Наверное, это как с кофе, – подумала я, – для кого-то – любимый напиток, а кому-то – горькой гадостью кажется. Или как с болью. Кто-то палец для сдачи крови подставляет и не вздрагивает, а кто-то рыдает всю ночь перед посещением медкабинета».

Или вот мой страх, например. Страх перед темными улицами, перед подъездом. Мне кажется, никто никогда не может понять меня, полностью прочувствовать то, что чувствую я. Но можно мне поверить... Так и с Лилькой. Да, я не понимаю ее, но я могу ей поверить. Поверить, что для нее такая мелочь действительно проблема.

«Как у нее внутри все хрупко, – пришло мне в голову, – как в тесном магазине, полном фарфоровых сервизов. А Лилькины родители так и норовят устроить в этом магазинчике танцы, а то и погром! Слоны толстокожие! – с неприязнью подумала я. – Даже не делают попыток

понять собственного ребенка. Разве ей много нужно? Просто надо проводить с ней время, вот и всё. Ладно. Я поняла это, вот я и буду проводить с ней время».

Мысль наполнила меня непомерной гордостью, и, довольная, я заснула.

Под утро мне приснилась карусель: какие-то саночки, лошадки, все кружились в бешеном темпе. Играла музыка, кто-то звал: «Галя, Галя!..»

– Галя, – прошептала Лиля, но, прежде чем я успела откликнуться, она сказала: – Спишь? Хорошо.

Она поворочалась. А потом спросила тихо:

– А ты когда-нибудь воровала деньги у родителей? Наверное, нет. А я вот – да.

Я замерла, стараясь лишним движением не выдать себя. Я боялась нарушить ее полусонное бормотание, прервать поток откровенности.

– Мне просто очень нужно было, – сказала Лилька, – на лифчик. Вот я и взяла.

Она еще поворочалась и затихла. А я лежала без сна до тех пор, пока сквозь занавеску не стали пробиваться солнечные лучи.

Я пыталась найти правильное решение и не могла. Наверное, в первый раз в жизни.

Что же делать? Сказать Лильке, что я не спала и все слышала? Она перестанет мне доверять. Делать вид, что ничего не произошло? Я не могла. Даже Лилькино плечо, освещенное первыми солнечными лучами, казалось мне уже каким-то другим, чужим после того, что я услышала.

Я ворочалась с боку на бок.

Но вдруг пришла спасительная мысль. Лилькины родители! Они сами во всем виноваты! Они! Они сделали жизнь дочери такой, что ей приходится воровать! Не дают ей достаточно денег, не покупают нужные вещи. Они толкнули свою дочь на преступление. А теперь жалуются...

Правда, я все равно не смогла заснуть. Сама не знаю почему.

Глава пятнадцатая

Возвращение домой

На Майских праздниках у нас не так много клиентов, как, например, на Восьмое марта. Все разъезжаются – кто за границу, кто на дачу. Но сегодня случился неожиданный наплыв гостей: в одном углу компания студентов оккупировала самый большой стол для игры в покер, в другом – три семьи с детьми разного возраста праздновали день рождения годовалого карапуза. Виновник торжества спал в коляске под присмотром Лариски, и дела ему не было ни до шоколадного тортика с целым апельсином внутри, на который расщедрились его родители, ни до двадцатипроцентной скидки, предоставляемой в нашем кафе каждому имениннику.

И студенты, и семьи заказывали напитки и еду без конца – только успевай подавать. Я поглядывала за окно, где потихоньку наступали весенние нежные сумерки, и радовалась тому, что моя смена закончится уже через полчаса, – не придется возвращаться домой в темноте.

– Как он вообще, этот Малик, нормально справляется? – спросила я у Лариски.

На оставшиеся до закрытия часы нас с ней должны были сменить Лёвка со стажером.

– Я его в работе видела только мельком, – не отрывая взгляда от узора, который аккуратно выводила на поверхности латте, ответила Лариска. – Но Лёвка работал с ним в филиале возле ВДНХ, говорит, он уже ничего так. Тосты с сыром делает неплохо.

– Мы не тостерная, – покачала я головой.

– Опять заело! – с досадой воскликнула Лариска, стукнув рукой по кофейному аппарату. – Да что ж ты будешь делать? Третий раз за вечер!.. Извините, – сказала она следующему клиенту, – у нас аппарат сегодня барахлит. Мы можем заварить для вас кофе во френч-прессе или налить вам регуляр.

Когда клиент выбрал сразу два вида регуляра – и «Королевскую вишню», и «Кубу арабику», Лариска прошептала:

– Мы, конечно, не тостерная, но Лёвка сказал: чаевых он собирает гораздо больше нас, всех вместе взятых.

– Как это? – не поняла я. – Каким образом?

– Увидишь! – подмигнула Лариска.

Я пожалала плечами и улыбнулась очередному клиенту. Но девушка с короткой стрижкой, в джинсовке не смотрела на меня. Она обернулась к выходу. Туда же устремили взгляды и остальные девушки в очереди.

– О-о! – сказала одна из них, высоченная, в майке и шортах.

Они не отрывали взглядов от смуглого парня с черными курчавыми волосами, в фиолетовой футболке, обтягивающей мускулистую грудь, который, застенчиво улыбаясь, вошел в кафе.

– Привьет, – сказал он нам с Лариской, когда подошел к стойке, и я поняла, что это Малик.

Мы поздоровались.

Лариска снова подмигнула мне, но я фыркнула в ответ.

– Заходи, – строго сказала я Малику. – У меня осталось минут пятнадцать до конца смены. Помогу тебе разобраться с нашим оборудованием. – Я глянула на кофейный аппарат и поправила себя: – Ну, то есть с тем, что у нас работает.

– А что у вас не работает? – деловито спросил Малик, переодевшись и заходя за стойку.

Черная футболка с надписью: «Лучше кофе может быть только кофе» – шла ему еще больше, чем фиолетовая. Надо же, какие привлекательные бывают парни!

Я кивнула на аппарат. Малик подошел к нему, что-то покрутил, что-то дернул. А потом просто треснул по аппарату ладонью.

– Что ты делаешь?! – испугались мы.

Но он уже нажал на кнопку и подставил чашку под темную горячую струю эспрессо. В очереди зааплодировали. Малик скромно улыбнулся.

– Так ты у нас только эспрессо сегодня варишь? – ехидно спросила я, и он тут же испуганно посмотрел на меня. Я кивнула ему на кувшинчик с

молоком. – Поехали!

Может, тосты Малик делал прекрасно, но с капучино, латте, рафом и кофе по-венски у него были проблемы. Я принялась учить его, стараясь не флиртовать и не кокетничать. Учился Малик споро, и вскоре я сдалась – тоже пала жертвой его обаяния. Хихикала в ответ на его шуточки, закатывала глаза, корчила рожицы. Сама не знаю, что со мной случилось. Может, Малик обладал такой силой обаяния, которая неизменно притягивает к себе всех без исключения. Может, я просто соскучилась по флирту. Но мне нравилось учить его, а ему нравилось перенимать мои умения. А когда он касался своими загорелыми крепкими руками моих рук, по спине у меня бежали счастливые мурашки – забытое ощущение.

Прощалась Лариска: она спешила на электричку. Ушли, оставив огромные чаевые, гости годовасика. А мы с Маликом обменивались остротами, намеками, таинственными взглядами, обозначавшими что угодно.

Из этого транса меня вывел Лёвка. Запыхавшийся и всклокоченный, он появился перед стойкой и выпалил:

– Простите! Ребята! Уф! Я ногу подвернул на футболе. Галь, выручила! Спасибо! – Лёвка захромал в раздевалку.

– Да не за что, – томно проговорила я и, бросив взгляд за окно, ахнула: там было темно.

– Который час? – всполошилась я.

– Да десять скоро, – откликнулся Лёвка. – Давай хоть на часик тебя сменяю. Спасибо, Галка, ты на меня рассчитывай, ага?

Я не ответила. Поспешила в раздевалку. Там быстро сменила рабочую футболку на свою, накинула толстовку, застегнулась до самого верха.

– Пока! – бросила я ребятам, пробегая мимо стойки.

– Спасибо! – рупором сложив руки, крикнул мне вслед Лёвка, а Малик, который к этому времени освоился и перестал стесняться, послал воздушный поцелуй.

Я спустилась с крыльца кафе. Огляделась. Народ шатался по улице, слышался смех, крики. Но здесь рядом было метро. Мне же предстоял неблизкий путь вдоль шоссе, а потом – дворами к моему дому. Здесь, у метро, горели фонари, а вот там... Сердце сжалось.

– Дойду, – сквозь зубы сказала я себе, – меня ждет Лилька.

Я достала телефон, в котором на время работы отключала звук, и обнаружила, что зарядки осталась одна палочка.

– Елки! – процедила я. – Ладно, хватит на крайняк.

Экран показывал, что от Лильки было восемь сообщений, но я не

собиралась тратить на них остатки телефонной энергии. Сунула мобильник в карман, двинулась.

Я не учла одного: большинство людей возле метро были подвыпившими. И хотя я давно одеваюсь так, чтобы не привлекать чужого внимания, сейчас, казалось, меня разглядывали все парни и мужчины средних лет.

Было очень неприятно: как будто по лицу, липко перебирая лапками, бегают мухи. Я накинула на голову капюшон толстовки, опустила глаза. Все равно боковым зрением я чувствовала, что на меня смотрят.

«Дура! Кляча! – ругала я себя мысленно, быстрыми шагами двигаясь в сторону дома. – Ну какого рожна надо было кокетничать с этим Маликом?! Зачем? Я все равно не собиралась с ним встречаться! Что за несдержанность!»

Чем дальше я уходила от кафе, тем страшнее мне было и тем крепче я себя ругала. Я напряженно вглядывалась в компании, которые шли мне навстречу. Там есть девушки? Уф... Значит, ко мне не прицепятся. Нет? Так, голову еще пониже.

Я старалась себя, как говорит моя мама, «не накручивать», но ничего не могла поделать со страхом, который надвигался снежной лавиной. Больше всего меня пугала дорога к подъезду и, конечно, сам подъезд. А вдруг кто-то кинется за мной? Вдруг...

Я запрещала себе думать о страшном и все равно думала. Загудел телефон. Еще одна эсэмэска от Лильки. Маленькая, поместилась в одну строчку.

«Где ты?»

«Иду», – коротко ответила я.

Отослала ответ – и батарейка сдохла. Супер.

Нажала на кнопку «Вкл», но телефон не послушался. Тогда сунула бесполезную штуку в карман.

Я была одна, и вокруг было темно и полно пьяных. Всё. Страх меня затопил. Я потрясла головой, вцепилась ногтями в свою руку, стараясь оставить ими бороздки поглубже. Хотелось прийти в себя, хотелось перестать бояться.

Вдруг от компании, залиvisto хохотавшей впереди, отделился парень. Он медленно, качаясь, подошел ко мне.

– Де-евушка, до-обрый ве-ечер, – растягивая слова, произнес парень. – А давайте к нам? А то у нас девушек нет...

Остальные парни, улыбаясь, глядели на нас. Один из них схватил меня за руку. Его прикосновение обожгло.

– Пустите! – всхлипнула я.

– А чего это вы плачете? – дурашливо спросил он. – Мы не обидим... – Но отпустил.

Я развернулась и бросилась бежать.

Да! Я боялась! Боялась пьяных и сумасшедших, потому что не знала, что у них на уме! Боялась темноты, потому что она скрывала неизвестно что! Боялась подъезда, потому что мне казалось, что кто-то в нем может на меня напасть! Сейчас я боялась всего на свете, и только огоньки моего кафе давали мне надежду, что со мной все будет в порядке.

Я вбежала внутрь.

– Ты что-то забыла? – удивился Лёвка.

Молча посмотрев на него, я опустила в кресло, покачала головой. Малик возился с аппаратом и не заметил меня. Кафе опустело. Сидела только одна семья: родители и сын лет десяти. Они пили молочные коктейли.

«Допьют и уйдут», – подумала я.

Перевела взгляд с люстры, освещающей кафе, на ночную темноту за окном.

«И ребята закончат смену и уйдут. А я? Что мне делать?»

Какая острая штука – одиночество. Да, у меня есть родители. Но они далеко. Лилька есть. «Много» от нее тут проку, конечно.

Кафе напомнило мне прибежище тех, кто прятался от всяких зомби в американских ужастиках. Так же помигивала лампа дневного света у окна, так же зловеще двигались тени за окном.

«Прекрати!» – одернула я себя.

Понятно, что можно было обругать парня, схватившего меня, выдернуть руку и поспешить дальше. Просто войти в подъезд. Просто подняться к себе. Так, как делают миллионы людей в Москве каждый день – просто идут к себе домой. Как делают мои родители. Как делает Лилька.

Понятно, что вся моя паника основана только на тех ужасах, о которых я прочла или которых насмотрелась в кино. Со мной вроде бы никогда не случилось ничего ужасного. И все равно: голова гудела, как под напряжением, а страх застрял в горле грецким орехом.

Я потеряла лоб. А что, если попросить ребят проводить меня после закрытия? Лёвка вон сказал, что он у меня в долгу. Но ему домой в другую сторону. И он хромает. Как его попросишь?

Может, Малика?

«Нет, – подумала я, – если бы я не кокетничала с ним, как последняя дура, можно было бы. А так – приглашение проводить домой будет

двусмысленным». К тому же Лёвке я еще смогла бы объяснить, чего я боюсь. А Малику – нет.

– Мы скоро закрываемся! – предупредил Лёвка очередного клиента, и я вздрогнула.

– Галка, так ты чего? – спросил Лёвка из-за стойки. – Ты точно ничего не забыла?

– Телефон сел! – выпалила я. – Дай, пожалуйста, наш стационарный.

Я подошла к стойке, чтобы Лёвке не пришлось хромать ко мне, забрала трубку, толком не зная, кому я собралась звонить. Лильке? А смысл?.. Родителям? Да уж, отличная идея...

И я набрала последний номер, который знала наизусть.

– Да? – заспанным голосом ответил Серёня.

– Это я... Ты спишь?

– Ага. Отрубился с Настькой. Только укачал ее, прикинь? Сестра в кино пошла.

– С Настей... – пробормотала я.

– А что? Ты чего звонишь-то так поздно? Что-то случилось?

– Я... Серёнь... Мне...

– Что с тобой?!

– Мне страшно. Я не могу до дома дойти.

– Ну, давай как раньше? Я с тобой буду по телефону разговаривать, а ты пойдешь!

– Он сел! – воскликнула я с отчаянием.

– Ну как же... Знаешь, что ты такой псих, а телефон не зарядила!

Я шмыгнула носом.

– Слушай, ну я с Настей...

– Я уже поняла, – еле выговорила я, чувствуя, что сейчас закончится разговор и я снова останусь одна в кафе с белой лампой, которая скоро перестанет светиться, – прости.

– Ладно. Слушай. Ты где?

– На работе.

– Хорошо. Выходи на ступеньки через десять минут.

– А Настя?!

Но он уже повесил трубку.

Никогда еще десять минут не тянулись для меня так долго. Я сидела, уставившись в экран телефона, на котором одна цифра сменяла другую.

Наконец, когда прошло девять минут, я не выдержала. Вернула Лёвке трубку. Малик хотел мне что-то сказать, но я покачала головой. Выскочила на крыльцо.

Через некоторое время, сверкая фарами, подъехала старенькая «девятка» Серёни, которую ему отдал отец. Я бросилась к машине, открыла

дверь. Серёня сидел за рулем в растянутой футболке, небритый, заспанный. Такой родной... Сзади, пристегнутая к детскому креслу, радостно верещала Настя.

– Ня! Ня! – вопила она.

– Закрывай скорее дверь, – попросил Серёня, но тронуться с места ему не удалось.

Я захлопнула дверь, а потом прижалась к его плечу, к рукаву его домашней серой дырявой футболки, в которой столько раз спала, когда ночевала у него. Прижалась и заплакала. Настя изумленно затихла. А я рыдала до тех пор, пока у меня не начал дрожать подбородок.

– Ну-ну! – успокаивал меня Серёня, поглаживая по плечу. – Ну чего ты?.. Позвонила б раньше...

– У меня телефон сел! – прорыдала я.

– Дурочка ты моя... рассеянная, – сказал он и поцеловал меня в лоб. – Погнали уже... а то сестру кондратий хватит.

Когда я вошла в квартиру, Лилька вскочила с пола, где, укутавшись в плед, которым я накрывалась прошлой ночью, ждала меня, и бросилась навстречу. Сомкнула руки у меня на поясе, прижалась.

– Ну наконец-то! Я тебя еле дождалась. У меня такая идея! Такая! Я чуть не лопнула, пока тебя ждала! Послушай. Завтра же последний день! Послезавтра утром мама с папой приезжают. Давай завтра устроим пижаму пати? Мы! Ты и я! И пригласим..

Я погладила ее по голове. Страх почти ушел, оставив только щемящее чувство в груди. Я ничего не буду вываливать на свою девочку.

Лучше посидим в креслах у окна. Она расскажет мне, кого пригласит на свою «пижаму пати». А я послушаю. И подумаю о Серёне.

Глава шестнадцатая

ВДНХ

На следующий день у меня был выходной, и мы поехали на ВДНХ. Народу уже с утра была тьма. Все катались на аттракционах, прыгали на батутах. Из «комнаты страха» непрерывно доносился визг, а у вагончика с «комнатой смеха» хохотали дети, указывая на отражения друг друга в изогнутых зеркалах, украшавших его наружную стену. Кто-то карабкался на огромный корабль, кто-то хрустел попкорном, кого-то раскрашивали аквагримом, кого-то зазывали на спортивные состязания.

– Хочешь? – спросила я у Лильки, кивнув на дядьку, целившегося из лука в огромную мишень.

Она пожала плечами и рассеянно оглянулась. Вообще я решила съездить на ВДНХ, чтобы отвлечь ее чем-нибудь. Мне хотелось, чтобы Лилька покаталась на карусели или пожевала сладкой ваты. Я надеялась занять ее каким-то аттракционом, чтобы самой остаться наедине со своими мыслями.

Изнутри я была полна Серёней. Каждый мой жест, каждый взгляд был как-то связан с ним. Как тогда, когда я только влюбилась в него.

Увидев лотки с мороженым, я живо вспоминала, что в жару он всегда ест смородиновый шербет, а заметив мальчика, который колотил каких-то вредных сусликов по макушкам большим мягким молотком, я видела не мальчика, а Серёню, прибывающего гвоздь и попадающего себе по пальцам.

Мне хотелось сесть где-нибудь в тени и пережить в мыслях весь

вчерашний вечер – с момента, как я испугалась пьяного парня, до того, как Серёня, словно супергерой, подрулил к крыльцу кафе. И конечно, хотелось закрыть глаза и вспомнить, как мой нос уткнулся в его футболку и как он ласково гладил меня по плечу.

Несколько раз приходило в голову: «Помириться с ним... Начать все заново... Не давить с женитьбой... Дождаться, пока он будет готов...» Но мне нужно было время, чтобы все тщательно обдумать, а тут – Лилька со своими вопросами, восторгами и просьбами! И, как назло, ей не был интересен ни один аттракцион!

Правда, она молчала, а не болтала, как обычно. Тоже думала о чем-то своем. Видно, я ей погрузиться в мысли не мешала. А она мне мешала.

– Пойдем на колесо обозрения? – не выдержала я, и она снова рассеянно кивнула.

Мы купили билеты, протолкались к кабинкам, забрались в одну из них. Парень в желтой футболке захлопнул дверь. Сели. Кабинка поплыла вверх.

– Сейчас увидим наш дом, – сказала я, озираясь, – отсюда его видно. Нужно найти Останкинскую башню, и...

Лилька смотрела на свои руки.

– Тебе сегодня вообще ничего не интересно! – упрекнула я.

– Тебе тоже, – откликнулась она.

Я покосилась на нее. Мне-то казалось, у меня неплохо получается шифроваться.

– Ты весь день думаешь о чем-то своем! – попробовала я снова.

– Ты тоже, Галя.

Мы поднимались все выше и выше, но смотрели не по сторонам, как все люди в кабинках и креслах, а друг на друга.

– Я думаю о пижамной вечеринке, – поспешно сказала Лиля, – волнуюсь. Вдруг никто не придет? Ни Катя, ни Наташа.

– Подумаешь! Побудем вдвоем!

Вчера, когда Лилька вывалила мне, что хочет позвать Наташку и Катю, я опешила. Неужели больше в классе не было девчонок? Они ее унижают, а она их в гости зовет. Нормально это? Но Лилька явно горела желанием вернуть себе дружбу с Наташкой. Было такое ощущение, что она начала об этом думать сразу после отъезда матери. Я не стала возражать. Во-первых, потому что сама была погружена в размышления о Серёне. Во-вторых, каждый все-таки сам должен набить свои шишки. Пусть зовет. Получится вернуть дружбу – хорошо. Не получится – ну что ж, я буду рядом, чтобы поддержать Лильку.

– Или, если придут, скажут, что фильм у нас скучный, – продолжала мучиться Лилька.

– Пусть свой принесут! – Я не испытывала никакого желания оправдывать двух малолетних нахалок.

– Ну нет, мы же их зовем в гости, а не они нас. Надо что-то интересное придумать.

– Ну хорошо. Скажи им, что известный московский бариста проведет мастер-класс по приготовлению кофе.

– Правда?! – обрадовалась Лилька. – Ты нас научишь делать вкусный кофе? Круто! Это они оценят. Я точно знаю. Наташка как-то говорила, что хочет работать в кафе, когда закончит школу.

– «Круто»? – поддразнила я ее. – Так, значит, если Наташке нравится – то это круто? А сама меня корила! Не профессия, мол. Поступить в вуз нужно!

– Галя! – смутилась Лиля и, придвинувшись ко мне, положила голову на мое плечо. – Прости, но...

– Так, всё! Эта тема закрыта!

– А тема твоих мыслей открыта? Которые с утра в твоей голове? Ты ведь даже не заметила, как в метро меня тетенька-контролер провела через турникет бесплатно.

– Да? – оживилась я. – Хорошо, сэкономили!

– Да, – мрачно подтвердила Лилька, – и это значит, что я выгляжу на семь лет!

Я засмеялась и потрепала ее по макушке.

– Не выглядишь. Ты ей просто понравилась. Ладно. Расскажу. Помнишь, я тебе говорила, что рассталась с парнем?

Кабинка уже преодолела половину круга, и мы не заметили, как она чуть зависла на самом верху, являя нам Москву во всей красе. Я рассказывала, а Лилька жадно слушала.

– Здорово, – одобрила она, когда я закончила, – это так интересно! Про взрослые отношения слушать! Мама с папой мне никогда ничего не рассказывали!

«Ну у тебя вообще те еще мама с папой, – подумала я, – хорошо, что подруга нормальная нашлась».

– Галь... А если... Если ты выйдешь замуж за Серёжу, ты...

– Кто меня зовет? – со смехом сказала я.

– Все равно, – упрямо ответила Лилька. – Ты про меня не забудешь?

– Про тебя забудешь, как же! По тридцать эсэмэсок в день кидаешь!

– Если тебе надоело, я не буду!

– Не надоело, – успокоила я ее, погладив по спине, – мне нравится. Пиши. Зря я себе, что ли, тариф «Пятьдесят бесплатных эсэмэсок в день» подключила?

Наша кабинка добралась почти до самого низа. Я прижала нос к

стеклу, стараясь разглядеть парня в желтой футболке, который должен был открыть нам дверцу. Он стоял внизу, болтая с какой-то девушкой, и не обращал на нас внимания. Я заволновалась. Те, кто ехал до нас в открытой кабинке, спрыгнули сами. Наступила наша очередь вылезать. А парень все болтал!

– Эй! – забарабанила я. – Эй! Откройте!

– Откройте! – закричала тоненько Лилька, присоединяясь ко мне. – Эй вы, там! Хватит болтать!

Парень услышал. Спыхватился, подбежал к нам, распахнул дверцу. Я выскочила первая, развернулась, чтобы помочь спрыгнуть Лильке, но кабинка начала подниматься.

– Быстрее! Прыгай! – крикнула я Лильке.

– Я боюсь! Уже высоко!

– Прыгай давай! Сейчас одна усвистишь наверх! Давай!

– Высоко! – пискнула Лилька.

– Я тебя поймаю!

Она спрыгнула прямо мне в объятия. Я поймала ее, но при этом еле устояла на месте. Поставила ее на ноги, но Лилька повисла на мне. Пришлось согнуться.

– Никогда, – прошептала она, – никогда не оставляй меня! Никогда!

Когда мы подошли к киоску с мороженым, чтобы, по нашей традиции, заесть наше волнительное приключение, у меня зазвонил телефон.

– Это он? – округлила глаза Лилька. – О-о!

– Он, он! – смеясь, подтвердила я, хотя мое сердце застучало. – Дать тебе с ним поговорить?

– Ну что ты! Ему же надо замуж позвать тебя, а не меня! – парировала она и, вовремя отскочив в сторону, едва не получила щелчок по лбу.

Я погрозила ей кулаком. Она скорчила мне рожицу, но потом все-таки отошла в сторону.

– Слушай, Галь – сказал Серёня, не здороваясь, – вчера... В общем, я не спал всю ночь.

– Я тоже...

– Слушай...

В его голосе звучал трепет, которого раньше никогда не было.

– Давай сегодня я заеду за тобой. И... мы съездим на наше место. Хочу тебе кое-что сказать. Очень важное. Пожалуйста.

– Да, – промямлила я, тая, – да, давай... Во сколько?

– Что он сказал, что? – подскочила Лилька, как только я убрала телефон в рюкзак. – Он позвал тебя замуж?

– Так тебе всё и скажу. Ага! Сначала купи мне мороженое!

– Какое?

– Смородиновый шербет!

Когда мы уселись на скамейку, принялись за мороженое и я поведала Лильке о разговоре, она заволновалась:

– А вечеринка?

– Ты же звала девчонок на девять. А Сережа заедет за мной после работы, в семь. Нам недалеко. Успею вернуться к девяти.

– Точно?

– Конечно. Не кусай мороженое помногу: горло заболит. Будет тебе тогда вечеринка...

– Галь... А где ваше место находится?

– Знаешь, Лиля, – серьезно сказала я, – честно тебе скажу, и ты меня пойми, не маленькая. В отношениях двоих должны быть какие-то свои, известные только им двоим секреты. Иначе это не отношения.

Она сначала надулась, даже назло откусила побольше, а потом вдруг посветлела:

– Слушай! А в наших с тобой отношениях – свои секреты, правда?

Я посмотрела на нее, вспомнила о конверте, но поняла, что она имеет в виду другое.

– Да, – задумчиво отозвалась я, – конечно.

– Ты все-таки не опаздывай, – с тревогой попросила Лилька. – Как я одна буду их встречать?

Глава семнадцатая «Игрушка»?

Майский ветер вздыбил мне челку, когда я восьмой раз открыла окно и выглянула во двор.

– Чего ты нервничаешь? – спросила Лилька. – Еще ведь и семи нет.

– Он часто приезжает заранее, – сказала я, стараясь, чтобы в моем голосе не было слышно тревоги.

Я знала, что на самом деле Серёня всегда приезжает раньше времени и ждет меня у подъезда. Ему так спокойнее. И тот факт, что его синей обшарпанной «девятки» не было в нашем дворе, говорил об одном: он передумал.

Я сглотнула комок в горле. Только не это!..

Зазвонил телефон. Я вскинулась:

– Подойду!

– Зачем? – удивилась Лиля.

И до меня дошло, что телефон-то звонит не мобильный, а городской, обычный, и это не моя квартира. Я поёжилась. Если Серёня не приедет, больше всего на свете мне захочется быть в своей квартире. Ха, в своей!.. В бабы-Клавиной. Ну, в своей комнате. В своей «берлоге», в своей скорлупе. Спрятать голову под подушку, плакать, а не развлекать трех капризных девчонок.

– Ну, не зна-аю!.. – протянула Лиля, разговаривая по телефону. Ее голос изменился, стал каким-то более кокетливым и дурашливым, видимо,

она подражала подруге.

Мне стало противно. Припрутся эти нахалки, которые не выпускали Лильку из школы, приклеивали жвачки на перила, ржали надо мной, и мне надо их развлекать. А все ради чего? Чтобы Лиленька была довольна.

Я одернула себя. Надо перестать психовать. Лилька тут ни при чем. И все-таки ожидание становилось тягостным и мучительным.

– Ну ла-адно, если ма-ама не отпускает, давай пора-аньше, – все тянула Лилька.

Наконец она повесила трубку и заговорила нормальным голосом:

– Галь! Катю мама не отпускает с ночевкой к нам!

– Ну и хорошо, – рассеянно ответила я, не отрывая взгляда от усыпанного яблоневым снегом двора, – будете с Наташкой вдвоем всю ночь секретничать.

– Нет, это Наташка звонила, – затараторила Лиля, – она сказала, она как Катя. Тоже на ночь не хочет. Мы решили пораньше. В восемь собраться. В десять разойтись. Мы их проводим с тобой в десять, ладно?

– Ладно, – отрешенно сказала я.

Лилька спрыгнула с кресла, подбежала ко мне, прижалась.

– Ну чего ты... Приедет он... просто опаздывает.

Я почувствовала, что мне неприятны ее объятия. Ощущение то же, когда температуришь и кто-то трогает за руку или за шею. Противно. Но я не стала ей говорить. Просто ждала, пока она отцепится.

Снова зазвонил телефон, на этот раз мой мобильный. Я резко расцепила Лилькины руки на своем поясе, схватила телефон.

– Да! Что случилось?

– Прости, – пробормотал Серёня, – начальник только что на работу явился. Он из Америки утром прилетел, выспался, и вот... Короче, я опоздаю. На час. Прости.

– Ничего страшного! – выдохнула я.

Отлегло. Он не изменил своего решения. Мы едем на наше место.

– Что? – с волнением спросила Лилька, заглядывая мне в глаза. – Приедет?

– Да! – Я подхватила ее и принялась кружить по комнате. – Приедет, приедет! Тадим-там-там! Через час...

– Через час?! – вскричала Лилька, остановившись так резко, что я чуть не упала. – Через час придут девчонки!

– И что? Встретишь их!

– Галя! Ты обещала!

– Что я обещала? – нахмурилась я.

– Не оставлять меня...

– Я тебя не оставляю! Мы быстро смотаемся! Это не очень далеко! На Патриарших!

Я прикусила язык: выдала наше место. Но Лилька даже не обратила на это внимания.

– Я не знаю, где это. – Ее лицо скривилось. – Ты меня бросаешь! Ты же сама обещала! Мастер-класс бариста!

– Будет вам мастер-класс. Я вернусь часов в десять и все покажу.

– В десять им надо будет уходить!

– Да кофе варить три минуты. Ну хорошо, я постараюсь без пятнадцати десять приехать. Ладно? Ну Лиль... – Я схватила ее за руки, уселась на диван, усадила рядом с собой. – Лилечка, ну пойми... У меня последний шанс помириться с Серёней. Понимаешь, это важно! Всю жизнь все самые важные слова говорила я. А теперь он сам хочет что-то сказать.

– Почему он не может сказать их тут? – не глядя на меня, спросила она.

– В твоей квартире?! Зачем? У нас есть свое место!

– Ты меня бросаешь, – упавшим голосом сказала Лиля. – Если они придут и не увидят тебя, начнут надо мной издеваться.

– Ну если они такие идиотки, то им и палец покажи – они издеваться начнут! – взорвалась я.

– Они не идиотки! – закричала Лиля, соскакивая с дивана и отбегая в сторону. – Не смей так про них говорить!

– Да, конечно. Можно подумать, не они требовали показать, есть ли у тебя лифчик! Ты, кстати, как, показала? – не сдержалась я.

Лиля смотрела на меня в упор, бледная, губы сжаты в бескровную ниточку.

– Ты такая же, как моя мама, – проговорила она наконец.

– Ничего себе ругательство?! – усмехнулась я, хотя на самом деле была задета.

– Тебе тоже на меня плевать, – продолжала Лиля. – Ты притворяешься, что тебе со мной интересно. На самом деле только и думаешь, как бы от меня отделаться. Вам всем на меня наплевать. Ну и ладно. Вы мне тоже не нужны. Ни вы, ни...

– Ни наши конверты с деньгами, – брякнула я.

Лиля и была бледной, а теперь просто помертвела. Вылетела из комнаты, шандарахнула своей дверью.

Я не побежала за ней. Пусть посидит, подумает. Совсем сдурела. Мне на нее плевать? Это ж надо!

Я заметалась в поисках дела, которым могла бы заняться, чтобы убить сорок минут до приезда Серёни. Вспомнила, что у нас полная раковина грязной посуды.

Обрадовалась, пошла мыть. Терла губкой тарелки и упивалась. Конечно! Я и слежу за ней, и за лифчиками этими дурацкими хожу, и покрываю ее воровство, и без конца размышляю над ее тонкой душевной организацией. Фарфор у нее внутри, ишь ты! Да нет никакого фарфора. Это она, она только и норовит меня использовать. Я для нее как игрушка, которую она собиралась показать родителям.

У нас в кафе детям часто устраивают дни рождения. Иногда аниматоров заказывают. Приходит какая-нибудь низенькая грудастая тетенька с прокуренным псевдовеселым голосом, одетая то как Пеппи Длинныйчулок, то как Флора из «Винкс», и давай орать истошно: «А кто у нас сегодня именинник?»

Так вот дети не замечают ни прокуренного голоса, ни искусственности веселья. Им очень нравится дергать аниматора, принуждать его играть с ними, бегать за ними, одобрять каждый ерундовый поступок («Ты сам собрал пирамидку из бумажных кофейных стаканчиков?! МОЛОДЕЦ!»).

Аниматор занимает детей гораздо больше, чем подарки в больших бумажных пакетах, сколько их ни принеси. Я наблюдала за этим, наблюдала, а потом поняла: аниматор – это такой специальный взрослый для детей, которого они могут официально мучить и заставлять делать удобные им вещи. Вот чего хотят все дети! Получить в свое распоряжение взрослого!

Был даже такой фильм французский – «Игрушка» с Пьером Ришаром. И вот как в фильме у героя Пьера Ришара лопнуло терпение, так и у меня.

Я много сделала для Лильки. А попросила совсем чуть-чуть. Она совершенно не хочет войти в мое положение, понять меня. Ей нужно только одно: чтобы ее подружки увидели ее «игрушку».

Так вот – нечего! Я убрала последнюю чистую тарелку в шкаф и захлопнула дверцы. Пора показать Лиле, что я живой человек. Со своими потребностями. Да, они с матерью почти заставили меня ночевать тут. Но мою личную жизнь я буду оберегать! Я оглядела стол, на котором мы расставили угощение, – песочные корзиночки с кремом, эклеры, шоколадные конфеты с пралине, жевательный мармелад со вкусом «колы», и фыркнула. Надо же! Мне на нее плевать!

А кто, спрашивается, все это покупал? Кто погладил ее пижаму? Кто пропылесосил всю квартиру, чтобы ей не было стыдно перед девчонками за клубы пыли и волос по углам (не мои волосы, между прочим, а длинные и светлые – Лилькины). Кто выслушивал про ее переживания? Кто уговаривал и убеждал, что все будет в порядке?!

– Бессовестная! – прошептала я и, швырнув тряпку, вышла из квартиры во двор, не желая столкнуться с подружками-кривляками у входа.

Серёня подрулил к восьми. Я села в машину, ощущая то же волнение, что и в школе, когда он пересел за мою парту.

– Привет! – смущенно сказала я. Вышло хриловато, пришлось откашляться.

Он кивнул немного нервно и повернул ключ зажигания.

– Как дела? Ничего, что я опоздал?

– Да нет, все в порядке, – со смешком сказала я. – Лилька немного надулась. Я сейчас с ней живу, ее родители попросили. На три дня. Вот. И она... вечеринку собралась устроить пижамную. Ну как в фильмах американских. Типа все в пижамах, валяются на большой кровати, едят вкусности и болтают.

– При родителях такое не очень-то устроишь! – усмехнулся Серёня.

Мне страшно захотелось провести рукой по его волосам, но я сдержалась. И так-то руки дрожали...

– Конечно! Да у нее вообще родители бзиканутые. Прикинь, они знают пароль от ее сайта «ВКонтакте» и ЖЖ, читают подзамочные посты. Личные.

– Жесть! – покачал головой Серёня. – Как же ей, должно быть, с тобой спокойно!

– Ага, – гордо кивнула я, – ясное дело. Мать и половину того не позволяет, что разрешаю ей я.

– А мать-то тебя потом не огреет?

– Пусть только попробует! – воскликнула я. – Вообще они дураки. Держат Лильку на коротком поводке. Вот она и убегает из дома у них. Надо больше разрешать. Тогда и соблазнов меньше будет. Каждый человек сам

должен определить границы своей свободы.

Серёня искоса взглянул на меня.

– Ты правда так считаешь?

До меня дошло: он имеет в виду *тот* наш разговор. Тот самый, после которого мы расстались.

– Да, – твердо сказала я, – раньше мне хотелось, чтобы все было только по-моему. А теперь я считаю, что каждый сам волен выбирать то, что хочет делать.

– Это круто, – тихо проговорил Серёня и накрыл своей ладонью мою руку.

В молчании мы доехали до нашего места. Вылезли и, минуя детскую площадку, откуда доносились крики детей на французском и немецком, чинных бабулек в костюмах, выгуливающих вокруг прудов таких же чинных болонок, пошли к скамейке, на которой давным-давно, еще когда мы приехали в Москву со школьной автобусной экскурсией, Серёня нацарапал ножиком наши инициалы. Прямо на сиденье. Со стороны можно было принять их за узоры.

Мы сели. В кармане загудел телефон. «Лилька прямо жизни решила мне не давать!» – подумала я с досадой и, не глядя на экран, выключила звук. Сейчас самая важная минута в моей жизни! Я не могу ее тратить на ругань с Лилькой! Пусть развлекается со своими подружками – сама же их позвала!

Серёня тем временем встал, порылся в кармане джинсов и извлек помятую открытку. Я растерянно посмотрела на двух зверьков, которые обнимались на картонной обложке. Он протянул ее мне, сел и отвернулся.

Я раскрыла открытку. «Дорогая Галя...» – начиналось послание. Я быстро глянула на последнее предложение. «Ты выйдешь за меня?» В глазах защипало от счастья. Но я начала с самого начала.

«Дорогая Галя... ты очень дорога мне...»

Это были потрясающие слова любви. Я читала и задыхалась от наплывающего восторга. Наконец Серёня развернулся ко мне. Он постарался улыбнуться, но у него не вышло.

– Ты, если хочешь...

– Серёня!

– Если хочешь, не отвечай сразу!

Он покраснел и резко пригнулся, зашарив рукой под скамейкой.

– У тебя телефон выпал, – сообщил он, подавая мне мобильник.

Я глянула на экран и ахнула. Двадцать четыре вызова! От Лильки! Двадцать четыре! Господи!

Я тут же перезвонила. Недоступна.
– Серёг, что-то случилось с ней! Поехали домой!

Глава восемнадцатая

Снова он

Дома Лильки не было.

Серёня входить в квартиру отказался наотрез.

– Понимаешь, Лиля может появиться в любую секунду. И что она потом скажет матери? Что ты приводила в квартиру чужого? А если у них что-нибудь пропадет? Кого обвинят, отгадай с трех раз. Нет, я в машине подожду.

Я покачала головой, но вспомнила тон Евгении, когда она говорила о конверте с деньгами, и не стала настаивать.

Угощение не тронуту. Пижама, выглаженная мной, по-прежнему аккуратно уложена на Лилькиной кровати. Вообще, такое ощущение, что девочки и не приходили, вот только куда в таком случае испарилась Лилька? И зачем она мне звонила двадцать четыре раза? Я набрала ее. Снова недоступна.

За окном потихоньку темнело.

Я позвонила Серёне:

– Езжай, я ее дождусь. Ты устал после работы.

– Ладно, – зевнул он. – Скорее всего, дуется и прячется от тебя у какой-нибудь подружки. Если что, звони, мигом подскочу. А насчет того, что я написал...

– Я подумаю, – улыбнулась я, – можно?

– Конечно, – поспешно добавил он.

Я села на кровать. Свет так и не зажигала. Просто сидела и ждала.

Иногда набирала ее номер. Старалась делать это не часто.

С каждым звонком сердце билось все быстрее. В конце концов я не выдержала. Зажгла лампу, подошла к ее столу. Под оргстеклом – какие-то записки, календарики, розовые сердечки, напоминки. А, вот! «Наташа». И номер.

– Будем надеяться, что это та Наташа, – пробормотала я, набирая номер.

Наташа оказалась та. Но подошла не она, а ее мама.

– Наташенька ночует у Кати.

– А Лили с ними нет?! – выкрикнула я, мысленно обозвав Лильку «поганкой». Пошла ночевать к девчонкам, а меня не предупредила!

– Я, конечно, не знаю наверняка, – с удивлением сказала Наташина мама, – но, мне кажется, нет.

Я попросила номер Катиного телефона. Сказала, что я Лилина няня. В баню формальности! Лильку бы найти.

У Кати ее не было.

Я беспомощно оглянулась. Что теперь? Кому звонить?
Мне не хотелось уходить. Лилька может вернуться в любую секунду.
Пусть видит: я – дома.

Да, я дома! В отличии от нее. Я дома и жду ее. Ждать было очень мучительно. «Пойду поищу», – решила я.

На улице стемнело, зажглись фонари. Страшно не было: на скамейках детской площадки сидели мамашки, лузгали семечки, покрикивали на детей, крутивших скрипучую карусель где-то в темноте.

Я осмотрела все скамейки сначала в нашем дворе, потом в соседнем. Затем решила на поход в сквер. Осмотрела лавочки и даже кусты. Зашла в торговый центр у метро. Пробежалась по фуд-корту. Заглянула даже в кинотеатр. Меня, правда, тут же схватил за руку зазевавшийся контролер, но я успела крикнуть в темный зал:

– Лилька!

Никто не вышел.

– Сестру ищут, извините! – выпалила я и побежала дальше.

Магазины закрывались, я в них и не совалась. Выскочила к метро, пробежала по переходу. Потом – обратно, чтобы снова прочесать сквер. И снова – скамейки.

Ее не было. Мне стало страшно. По-настоящему страшно.

А если ее похитили?! Она звонила мне, пока у телефона не села батарейка, а я... Я сидела с Серёней, и... Нет. Стоп! Дальше думать было нельзя. Никто ее не похищал. Она где-то прячется. Дура.

Я вернулась в квартиру. Справилась кое-как с разочарованием от того, что Лили в ней снова не оказалось. Я все-таки надеялась... Ладно. Надо как-то действовать, что-то делать. Бездействие сводит с ума.

– Паршивая девчонка! – вырвалось у меня вдруг помимо воли.

Почему, почему не было никакой управы на эту девчонку?! Почему нельзя ей как-то прищемить хвост! Вдолбить, что нельзя, нельзя, запрещено так поступать со взрослыми!

А если все-таки похитили?

Нет!

Я рванула к ее столу. Вывернула все ящики, перерыла старые тетрадки и блокноты. Зачем? Сама не знаю. Наверное, я просто сходила с ума.

На глаза попался ее нетбук. Я замерла. Потом выскочила в прихожую, схватила свой рюкзак. Порыскала в нем в поисках бумажки, на которой были написаны пароли от Лилькиного ЖЖ.

Через минуту я уже сидела перед нетбуком, напряженно вглядываясь в экран.

Надо же, какой у нее логин в ЖЖ – «мисс Баттерфляй»! Бабочка, елки! Куда ты убаттерфляила?

В соседнем окне открыла «ВКонтакте». Вдруг она с кем-то

познакомилась и пошла на свидание по Интернету?

Какое свидание – ей одиннадцать!

Но кто знает, на что она способна, чтобы отомстить мне! Бестолочь, чучело мухоморное!

«Может, позвонить ее родителям?» – мелькнуло вдруг в голове. Этого еще не хватало! «Обрадовать» их. Они ж там помрут от ужаса.

«Интересно, – пришло мне в голову, – я что, правда замуж собиралась? Детей собиралась рожать? Больная совсем. Если когда и рожу, то привяжу к стулу, и так будут жить у меня, пока восемнадцать не стукнет!»

Я положила руки на стол и, уткнувшись в них, заплакала.

– Что мне делать, что? – шептала я, обращаясь неизвестно к кому.

Мне даже и подумать было страшно об абсолютно пустой улице, которая ждала меня снаружи. Пустая. Только деревья и фонари. И никакой Лильки.

Я подняла голову и снова уставилась в экран. Одна слеза капнула на клавиатуру. Я смахнула ее рукавом. Вытерла щеки.

А, вот запись в ЖЖ за прошлый год. Доступно: «друзья». Это был результат какого-то теста. «Очередной оттенок черного», – горько подумала я. Прочла: «Вы всегда прячете голову в песок». И комментарии от кого-то неизвестного: «От твоей мамы и я бы спряталась))))))))))».

Кто это? Наташка? Ник странный, похож на название экзотического растения. Но такое количество смайликов только дети ставят.

И второй коммент от нее же: «Только от нее не спрячешься».

И еще три строчки смайликов. Класс!

«А я знаю, где можно, – ответила Лилька, – там прохладно и темно».

«Не страшно в темноте?»

«Нет, у меня там фонарик».

«И где это?»

«Не могу сказать: мама знает пароли от моего ЖЖ. Mamochka, привет! Отойди от моего компа!»

Я отпрянула, будто Лилька обращалась прямо ко мне. Значит, она все знала. Смелая какая!

Во мне шевельнулась надежда. Значит, какое-то место есть. Прохладное. Что это – подвал?

Я снова выскочила из квартиры. Добежала до самого подвала, уткнулась в решетку. Заперто! Попробовала присмотреться, не горит ли там фонарик. Нет, темнота. Я выскочила из подъезда.

Может, сарай какой-то с инструментами? Или типа будки трансформаторной? Но туда нельзя забраться... Может, подвал в другом

подъезде?

Я принялась забегать во все подъезды по соседству. Мне было страшно, но не за себя.

Я кричала еще с порога:

– Лиля! Лилия!

Потом сбегала к подвалу. Все они были заперты.

– Не знаете, есть ли где-то у нас в районе место, где фонарики маленькие висят? – спросила я у какой-то старушки, выводящей из подъезда здоровенного королевского пуделя.

– Возле гаражей, – откликнулась старушка.

Я помчалась к гаражам. Добежала. Возле ряда красноватых ржавых домиков стояли мужики, обступив машину, приподнятую с одного бока на домкрате. Рядом дрались собаки.

– Лилия! Лилия!

Собаки перестали драться, уставились на меня, потягивая носом воздух.

– Лилия! – в отчаянии крикнула я.

И почему у нее такое вялое имя?! Грохнуть бы раскатисто по двору: «Мар-ри-на!»

– Марина! – крикнула я на автомате и тут же одернула себя: да какая Марина! Лилия...

– Лилия-а-а! – заорала я. – Лилька! Ты где?!

Мужики обернулись на меня.

– Девочку не видели? Маленькую? С косичкой? Пластинка на зубах! Нет?

Они переглянулись, покачали головой. Я помчалась дальше. Бог с ним, с убежищем! Надо снова в сквер! Потом – по дворам.

Было темно. Совсем темно. И людей на улице почти не было...

Страх стучал в ушах, глухо бил изнутри. Двор изводил меня ненужными мне людьми, машинами. Хотя нет, в машины я вглядывалась. Сглатывала судорожно и вглядывалась. Вдруг мелькнет что-то. Страшно было признаться, что я рассчитывала увидеть. Ноги? Руки? Девочка, которую запихивают в салон?

Память ежесекундно подкидывала мне страшные газетные заголовки, темы статей из журналов. Я боролась с собой. Нельзя было поддаваться панике. Мелькала и такая мысль: «Все это только сон». И даже такая: «Как хочется сейчас забиться в угол, сесть на корточки, уткнуть лицо в колени, зажать уши руками и дожидаться утра». Мне не верилось, что все это происходило со мной.

Но двор был пуст, и сквер был пуст, а к домашнему телефону Лиля не подходила. Звонок! Серёня....

– Нашла?

– Нет! – истерически заорала я. – Не звони мне! Я же думаю, что это она! Ты меня убиваешь!

– Я сейчас приеду.

– Давай...

– И еще, слушай... В полицию надо, Галь. Чем быстрее, тем лучше. И в этот... отряд добровольцев... Как он называется?

– «Лиля Алерт», – прошептала я, – нет... «Лиза Алерт».

«Если бы вы знали, что испытывает мать, когда забивает в гугл: «Поисковый отряд „Лиза Алерт"», – вспомнились слова Евгении.

– Серёня... – выдавила я, чувствуя, что вот-вот – и захлебнусь слезами.

– Мы ее найдем, Галь. Точно найдем. Я найду этих ребят из поискового отряда. Но сначала сгоняю в полицию, спрошу, что нам делать. А потом приеду к тебе. Отбой. Держись.

– «А я знаю, где можно. Там прохладно и темно», – в отчаянии пробормотала я фразу, в которой Лиля так и не назвала своего укромного места. Где, где же оно?! Где прячется эта девчонка?!

«Может, я упустила указание на это место в ее дневнике? – напряженно подумала я. – Может, там что-то было, а я не заметила?»

Я поспешила к своему подъезду. В третий раз уже! Глубоко погруженная в свои мысли, я направилась к лестнице. За моей спиной хлопнула дверь, но, вопреки своим правилам, я не обернулась. Что значили мои глупые детские страхи по сравнению с настоящей бедой?

Подъезд больше не пугал. А лучше бы пугал, но Лилька была бы дома. Если бы да кабы.

Я поднялась еще на один пролет. Внизу кто-то зашаркал. Наверное, жилец со второго этажа. У него еще грязная неопрятная собака. Кто еще может шараться по нашему подъезду в двенадцать часов ночи?

Но я поднялась на четвертый этаж, а шаги не прекратились. Они приближались. Я замерла. Шаги тоже.

– Лиля? – неуверенно позвала я.

Кто-то зашаркал быстро-быстро. Поднимается по ступеням! Она! Лилька! Вернулась!

Я радостно всхлипнула и кинулась вниз. Пролет! Еще пролет! Сейчас я ее обниму! Нет, сначала шею намылю этой бестолочи! Чудо-юдо! Нет, все-таки сначала – обнять! В глаза посмотреть и снова обнять!

Я прыгнула на последний пролет... и затормозила.

Валенки.
Я увидела валенки.

А потом – коричневые штаны. Коричневую куртку. Толстую лапу на перилах. И голову, круглую, с клочковатыми волосами, приплюснутым носом, и...

Медведь смотрел на меня в упор. И щерился.

Меня словно ошпарили кипятком. Я то ли взвизгнула, то ли пискнула и рванула вверх. Он продолжил подъем. Отжимал меня от выхода, как поршень.

«Кому? Кому позвонить? – метались мысли. – Кто откроет в полночь? Я никого не знаю!»

В голове всплыло: «Надо звонить во все квартиры! Подряд!» Но пока они подойдут... Я же не могу ждать! Он же схватит меня... И...

Я со стоном бросилась выше. Лилькина квартира! Там Серёня!

Я затрещала отчаянно. Медведь поднялся еще на пролет и стоял смотрел, как я звоню. Ждал. Выжидал.

Серёня не открыл. Не было там никакого Серёни. Он же ещё не приехал!

Трясущимися руками я попыталась нащупать ключи. Медведь двинулся ко мне.

Я вскрикнула и позвонила Лилькиным соседям. Одним, другим. За первой дверью – молчание. За второй спросили: «Кто?»

Но я уже не смогла ответить. Я была выше на пролет. У той квартиры стоял медведь.

– Ошиблись! – хрипло сказал он и продолжил подниматься.

«Баба Клава!» – сообразила я, забираясь все выше. – Она дома, она наверняка должна быть! К ней можно нырнуть, он же медленно идёт!» Я нажала на кнопку своего звонка.

«Откройте, откройте, Татьяна Геннадиевна!» – молила я, вдруг вспомнив настоящее имя «бабы Клавы».

Сама тем временем нащупала телефон. Вытащила его. Но медведь вдруг перешагнул через две ступеньки раз, другой – и оказался рядом. Ударил по руке. Телефон вылетел, грохнулся где-то внизу и разлетелся на куски. Я посмотрела туда – и вспыхнула перед глазами жуть. Воспоминание, о котором я никогда не вспоминала.

Мы с подружкой Алкой учились тогда во втором классе. Мама и Алкина бабушка забрали нас после уроков. По дороге у меня сильно прихватило живот.

– На́ ключи, – сказала мама, – беги вперед. Ну вот, и если утюг включать не на полную мощность... – Последнее было не мне – Алкиной бабушке.

Я не дослушала – погнала что было мочи. Очень уж приспичило. Влетела в подъезд как вихрь – и на свой пятый этаж.

Вдруг:

– Девочка, девочка...

Я посмотрела вниз. Стоит. Во всем сером. И в валенках. Штаны спускает.

– Вы, – дрожащим голосом спросила я, – тоже... в туалет хотите?

– Нет, смотри, девочка! Девочка...

Я с криком рванула наверх, он – вниз.

Мама нашла меня дома, дрожащую, плачущую. Перепугалась сама, звонила в полицию, которая тогда еще милицией называлась. Кажется, его поймали...

Сейчас все это за секунду пронеслось. Будто прикоснулись к коже раскаленным чем-то. Будто ожог.

Но сейчас никто не собирался от меня убежать. Смотрел только тяжело и отрывисто дышал.

– Помогите! – крикнула я и добавила шепотом: – Пожалуйста, помогите!

Медведь сунул руку в карман.

– Больше не кричи, – сказал он с одышкой.

Голос у него оказался странный – тонкий, как у животных в мультиках.

– Пожалуйста! – Я опустилась на ступени, зажмурилась и прижалась лбом к холодной стене. – Пожалуйста... не трогайте меня... Не надо!.. Господи, пожалуйста!..

– Отойдите от нее! – вдруг раздался крик за моей спиной.

Медведь вскинул голову и поморщился, оборачиваясь. По толстой щеке мазнуло светом. Я ахнула, обернулась: Лилька! Стояла в чуланчике за решеткой и светила фонариком в нас! Живая! Здоровая!

Сердце у меня кровью облилось от радости сначала (нашла ее!), а потом от ужаса. Дурища! Балда! Зачем она сюда залезла? Он же запер, выходит, не только меня, но и ее...

– Уйди, дура! – проговорила я. – Хоть ты уйди...

И тут поняла: голоса у меня нет. Рот открываю, как рыба немая.

Медведь хотел было что-то сказать, но Лилька опередила его.

– Посмотрите! – закричала она. – Видите, мой телефон? В нем кнопка – SOS. Специально для детей! Чтобы, если они потерялись, могли найтись! Сразу же! Мои родители специально купили мне такой телефон! Понимаете? Специально! Я уже нажала эту кнопку! Меня видно на карте в компьютере у полиции! Поняли? За вами сейчас приедут!

Я не сводила глаз с ее тоненькой фигурки, размахивающей фонариком. Как странно было видеть маленькую худую девочку с фонариком, которая пытается прогнать здорового сиплого медведя, а его огромная фигура, нависающая надо мной, казалось, могла рвануть вперед и смять, проехаться, будто асфальтовым катком по пластиковому стаканчику, раздавить, уничтожить...

Было очень страшно. Но не за себя – за нее.

Медведь молчал, прикрывая рукой глаза от света, который скользил по его лицу. Непонятно было, понимает он Лильку или нет. Верит он ей или нет?

Но вдруг щелкнула дверь квартиры Татьяны Геннадиевны, а за ней – еще одна, внизу.

Соседи открывали двери на Лилькин крик. Из распахнутого у мусоропровода окна послышался вой полицейской сирены.

Медведь надул одну щеку, издал какой-то булькающий звук, неловко развернулся и затопал вниз не оглядываясь. Телефон хрустнул под его валенком, он на секунду замер. Я тоже застыла, закрыв глаза. Уходи! Уходи! Пожалуйста, уходи!..

Я еле дышала. Будто примерзла к ледяным ступеням.

– Галя! – воскликнула Татьяна Геннадиевна, торопливо выходя на площадку, вытирая руки тряпкой. – Что с тобой? Ты чего тут сидишь?

Я открыла глаза. Медведя не было. Только две половинки от телефонной крышки на полу.

Наверху щелкнул замок, дверь на чердак отворилась, и вниз легко сбежала Лилька. Глаза у нее были на пол-лица. Она то улыбалась, то испуганно переводила взгляд с меня на Татьяну Геннадиевну.

– Уй, поверил, уй! – выпалила она, а потом снова нахмурилась: – Галечка, Галечка, бедненькая! Он ушел! Всё, ушел!

Она под села ко мне, дотронулась до руки, потом погладила по плечу, по голове.

– Эй... эй... Все кончилось, слышишь меня? Всё, нет его. Он поверил, он ушел!..

– Да, – с трудом выговорила я, – да...

– Кто напугал-то? – с тревогой спросила Татьяна Геннадиевна. – Кто, а?

Она склонилась и обтерла мое лицо тряпкой, которую мяла в руках. Пахнуло кислым творогом, и я как оттаяла. Вот уже пальцы ощущают холод ступеньки. Вот уже можно голову повернуть в сторону окна. Вой сирены стих.

– Взяли его? – с волнением спросила я. – Выгляните кто-нибудь, взяли? А?

– Да я не вызывала полицию, Галь, – тихо сказала Лиля, испуганно посмотрев на Татьяну Геннадиевну, нависавшую над нами.

– Как?! Там же редела сирена!

– Это случайно вышло. Может, там полиция, может, «скорая помощь» – я не знаю. Но я точно не вызывала. Это фонарик, видишь? Обычный фонарик!

Она показала мне «кнопку SOS».

– Ну, он не очень яркий, правда, – сказала Лиля, – поэтому я в него Ларискиным светила. Круто вышло, да?

Я привалилась к ее худенькому плечу и закрыла глаза.

– Я чуть не умерла, – выговорила я. – Мне никогда в жизни не было так страшно!

– Он ушел, его больше нет!

– Маньяк какой был? – заволновалась Татьяна Геннадиевна. – В полицию надо звонить, девочки! Прямо сейчас!

– Нет, Лиль... Когда ты пропала...

Лилька издала сдавленный звук.

– Галь, слушай... – Она всхлипнула и прижалась губами к моим волосам. – Прости, я... я вообще не из-за тебя убежала! Наташка с Катей не пришли, но я не из-за них! Я бы тебя дождалась дома, Галь... Но это, понимаешь... Из-за конверта.

– Потом болтать будете! В полицию звонить надо! – перебила Лильку Татьяна Геннадиевна и вдруг вскрикнула: – Ах ты, я ж творог не выключила, небось все уже на плиту вылилось!

Она заковыляла к двери, а Лилька, прижавшись ко мне, продолжила торопливо шептать:

– Понимаешь? Я вроде как и не помнила об этом. Ну сделала и сделала. Забыла вроде. А оно под кожей сидело. Как клещ, знаешь? Голову ему оторвали, а он все равно под кожей. И как ты сказала, что я... ну это... В общем, мне так прямо плохо стало. Хотелось в угол забиться. Мне стыдно перед тобой было. Галь! А ты... не знаешь, как перестать быть воровкой? Можно же как-то?..

Я вдохнула полной грудью. Все старое исчезало. Появлялось что-то другое, и это другое требовало заняться им немедленно. Если бы я могла, я бы улыбнулась. Воспоминания пока еще сковывали мои губы, мои щеки, мой взгляд, но говорить уже не мешали.

– Или воровом нельзя перестать быть? – нервно повторила Лиля.

– Можно. Надо признаться. И быть готовым выслушать то, что тебе скажут.

– А прощения надо просить? – спросила деловито Лилька, и в этот момент так смешно, по-детски, наморщила нос, что я все-таки улыбнулась.

Эпилог

Его поймали. Этого дядьку. Оказалось, что он сбежал из сумасшедшего дома.

– Настоящего сумасшедшего дома, – повторила Лилька.

И мы с ней вместе подивились тому, что вроде бы ходишь-ходишь по городу, знаешь, что в нем есть музеи, театры, клубы, библиотеки, школы, больницы, но вот что есть дом для людей с умственными отклонениями или нарушениями психики – не приходит в голову. А он есть. Даже не очень далеко от нас находится. Три остановки на метро в сторону центра.

Родителям Лилька призналась. Сразу, как приехали. Обрадовала, так сказать. Но папа вообще никак не отреагировал. Взяла и взяла. «Мало карманных даем», – решил он.

Но Евгения, конечно, спуску Лильке не дала.

– Если я брала еду без спроса, мои родители называли это «воровством», – холодно сказала она. – Как ты думаешь, что бы они сказали про конверт?

– Мам, я...

– Зачем тебе были нужны эти деньги?

– Белье купила, – помогла я Лильке. – Понимаете, ей очень хотелось лифчик купить. Вот она и взяла без спроса. Хотя это неправильно.

– Но почему ты мне не сказала? – продолжила Евгения, посмотрев на Лильку. – Пошли бы и вместе купили.

– Я боялась, ты не разрешишь... Папа сказал: мне еще рано.

– Почему не разрешу, что я, такой тиран? – вдруг спросила Евгения.

И снова в ней проглянуло то, что всегда мне нравилось: естественная

прямота. «Сделать вам кофе?» – «Нет, пусть Галя сделает». Она никогда не стеснялась говорить правду.

Мы с Лилькой промолчали.

Евгения нервно хмыкнула:

– Слушайте, в любом случае это не повод!

– Мам, прости, – жарко заговорила Лилька. – Я крепко-крепко теперь знаю, что больше не буду. Понимаешь, это похоже на клеща. Очень неприятно. И даже больно.

Я видела, что Евгения борется с собой. С той собой, которая вычеркивает строку за строкой в Лилькином эссе, заставляет ее держать открытой двери комнаты, знает все пароли. Мне пришло в голову: она и правда выглядит тираном, особенно в глазах психованной Лильки, но кажется, она не знает точно, как должна вести себя мама, и на всякий случай ведет себя строго. Очень строго. Чересчур. (Хотя, когда Лилька пропала, некоторые методы Евгении мне очень захотелось одобрить. И вообще, Лилька не такой уж зайчик.)

Но та Евгения, искренний тон которой мне всегда нравился, как будто просекла: сейчас какой-то важный момент. Момент, когда можно вернуть Лилькино доверие.

– Лиля меня очень выручила, – вступила я, – вчера в подъезде...

Евгения в большом смятении слушала о наших приключениях. Выражение лица ее менялось постоянно. Она поглядывала на Лильку то строго, то со страхом, то с волнением, то с недовольством, то снова со страхом. Она качала головой, цокала языком. А Лилька слушала меня, слушала и вдруг прижалась к матери. И та медленно, будто неуверенно, обняла ее.

Лилька улыбнулась и принялась то вставлять в мой рассказ какие-то замечания, то перебивать меня, обращаясь к матери:

– Ну я тебе про это потом расскажу... Ой, и про это тоже обязательно расскажу. Мне знаешь как обидно было, когда Наташка сказала...

Я смотрела на них обеих и думала: хорошо все-таки, что Лилька не моя дочка. Больше мне не казалось, что я чем-то лучше ее матери. Так что я просто радовалась, что Лилька мне не дочка, а подруга.

А наверху, там, где решетка, мы с Лилькой сделали небольшое убежище. Постелили коврик, который Татьяна Геннадиевна собиралась выкинуть, а я вовремя перехватила. Прикрепили крючок, такой, на липучке, на который в ванной полотенца вешают. Повесили на него Ларискин фонарик. И решили, что, если кому-то из нас захочется подумать в тишине

и прохладе, будем туда приходить.

Однажды у нас фонарик украли. Лилька возмущалась:

– Украли! Надо же! Какое свинство!

Я молчала. Лилька в конце концов осеклась. Вспомнила, видно...

– Может, он кому-то очень был нужен, – сказала я.

– И что теперь делать? – спросила Лилька, борясь с гневом в голосе.

– Повесим новый. И табличку заодно. Где написано будет, для чего тут висит фонарик.

А я, как ни странно, стала к психологу ходить. Нет, не как в американских фильмах, где кушетки и все прочее. Просто к родителям в поликлинику хороший психолог работать пришел.

Как-то я приехала к ним «на борщик», а мама все не могла нахвалиться на нового специалиста.

«А запиши меня тоже, – вдруг попросила я, а потом на родителей глянула и добавила: – Хватит мне уже шорохов в подъезде бояться...»

Тетенька и правда очень славной оказалась. Хотя избавиться от того, что меня всю жизнь пугало, не сразу получилось. Но мы работаем вместе... Хотя кое-что изменилось почти сразу: я записалась в библиотеку.

Вот кто теперь недоволен, так это Серёня!

– Почему ты не можешь торчать в библиотеке по будням? – возмущается он, когда, вместо того чтобы идти в кино, ему приходится ждать меня в пустынном зале в окружении книжек.

– Потому что я работаю, – терпеливо отвечаю ему.

– И что, это обязательно? Каждые выходные тут сидеть?

– Нет, Серёничка, не обязательно. Но мне очень хочется!

– Но ты ведь даже не поступаешь!

Это правда. Я не поступаю. В этом году – точно. Но, может быть, когда-нибудь...

Эта история кое-что поменяла в нас с Лилькой. Она вот что мне сказала: «Знаешь, когда он ушел, испугавшись фонарика, я себя такой сильной почувствовала... Что сразу перестала маму бояться... И Наташку с Катей... Вообще всех. В тот момент я и решила все маме рассказать».

А мне после похода к психологу вдруг захотелось научиться разбираться в людях. Правда, пока я только изучаю книжки по психологии. Но возможно, когда-нибудь доберусь и до людей...

– А замуж? – жалобно спрашивает Серёня, вклиниваясь в мои размышления. – Замуж ты за меня выйдешь?

– Обязательно, – твердо отвечаю я, – сразу, как только почувствую, что готова.

Он слегка обижается, но потом, нагруженные справочниками и монографиями, мы едем ко мне, и я варю ему раф. Серёня вдыхает ванильный пар, исходящий от сливочного кофе, и перестает дуться. Пьет кофе, листает одну из книг. Когда он увлекается настолько, что явно не оторвется и не скажет недовольно: «Ну что ты уткнулась в мобильный, поговори со мной!» – я достаю телефон, крышка которого перетянута скотчем, и пишу: «Привет, Фонарик! Как прошел твой день?»

Об авторе этой книги

Юлия Кузнецова закончила Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, по образованию филолог. Работала гидом-переводчиком, копирайтером, преподавателем иностранных языков, организовала на базе детского центра театральную студию на английском языке «Окошко радости».

Юлия любит встречаться с детьми, потому что, по ее словам, «они задают каверзные вопросы и дарят вдохновение».

Юлия воспитывает двоих детей, а также занимается волонтерством в двух интернатах. Эти встречи тоже дарят ей вдохновение, поскольку помогают понять, «какая радостная штука – жизнь, если кто-то есть с тобою рядом».

Ю. Кузнецова – финалист премии «Заветная мечта – 2007» в номинации «Лучший детский детектив» за книгу «Тайна города Звенигорода»; лауреат премии «Заветная мечта» сезона 2008–2009 гг. (Малая премия, I место) за повесть «Выдуманный жучок», премии имени В. П. Крапивина 2017 года (II место) за повесть «Помощница ангела» и премии «Книгуру» (2012–2013 гг.) за повесть «Где папа?».

Автор пишет о современных подростках, с их проблемами, мечтами, поисками своего места в жизни. В сборнике «Выдуманный жучок. Рассказы о больничной жизни» ребятам приходится справляться с тяжелыми недугами. Девочке Ангелине из повести «Помощница ангела» предстоит сделать нелегкий моральный выбор, а Лизе из повести «Где папа?» пережить разлуку с самым дорогим для нее человеком. Проза Ю. Кузнецовой – жизнеутверждающая, ее герои учатся сочувствовать, понимать, бороться и побеждать.

О художнике этой книги

Книга проиллюстрирована молодой художницей **Мариной Пещанской**.

В 2009 г. она окончила Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова (факультет живописи, мастерская профессора В. М. Сидорова). Ее дипломная работа, посвященная основателю русского театра Ф. Г. Волкову, оценена на «отлично», в связи с чем художница была удостоена стипендии от Министерства культуры РФ.

Во время учебы Марина поняла, что ей интересно все, связанное с литературой. Она пробовала себя в разных сферах: работала художником мультфильма «Тайна Сухаревой башни», была художником-постановщиком нескольких короткометражных фильмов. В свободное время Марина играет на гитаре и фортепиано. Из музыки, по ее признанию, «предпочитает старенький джаз и всякие латиноамериканские страсти»; любит и академическую музыку, особенно оперу. Дома у нее живет йоркширский терьер и персидская кошка.

С 2010 г. М. Пещанская – член Союза художников России, секция живописи. Она участник множества выставок молодых художников.

Книга Юлии Кузнецовой – первая серьезная работа Марины в качестве иллюстратора. В своих рисунках ей удалось передать ощущение города, уютную атмосферу кафе и психологические состояния героев повести. Все это, несомненно, обогатило книгу.